

**Дэвид Веллингтон
Тринадцать пуль**

Аннотация

Двадцать лет назад Джеймс Аркли был уверен, что уничтожил их всех... Тогда он стал свидетелем того, как невероятной силы вампир буквально разорвал на части подразделение спецназовцев, а затем поужинал ими.

Джеймс Аркли посчитал, что ужас закончился. Но он ошибся...

Патрульная Лаура Кэкстон находит доказательства того, что раса вампиров по-прежнему прячется в тени человеческой цивилизации.

Дэвид Веллингтон

Тринадцать пуль

Моей сестре Мелиссе, которая не так хрупка, как думает. Я-то это знаю, ведь сам довольно часто опирался на ее плечо.

Лэрс

*«Пусть пули вокруг летают!
Меня ль опасность испугает?
Я выходил не из такой!»*
Джордж Гордон Байрон. Гяур
(Перевод С. Ильина)

1

**Рапорт о происшествии,
составленный особым представителем
Джеймсоном Аркли,
10/4/83 (аудиозапись)**

Шел дождь, и видимость была паршивая. Ночная закусочная находилась на углу, на пересечении двух главных улиц. Свет, пробивающийся сквозь тонированные стекла окон забегаловки, едва освещал мостовую. Я передал бинокль Вебстеру, своему коллеге, и спросил:

— Видишь его?

Подозреваемый, о котором шла речь, некий Питер Байрон Лэрс (имя, возможно, вымышленное), сидел в закусочной, согнувшись над стойкой. Он был увлечен разговором с официанткой средних лет. Если бы он выпрямился, то показался бы высоким, но, согнувшись в три погибели, выглядел не столь внушительно. Лицо Лэрса было очень бледным, а черные кудрявые волосы торчали во все стороны в диком беспорядке. Огромный красный свитер висел на нем мешком: «Еще одна попытка скрыть свои габариты», заключил я. На его носу красовались очки с толстыми стеклами в черепаховой оправе.

— Не знаю, Аркли, чему вас там учили в школе федералов, но я никогда не слышал, чтобы кто-то из них носил очки, — с долей ехидства, возвращая мне бинокль, произнес Вебстер, мой связной из полицейского участка.

— Заткнись.

Неделей раньше, в Ливерпуле, Западная Виргиния, я обнаружил на чердаке шестерых убитых девушек. Похоже, там устроили вечеринку. Девушек разорвали буквально на куски, так что трое экспертов лаборатории мучились целые сутки, чтобы определить, сколько же всего было тел. Я чувствовал себя паршиво. Чтобы выяснить кличку этого мерзавца, я голыми руками стер в порошок одного из его прихвостней. И сбрасывать обороты не собирался.

Лэрс встал и, все еще не поднимая головы, достал из кармана кожаный бумажник и принялся отсчитывать мелкие купюры. Казалось, он о чем-то задумался. Наконец окинул взглядом кафешку, выпрямился в полный рост и глянул в окно на улицу.

— Он что, заметил нас? — спросил Вебстер. — В такую-то погоду?

— Не уверен, — ответил я.

В следующий миг на стеклянную витрину забегаловки выплеснулось около галлона ярко-красной крови. Что делалось внутри, я разглядеть не мог.

— М-мать т-твою! — взревел я, выскакивая из машины и бросаясь по тротуару к забегаловке. Дождь в мгновение ока промочил меня насквозь. Я ворвался в закусочную; звезда федерала сверкала у меня на груди, но нападавший уже смылся, а в помещении не

осталось ни одной живой души, на кого мой значок мог бы произвести впечатление. Официантка лежала на полу, ее голова была практически оторвана от туловища. Начитавшись литературы, ждешь, что раны от укуса вампира — это изящные маленькие дырочки, ну, может, пара синюшных пятен. Лэрс же вырвал у женщины большую часть шеи. Ее яремная вена торчала наружу, напоминая обрывки горловины сдувшегося воздушного шарика.

Кровь залила стойку бара и забрызгала потолок. Я расстегнул кобуру с табельным оружием и обошел тело вокруг. Где-то чуть дальше должна быть уборная. Мне пришлось удержать себя, чтобы не броситься туда со всех ног. Если Лэрс в сортире, а я рвану за ним в полумрак мужских кабинок, моя неосмотрительность погубит меня. Поэтому я выскочил обратно под дождь. Вебстер уже завел машину. Мотор ревел, поднимая с постелей жителей близлежащих домов. Да еще и вертолет снижался над нашими головами с таким грохотом, что можно было не сомневаться: завтра утром на нас поступят жалобы. Прожектор вертушки разгонял сумерки вокруг закуской. Вебстер слегка нажал на газ, и мы въехали в переулок позади ресторанчика. Я внимательно разглядывал сквозь дождь мусорные контейнеры и разбросанные отходы. Все пока тихо. У нас было неплохое прикрытие: полицейские следили за территорией перед рестораном. Кроме того, на подходе ребята, вооруженные с ног до головы. Вертолет мог оставаться здесь хоть всю ночь, если потребуется. Я попытался расслабиться.

— Группа захвата уже совсем рядом, — сказал Вебстер, откладывая рацию.

Мусорный контейнер в переулке сдвинулся на дюйм; можно было подумать, что бомж, устроившийся внутри, почесался и перевернулся во сне. Мы с Вебером застыли на мгновение, которого хватило, чтобы убедиться: это не глюки, мы оба видели то, что видели. Я проверил оружие и начал методично заряжать его разрывными пулями, которые превращают плоть человека в безжизненные клочья, а сам не сводил глаз с контейнера. Сегодня нельзя дать этому психопату уйти, поэтому, если потребуется освятить ствол у священника, я так и сделаю.

— Возможно, особый представитель Аркли, нам следует слегка притормозить, — предложил Вебстер, — пусть им занимается группа захвата.

Обращение ко мне по званию означало, что он вел запись наших разговоров и хотел зафиксировать свои слова, мол, сделал все возможное, чтобы предотвратить кровавую разборку. Хотя, проще говоря, прикрывал себе задницу. Мы оба знали: Лэрс ни за что не выйдет добровольно.

— Да, ты, наверное, прав, — процедил я, хотя мои нервы буквально звенели натянутыми струнами. Я чуть расслабил руку, держащую пистолет, и со злостью пнул ногой коврик на полу.

Мусорный контейнер разлетелся на куски, и белое пятно понеслось по переулку. Оно столкнулось с нашей машиной, да так, что она перевернулась и встала на бок. Дверь с моей стороны вмялась и придавила к бедру руку, а вместе с ней и пистолет. Вебстер, едва машина грохнулась на все четыре колеса, а нас швырнуло на ремни безопасности так, что лично у меня едва дух не вышибло, все же мгновенно выхватил свой ствол.

Он потянулся через меня и трижды выстрелил. Мои руки и лицо обожгло пороховыми газами. Я чувствовал запах кордита,¹ но ничего не слышал: оглох на добрых полминуты. Окно с моей стороны вылетело наружу, но несколько крошечных осколков стекла застряли на моих коленях.

Я повертел головой, чувствуя себя так, словно был запаян в стекло — видел все нормально, но не мог пошевелиться. Ухмыляющееся окровавленное лицо Лэрса идеально вписывалось в расколошмаченный триплекс. Дождь смывал кровь с его рта, вот только внешность от этого лучше не становилась. Очки были сломаны, черепаховые дужки перекручены, а линзы покрылись паутиной трещин. Одна из пуль попала Лэрсу в правый глаз. Белый студень выплеснулся из него наружу, и я увидел красную кость глазницы.

¹ Бездымный нитроглицериновый порох.

Остальные две пули прошли сквозь крыло носа и правую щеку. Раны были отвратительными, кровавыми и, несомненно, смертельными.

Но пока я смотрел, они затянулись сами собой. Это напоминало бег по ударопрочным мусорным бочкам: сначала они деформируются, а затем за пару секунд возвращают себе первоначальную форму. Клуб белого дыма в пустой глазнице Лэrsa сгустился и превратился в новое, совершенно целое глазное яблоко. Раны на носу и на щеке затянулись. Можно было подумать, что эти исчезающие тени — обман зрения. Теперь, когда Лэрс снова был целым и невредимым, да еще и умытым дождем, он медленно снял с носа сломанные очки и швырнул их через плечо. Потом открыл рот и ухмыльнулся. Все его зубы заострились на концах. Они не были похожи на киношные бутафорские челюсти. В реальности его рот больше всего напоминал пасть акулы, у которой десны в несколько рядов утыканы крошечными ножичками. Он дал нам вдоволь налюбоваться своей пастью, а потом вспрыгнул на нашу машину. Я услышал, как его ботинки застучали по крыше, и вот уже он с другой стороны. Он приземлился, не замедляя бега, и помчался в сторону Либерти-авеню.

Группа спецназовцев появилась на перекрестке, блокировав Лэrsa дорогу. Ребята выскочили из бронированного фургона, четверо агентов были вооружены MP5. На них были шлемы с пуленепробиваемыми защитными щитками и бронежилеты, причем не стандартные, а штурмовые. Командовавший ими офицер настоял, чтобы я дал им время усилить снаряжение. «Мы все знаем, во что можем вляпаться, — сказал он мне. — Мы вдоволь насмотрелись фильмов».

Форма и бронежилеты спецназовцев были с ног до головы покрыты распятиями, прикрепленными с помощью термоклей. Распятия были самые разные — от больших резных римско-католических штук с окровавленной фигурой Иисуса, до грошовых никелированных крестиков, болтающихся на феньке, которые можно увидеть у любого подростка. Бьюсь об заклад, они чувствовали себя вполне безопасно и уверенно под всем этим хламом.

Лэрс оглушительно захохотал и рванул на себе красный свитер. На его торсе рельефно выделялись мышцы. Белая кожа, безволосая, без пор, обтягивала позвоночник. Без свитера он лишь отдаленно напоминал человека. Скорее — медведя-альбиноса. Дикого зверя. Убийцу людей.

2

**Рапорт о происшествии,
составленный особым представителем
Джеймсоном Аркли,
10/4/83 (продолжение)**

— Стой, где стоишь, мать твою! — закричал один из облепленных крестами спецназовцев.

Остальные трое опустили на одно колено и нацелили на Лэrsa оружие.

Лэрс рванулся вперед, широко раскинув в воздухе руки, словно собирался схватить ребят с автоматами на таком расстоянии. Это был агрессивный жест, подчеркнуто агрессивный. И спецназовцы сделали то, чему их учили. Они начали стрелять. Их оружие выплевывало в дождь огненные полосы, и пули рассекали ночной воздух, посвистывая возле нашей машины, которую в ночной мгле они просто не замечали. Вебстер рывком открыл дверцу и шлепнулся в большую лужу. Я последовал за ним. Если нам удастся подставить этого ублюдка под перекрестный огонь, тогда, возможно, мы сможем дырявить его быстрее, чем он будет восстанавливаться.

— Сердце! — заорал я. — Вы должны размолотить его сердце!

Спецназовцы были настоящие профессионалы. Они попадали чаще, чем промазывали. Огромное тело Лэrsa крутилось под дождем во все стороны. Вертолет наверху взревел и осветил его прожектором, чтобы мы могли лучше видеть, во что стреляем. Я трижды, раз за

разом, попал ему в спину. Вебстер опустошил свою обойму.

Лэрс качнулся вперед, словно падающее дерево, и полетел прямо в сточную канаву. Он вытянул руки, пытаясь остановить падение, но не смог. Он лежал неподвижно, даже не дыша, сжав в ладонях пригоршню крошечных желтых листочков акации, которые забили решетку водостока.

Спецназовцы обменялись безмолвными жестами. Один из них двинулся вперед, нацелив оружие Лэрсу в затылок. Он приготовился вышибить ему мозги — выполнить классический контрольный выстрел. Не туда он целился, но я не думал, чтобы это имело хоть какое-нибудь значение. На Лэрсе не было ни одного мало-мальски заметного следа от пуль — должно быть, они моментально затонули. Однако он не двигался. Спецназовец шагнул ближе и пнул носком ботинка одну из мускулистых ног.

Лэрс мигом перевернулся на бок, намного быстрее, чем это смог бы сделать человек. Подтянув под себя одно колено, он схватил спецназовца за руку и рывком поднялся, без вреда для себя дотрагиваясь до крестов.

Спецназовец начал было приседать, чтобы попытаться выстрелить в положении «согнувшись», но Лэрс обеими руками обхватил его шлем. И сорвал его вместе с головой.

Какое-то мгновение обезглавленный спецназовец стоял в идеальной позе для стрельбы, вот только кровь фонтаном била из его разорванной шеи. Лэрс подался вперед и наклонился над трупом, так что кровь окатила его лицо и грудь. Он насмехался над нами. Он, черт его дери, просто над нами глумился.

Командир подразделения спецназовцев заорал в рацию: «У нас потери! У нас потери!» Лэрс тут же встал и направился к нему. Двумя-тремя движениями он разбросал, сдирая с них бронежилеты, строй бойцов, и вот уже его пасть сомкнулась вокруг шеи командира. Акулы зубы вонзились в плоть, сминая воротник-дутьш и разнеся в щепки деревянный крест. Я отметил для себя в уме, что кресты — не более чем миф.

Спецназовцы гибли один за другим, но все, что я мог сделать, так это смотреть. Наблюдать. Когда Лэрс повернулся и прыгнул на нас, я вскинул свое оружие. Я бы выстрелил, если бы не побоялся зацепить Вебстера. Лэрс же оказался намного проворнее. Он увернулся, чтобы пригнуться и обхватить Вебстера за пояс. Тот все еще безуспешно пытался перезарядить пистолет.

Лэрс зубами впился Вебстеру в бедро и, резко дернув головой, оторвал ногу. Кровь была повсюду, и вампир пил ее столько, сколько позволяла его ненасытная глотка. Прошла долгая, ужасная секунда, затем еще одна, но Вебстер так и не начинал кричать. Он лишь смотрел на меня, и лицо его не выражало ничего, кроме удивления.

Когда Лэрс закончил свою кровавую трапезу, он выпрямился и улыбнулся мне. Его обнаженный торс был покрыт запекшейся кровью; глаза были красные, а щеки пылали румянцем и здоровьем.

В нем было добрых семь футов, но он невероятно легко согнулся и устоял на меня, а я не мог отвести взгляда. Рука, в которой я держал оружие, безвольно повисла. Я чувствовал, что он каким-то образом забирает у меня силу. Мозг мой одновременно зудел и гудел — Лэрс гипнотизировал меня, но я не знал, каким образом он этого добивается. Он мог убить меня в любой момент. Почему же он тратил время на подобные манипуляции?

Вертолет злобно заурчал в воздухе над нашими головами. Прожектор осветил спину Лэрса, отчего его волосы заблестели. Он сощурился, словно свет причинял ему боль. Он обхватил меня за пояс и подбросил вверх, перекинув через плечо. Я едва мог пошевелиться. Я попытался пнуть его, ударить, вырваться, но Лэрс лишь сжимал меня все крепче, пока я не почувствовал, как мои ребра трещат, словно связка петард. Единственное, что я мог сделать после этого, так только судорожно дышать.

Он не убил меня. В его руках была такая сила, что он с легкостью прикончил бы меня, просто сжав так, чтобы кишки вылезли через горло. Но он оставил меня в живых. Как заложника, решил я.

Лэрс пустился бежать. Мое тело подскакивало и болталось у него на плече. Я мог

видеть лишь то, что было позади нас. Он бежал к Стрип Дистрикт,¹ по направлению к реке. Когда я планировал эту операцию, я убедил дорожное управление Питтсбурга перекрыть большой участок города, чтобы оставить улицы безлюдными. Мне хотелось получить безопасный район, в котором я разыграл бы свой решающий бой. Должно быть, Лэрс почувал необычайное затишье на улицах и бросился вон из моей безопасной зоны в самую гущу уличного движения, где машины лавировали вокруг нас, а испарявшаяся влага от прошедшего дождя поднималась в свете фар, словно пар из ноздрей разъяренных быков. Вокруг нас ревели клаксоны, и я запаниковал и воззвал к Господу: если бы одна из этих машин врезалась в нас, Лэрсу она не причинила бы вреда, зато я наверняка был бы изломан и раздавлен.

Я плохо видел вокруг себя из-за боли, слезящихся глаз и слепящих фар. Я с трудом понял, что Лэрс выбежал на мост на Шестнадцатой улице. Я каким-то образом ощущал, что в небе кружит вертолет, следовавший за нами, его лопасти стремительно вертелись в темноте. Я почувствовал, как Лэрс согнулся, напряг ноги, а затем вдруг... ощутил свободное падение. Этот урод прыгнул с моста.

Мы вонзились в ледяные воды реки Аллегейни с такой силой и скоростью, что я, наверное, переломал себе полдюжины костей. Холод пронзил меня, как будто во все части тела вонзились тысячи сосулек. Сердце екнуло в груди, и я почувствовал, как моя кровь замедляет бег. Лэрс тащил меня все ниже и ниже в темноту. Я едва видел его молочно-белое лицо, обрамленное черными волосами, которые шевелились в воде, будто мертвые водоросли. Остатки воздуха покинули мои легкие, и я начал захлебываться.

Кажется, мы находились под водой всего несколько секунд. Дольше я бы не протянул. И тем не менее я помню, как он работал ногами, проталкиваясь сквозь воду. Я помню косой луч прожектора вертолета, рыскающий во мраке то здесь, то там, но уже слишком далеко. А потом я вообще перестал видеть что-либо. Воздух ударил мне в лицо, и словно ледяная маска прилипла к моему черепу, но, по крайней мере, я мог дышать. Я вдыхал полные легкие холодного-холодного воздуха, пока тело не начало гореть. Лэрс перебросил меня через фибerglassовый борт небольшого судна, закачавшегося и слегка накренившегося под нашим общим весом. А затем швырнул меня, полуживого, в трюм.

3

**Рапорт о происшествии,
составленный особым представителем
Джеймсоном Аркли,
10/04/1983 года (окончание)**

Медленно, с болью тепло возвращалось в кончики пальцев рук и ног. Мысли кружились в голове, и я не мог понять, где нахожусь. В ушах звенело. Я чувствовал себя так, словно смерть прошла в нескольких дюймах от меня.

Лэрс склонился надо мной, ощупал уши и рот. Он разорвал мою рубашку на шее и плече, потрогал вены, похлопал по ним, наполняя кровью. Потом оставил меня, даже не связав, и словно забыл обо мне. Он не произнес ни единого слова. Я понял, что мне уготована участь не заложника, а банального ужина. Я задал ему достаточно перца, и он, видимо, решил, что ему пора домой, под землю. Но это не означало, будто он собирался уходить голодным.

Глаза в конце концов привыкли к практически абсолютной темноте трюма, и я начал различать некоторые детали. Это было тесное, маленькое помещение, в котором пахло дизельным топливом и плесенью. Было холодно, хоть и не так, как под водой, но все равно холод был леденящим. Понятно, что коль скоро ты мертвец, то центральное отопление тебе не нужно. Большая часть помещения была завалена обычным корабельным барахлом —

¹ Район Питтсбурга, известный своими открытыми рынками, ресторанами и магазинами, экономически очень важный, еще и транспортный узел.

спасательными жилетами, похожими на огромные оранжевые леденцы, алюминиевыми веслами, свертками парусины и брезента. Пять гробов были прислонены к полкам и фальшбортам или лежали ровно на полу. Это были относительно простые, темного дерева шутовины, продолговатая шестиугольная форма которых всегда подразумевает определение «гроб», где бы вы его ни увидели, хотя не думаю, что кто-то за последние пятьдесят лет еще мастерит такие гробы. У них были бронзовые ручки, и все они стояли открытыми, так что я мог видеть пышную шелковую обивку. Один из них был пуст. Это был самый большой гроб, он был бы как раз впору Лэрсу. Оставшиеся четыре были заняты.

Тела в гробах разложились до неузнаваемости. Это были, по сути, кости, связанные друг с другом уцелевшими полосками кожи. На некоторых были видны старые коричневые пятна, там, где их омывала кровь. У одного трупа голова была почти цела, с длинными белыми волосами, напоминавшими нечесаный хлопок. У другого на лице остался только один глаз, сморщенный и высохший, словно белая слива. Но ни один из черепов не был человеческим. Челюсти были мощными и крепкими, полными сломанных зубов. Как раз по зубам я и понял, что все они были вампирами. Наверное, в некотором извращенном смысле это была семья Лэрса. Может быть, здесь, в чреве маленькой лодки, лежал весь их клан.

Было в них нечто, отчего у меня по телу побежали мурашки. Чтобы понять, что именно это было, ушло много времени. Кости в этих гробах не были мертвыми. Они двигались. Всего чуть-чуть, практически незаметно, но тянулись костлявые руки. Шеи клонились вперед. Они чего-то хотели. Они жаждали этого, жаждали так, что изо всех сил напрягали свои высохшие мускулы, дабы достать это что-то. Разложившиеся и развалившиеся, эти трупы все еще были живыми и все еще воспринимали окружающий их мир. Известно, что вампиры живут вечно, если их не убить. Но думаю, они не могли оставаться вечно молодыми. Наверное, нельзя получить все и сразу.

Лэрс снова привлек мое внимание, когда стал двигаться в маленьком помещении. Теперь он выглядел иначе. Я напряг зрение и увидел, что его кучерявая шевелюра была париком — который сейчас отсутствовал, голова же была белой и круглой, словно поверхность луны. По обеим ее сторонам торчали треугольные уши. Уши были не человеческие. Наконец-то я увидел, как на самом деле выглядят вампиры. Это было мерзко.

Лэрс встал на колени у одного из гробов, опершись руками о его деревянные края. Он склонил голову над трупом и затрясся. Одним из своих смеющихся глаз он все время смотрел на меня. И с ужасным рвотным звуком выблевал в гроб полпинты крови, прямо трупу на лицо. Обхватив себя руками, он блевал снова и снова, пока череп не стал купаться в запекшейся крови.

От горячей крови в холодном трюме поднялся пар. Он окутал череп и грудную клетку трупа. Словно жидкий свет, он сливался с костями, облачая вампира в призрачную плоть и кожу. Тело начало распирать, и, когда кровь потекла в мертвый рот, стало принимать форму, сходную с человеческим телом.

Лэрс передвинулся к другому телу. Он закашлялся, и кровь выступила у него на губах. Словно птица, кормящая свой выводок, он снова вызвал у себя рвоту, пока кровь не полилась у него изо рта тягучими струями. Там, где она коснулась трупа, стал подниматься пар и началась вторая трансформация. Кожа, похожая на старую заплесневелую бумагу, затрещала, натягиваясь на останки второго тела. Темная кожа, иссеченная шрамами. У этого на бицепсе была татуировка «SPQR»,¹ выполненная неряшливыми, неровными буквами.

Румянец, который я заметил у Лэрса на щеках, пропал. Он снова был бел как полотно. Если он собирался накормить всех своих предков, то ему понадобится новый донор, и скоро.

Такая перспектива была мне не по вкусу.

Третий труп ему удалось целиком заблевать кровью, всей, какая только была у него внутри. Он выхаркивал смерть. Смерть официантки из закуской. Смерти спецназовцев,

¹ S. P. Q. R. — «Senatus Populusque Romanus» (лат.) — «Сенат и народ римский» — латинская аббревиатура, изображавшаяся на штандартах римских легионеров и использовавшаяся в Римской республике и Римской империи.

которые, как мы глупо надеялись, были в безопасности под дюжиной фунтов крестов. Он выхаркивал куски Вебстера, хорошего полицейского, куски его плоти.

Лэрс повернулся и в упор посмотрел на меня. Все его тело сотрясилось, дрожало, даже билось. Кормление предков потребовало всей крови, которая была у него в желудке. Так ли он трясся до того, как закусил в ресторанчике официанткой? Он старался заглянуть мне в глаза, но я не мог позволить ему загипнотизировать меня снова.

Я посмотрел на свою правую руку. Я все еще сжимал пистолет. Как мне удалось удержать его, когда Лэрс нес меня на плече, после шока от погружения в реку, после того, как он втащил меня в лодку, было загадкой. Должно быть, холод сковал пальцы и сделал хватку мертвой.

Лэрс шагнул ко мне. Стремительности в движениях как не бывало. Координация пропала. Но он все равно оставался пуленепробиваемым вампиром.

Я знал, это бессмысленно. Спецназ бил по нему в упор автоматными очередями, но пули даже не попортили ему кожу. Они ни разу не задели его сердце — наиболее уязвимую часть его тела. Но в этот момент мне ничего больше не оставалось, кроме того как выпустить в него все до одной разрывной пули, которые в нем были.

Я разрядил оружие прямо ему в грудь. Я стрелял в него снова и снова, пока не оглох от грохота и не ослеп от вспышек выстрелов. Круглые дырки от пуль разорвали его, заляпав трюм клочками белой кожи. Он попытался засмеяться, но вместо голоса раздалось слабое шипение, словно воздух выходил из пробитой крыши.

Я увидел его раздробленные, незащищенные, сломанные ребра. Я увидел вялые и безжизненные легкие в его груди. Он шагнул ближе. Ближе. Ближе. Совсем близко. И тут я вытянул левую руку и схватился за темный перекрученный мускул, который был его сердцем.

Он взвыл от боли. Я тоже. Его тело уже восстанавливало причиненный мной вред, его клетки разрастались вокруг пулевых ранений. Ребра сходились, словно лезвия ножниц, захлопываясь на хрупких костях моего запястья, захватывая мою руку внутри его тела. Его кожа нарастала вокруг моей руки и облепляла ее, втягивая меня внутрь его.

Я рванул его сердце наружу, словно персик с ветки.

Лицо Лэрса потемнело от ужаса, взгляд стал диким, рот распахнулся, словно он не мог больше управлять им, кровь и слюна потекли по подбородку. Ноздри раздулись, и вонь, словно из канализации, хлынула из всех отверстий в его теле. Его сердце дергалось у меня в руке, пытаясь вернуться туда, где оно должно было быть, но из всех мизерных остатков сил, которые еще были у меня, я стиснул его, удерживая в кулаке. Лэрс ударил меня руками, но в его мышцах больше не было настоящей силы. Он упал на колени и выл, выл, выл. Через какое-то время вой превратился в скулеж. У него даже не было сил кричать.

И все же он не мог просто умереть. Он держался за эту странную разновидность нежизни, которая была в нем, как наркоман за пустой шприц, всей своей волей противясь смерти.

Его глаза встретились с моими, и он попытался высосать из меня силу. Он снова старался загипнотизировать, ослабить меня. Но у него ничего не вышло.

Когда он наконец перестал двигаться, уже почти рассвело. Я держал его сердце в своем стиснутом кулаке, и оно больше всего напоминало камень. Другие вампиры, разложившиеся, стали выползать из своих гробов и тянуться к нему, ко мне. Они не понимали, что произошло. Они были немые, слепые и глухие, они чувствовали лишь запах крови. Я отпихивал их, стараясь не обращать внимания на боль, пытаясь подняться на ноги.

В котельной я нашел канистру бензина. Спичечный коробок отыскался на заброшенном камбузе судна. Я сжег их всех и, спотыкаясь, под холодным дождем, бросился вперед на узкий деревянный причал и стал ждать, когда взойдет солнце, размышляя, найдет ли меня местная полиция или же переохлаждение, раны и шок успеют доконать меня.

*Жил дурак, и любил он всего сильнее,
Как, впрочем, и ты, и я,
Копну волос и мешок костей,
Ничтожество — вот было имя ей,
Но дурак ее звал королевой своей,
Как, впрочем, и ты, и я.*

Редьярд Киплинг. Вампир
(Перевод А. Сендык)

4

Двадцать лет спустя

Пенсильванский патрульный Лора Кэкстон рванула дорожную сигнальную ракету так, что красные искры посыпались на рукав ее кожаной форменной куртки. Она бросила плюющуюся огнем ракету на дорогу и обернулась. Она почувствовала позади себя чье-то присутствие, а нынешней ночью у нее были причины для страха.

Человек, стоявший позади нее, был одет в рыжевато-коричневый плащ поверх черного костюма. Его волосы цвета стальной мочалки были очень коротко острижены. Казалось, он был в превосходной форме, но лет ему было по меньшей мере шестьдесят. Может, семьдесят. В пять часов утра, в едва забрезжившем рассвете, складки на его лице казались морщинами, но, возможно, это были и шрамы. Над глазами нависали тяжелые, набрякшие веки, а рот напоминал узкую прорезь в нижней части лица.

— Добрый вечер, — произнес он.

Голос у него был низкий и немного сиплый. Лицо неестественно сморщилось, словно намокшая дорожная карта с бензоколонки. Он улыбнулся. Так обычно улыбаются ребенку, который не очень-то нравится. От улыбки крошечные глазки исчезли полностью.

— На вашей форме нет значка, — продолжил он таким тоном, словно она перед работой забыла помыть уши.

— Мы их не носим, — ответила она ему.

Этот парень начинал ее бесить.

— Добрая слава полицейского — вот единственный знак отличия, в котором он нуждается, — сказала Лора, более-менее точно цитируя то, чему ее учили, когда она была еще кадетом. Черный костюм и плащ в мгновение ока выдали его с головой — с таким же успехом он мог написать у себя на спине крупными белыми печатными буквами «федерал», — но она окинула взглядом его грудь и увидела значок — пятиконечную звезду в круге. Значок службы судебных исполнителей США.

— Сержант говорил, что собирается вызвать ФБР, — заметила она.

— А те вызвали меня, как им и следовало сделать. Я живу всего в нескольких часах езды отсюда, и, можно сказать, я слишком долго ждал этого случая. Пожалуйста, не заставляйте меня ждать еще больше. Когда я приехал, ваш сержант сказал, чтобы я нашел вас. Он уверяет, вы тут единственная, кто видел, что произошло.

Кэкстон кивнула. Она распустила ремешки своей широкополой форменной шляпы и почесала макушку. Усталость и шок одолевали ее, ей хотелось бы немного посидеть, пока она не справится и с тем и с другим.

— Думаю, это так. — Она протянула руку.

Видимо, неприязнь к этому человеку была результатом того, что ей вообще не нравилась вся эта ночь.

Он не ответил на рукопожатие. Он просто стоял, будто обе его руки были парализованы.

— Я — особый представитель Аркли, если вам угодно. Может, мы сначала сделаем дело, а любезности оставим на потом?

Наверное, он просто козел. Она пожала плечами и прошла мимо, толкнув его. Она решила, что он, скорее всего, пойдет за ней. Поднявшись вверх по дороге, она повернулась

кругом и показала на дорожный пост, который находился как раз перед въездом на автомагистраль. Трейлер управления по нарко- и алкоконтролю стоял посреди дороги, брошенный без присмотра. Оранжевые огни на козлах ограждения пронизывали темноту, их свет скользил по голым ветвям деревьев, склонившихся над дорогой. От мигания огоньков у Кэкстон заболели глаза.

— Мы — отряд «Т». Дорожный патруль автомагистрали, и все тут. Нас не для этого готовили.

Казалось, ему на все плевать. Она продолжила:

— Я и три моих офицера-напарника прямо здесь выполняли стандартную проверку на трезвость. Ничего особенного, мы это делаем каждый раз в ночь на субботу. Было около четверти одиннадцатого, и у нас на очереди оставалось три остановленных автомобиля. Еще одна машина, супермодная шикарная черная тачка, остановилась, не доезжая до нас пятидесяти футов. Водитель, видимо, колебался, потом попытался сделать разворот на сто восемьдесят градусов. Такого мы повидали немало. Люди понимают, что провалят тесты, поэтому пытаются сбежать от нас. Мы знаем, как с этим справиться.

Он стоял тихо, как мышка. Он просто слушал, вся его поза говорила об этом. Он запомнил все, что она говорила ему. И она продолжила:

— Двое парней, патрульные Райт и Левски, были на связи в своих машинах здесь и здесь, — она показала, где именно на участках дорога стояли машины. — Они взяли объект в классические «ножницы» и заставили его остановиться. В этот момент водитель открыл дверцу машины и выскочил на дорогу. Райт и Левски не успели его задержать, и он побежал на запад, по направлению к краю леса. — Она показала снова. — Объект избежал ареста, но оставил после себя некую улику.

Аркли кивнул. Он направился к брошенному нарушителем автомобилю. Это был «кадиллак CTS» с большим массивным капотом. Серая грязь запачкала боковые подножки, а на водительской дверце была длинная царапина. В остальном машина была в превосходном состоянии. Она стояла точно на том месте, где была брошена, за исключением того, что багажник был открыт. Ее сигнальные огни печально мигали, словно подражая более ярким огням дорожного ограждения.

— Что было дальше? — поинтересовался Аркли.

Кэкстон зажмурилась и попыталась вспомнить точный ход событий.

— Левски последовал за объектом и нашел, скажем так, улику. Он вернулся и открыл багажник автомобиля нарушителя, уверенный, что обстоятельства настолько чрезвычайные, что допускают осуществление досмотра машины без владельца. Когда мы увидели, что было внутри, мы поняли: это не просто какой-то пьянчуга, который хочет избежать проверки на алкоголь с помощью газоанализатора. Райт сделал вызов, как ему и полагалось. Мы — дорожный патруль. Мы не занимаемся подобными криминальными случаями. Мы передаем их местной полиции.

Аркли нахмурился, что подходило его лицу намного больше, чем улыбка.

— Никого из них я тут не вижу.

Кэкстон едва не покраснела. Это просто оскорбительно.

— Здесь места довольно захолустные. Копы по большей части работают по будням. Кто-то всегда должен быть на связи, но сейчас поздняя ночь, и система дала сбой. У нас есть номер сотового одного из местных ребят, но он не отвечает.

На лице Аркли не отразилось ни капли удивления. Это было хорошо. У Кэкстон не осталось сил расшаркиваться перед кем-либо.

— Мы позвонили окружному начальству, но возле Ридинга случилась авария со множеством машин, и контора шерифа была загружена под завязку. Они прислали одного парня собрать образцы тканей, ДНК и отпечатки пальцев, но он уехал три часа тому назад. К утру, сказали, сюда приедет много народу, поэтому нам велели ждать тут всю ночь.

— Сержант обнаружил вот это. — Она показала номерной знак с автомобильным кодом. Номер был мэрилендский. — Это явно свидетельствует о том, что нарушитель

пересек границу штата. Все это было плохо, и плохо настолько, что сержант решил вызвать ФБР. И вот вы здесь.

Не удостоив ее вниманием, Аркли обошел машину вокруг и принялся изучать содержимое багажника. Она ждала, что он крякнет или в крайнем случае присвистнет, но он не издал ни звука. Что ж, Кэкстон встречала уйму парней, которые старались выглядеть крутыми, когда смотрели на кровавые останки. Она обошла машину и встала у багажника рядом с ним.

— Нам кажется, тут три человека. Мужчина и двое детей, пол неизвестен. От левой руки мужчины осталось достаточно, чтобы снять отпечатки. Может, нам и повезет.

Аркли продолжал пялиться в багажник. Видимо, он был слишком шокирован, чтобы заговорить. Но Кэкстон сомневалась в этом. Она уже три года работала в дорожном патруле и видела множество аварий. Если не брать в расчет варварскую природу убийцы и тот факт, что тела были расчленены и сильно изуродованы, она честно могла сказать, что видывала и похуже. За исключением одного: в багажнике не было крови. Ни капли. Хорошо, что лица были полностью уничтожены: так о пострадавших проще думать не как о человеческих существах.

Через некоторое время Аркли отвел взгляд.

— Хорошо. Я берусь за этот случай, — сказал он.

Вот именно так и заявил.

— Секундочку. Вас пригласили сюда в качестве консультанта — и все.

Он не обратил на нее внимания.

— Где улика, которую оставил объект?

— Она наверху, на границе с лесополосой. Но, черт подери, скажите, что вы имеете в виду? С какой стати вы беретесь за этот случай?

Вот тут он остановился. Он встал и одарил ее той мерзкой улыбкой, от которой она почувствовала себя лет пяти от роду.

— Я берусь за этот случай потому, что тварь, которая убила тех людей из багажника, тварь, которая выпила их кровь, — вампир. А я ответственный по вампирам.

— Да ладно, шуточки у вас. Никто и не слыхивал про вампиров с восьмидесятых. То есть был один, его поймали в Сингапуре два года назад, но его привязали к шесту и сожгли. И это ведь так далеко отсюда.

Но он уже ее не слушал. Он пошел вперед и вверх, по направлению к деревьям, и ей пришлось бегом догонять его. Он был дюйма на четыре выше ее, и шаг у него был шире. Они отвели в сторону несколько веток и увидели, что дикорастущие деревья росли только в один ряд, а позади них тянулись длинные, идеально ровные шеренги персикового сада, корявые ветви деревьев серебрились в призрачном свете луны. Забор из пяти рядов колючей проволоки перегородил им путь.

— Вот оно, — сказала Лора.

Смотреть на это ей не хотелось. Это было намного хуже того, что лежало в багажнике автомобиля.

5

Аркли присел на корточки возле забора и вынул из кармана маленький фонарик. В темноте луч показался поразительно ярким. Он осветил фонариком всю улику — человеческую руку и часть предплечья. Кожа ее была полностью содрана; обнажились голые кости, сухожилия и оголенные кровеносные сосуды, которые выглядели как мясистые ползучие стебли. Обрубленные концы кровеносных сосудов извивались сами по себе, оставшаяся плоть выглядела грубо освежеванной, словно отрезанной не самым острым ножом. Рука запуталась в колючей проволоке. Убрать ее, не разрезав забор, было невозможно.

Кэкстон повидала немало мерзости. Она видела обезглавленные тела, внутренности и

людей, которые были практически вывернуты наружу. Но эта рука была страшнее. Оттого, что она все еще двигалась. Ее пальцы сжимали пустоту. Мускулы предплечья напрягались, тянулись и снова расслаблялись, утомившись. Это продолжалось уже шесть часов, с тех пор, как рука была оторвана от тела беглеца.

— Что это значит? — спросила Кэкстон. Она устала бороться и подумала, что Аркли, как ни странно, может знать об этом. — Как это возможно?

— Когда вампир пьет твою кровь, — сказал он ей почти дружелюбно, — его проклятие проникает внутрь тебя. Оно пожирает тебя, твой труп. Он может заставить тебя подняться и подчиниться его приказаниям, потому что он — это все, что осталось в твоём сердце и сознании. Ты живешь для него. Ты служишь ему. Это проклятие горит внутри тебя и оскверняет тебя. Тело начинает разлагаться быстрее, чем следовало бы. Кожа слезает, словно сброшенный саван. Душа цепенеет от ужаса. Мы зовем их мертвыми. В Европе их привыкли называть безликими.

— Так этот парень был рабом вампира? — охнула Кэкстон. — Я слышала, что у вампиров бывают рабы, но не думала, что если им отрезать руку, она все еще будет шевелиться. В кино этого не показывают.

— Он избавлялся от жертв своего хозяина. Вот почему он не хотел, чтобы его остановили. Он направлялся в лес, чтобы похоронить тела в неглубоких могилах. Настолько неглубоких, чтобы, вернувшись к жизни, они смогли выбраться и начать служить своему новому хозяину. Нужно кремировать тела.

— Родственникам это может не понравиться. Тем более что пока мы не знаем, кто они такие, — покачала головой Кэкстон. — Может, нам удастся поставить стражу в морге или что-нибудь вроде этого.

— Бумажную работу я беру на себя. — Аркли достал из нагрудного кармана многолезвенный «Лэзермен» и принялся разрезать колючую проволоку крошечными кусочками. Довольно скоро он высвободил освежеванную руку. Он прижал ее к груди, и ее пальцы попытались схватиться за пуговицы. Но они были слишком слабы для хорошей хватки.

— Мне кажется, вы собираетесь взять эту штуку и даже расписки не оставить, — сказала Кэкстон, когда он поднялся, баюкая руку, словно домашнего питомца. — Я могу пристрелить вас за вмешательство в официальное расследование. Вам положено быть только консультантом!

Тут он ее услышал. Он не повернулся к ней, не сделал, по правде говоря, ничего особенного, но она точно знала, что он ее услышал. Его тело замерло и тут же расслабилось, будто его отключили от сети. И следующие слова его были словно воздух, вырывающийся из труб умирающей волынки.

— Никто больше не знает, каково это. — Кэкстон и понятия не имела, о чем это он. — Все думают, что знают. Все смотрят эти фильмы, эти идиотские фильмы. Думают, вампиры — это кто-то, с кем можно договориться. На кого можно не обращать внимания. Они не понимают. Не понимают, что мы боремся с животными. С дикими тварями.

— По крайней мере, скажите, что вы собираетесь делать с уликой. — Лора не могла заставить себя назвать это рукой.

Он кивнул и принялся за работу.словно подключил новую батарейку.

— Возле Домны «Арабелла» есть клиника со всем необходимым. Можете позвонить завтра в три и переговорить с ними о том, чтобы забрать ее обратно, если вам и в самом деле так этого хочется. Мой совет вам — сожгите ее. Но по-видимому, мы с вами не достигли того взаимопонимания, чтобы вы могли спокойно последовать моему совету.

— Дадите номер телефона этой клиники? — спросила она.

— Я вам завтра скажу. Я собираюсь навестить в Харрисбург, в штаб-квартиру полиции штата. Я хочу, чтобы вы представили туда рапорт, в котором вы повторите комиссару все, что рассказали мне.

Кэкстон была шокирована. Если честно, она не понимала, с чего бы это комиссару

полиции слушать ее персональный рапорт. Но она не рискнула проигнорировать прямой приказ федерала.

— А пока поезжайте домой. Отоспитесь, увидимся с вами завтра, — сказал он ей.

И ушел прочь, в темноту.

Когда она вернулась обратно к дорожному посту, сержант схватил ее за плечо. Наверное, вид у нее был такой, словно она сейчас упадет в обморок.

— В порядке я, в порядке, — сказала она ему, и он отпустил ее.

И не сказал ни слова, когда она сообщила, что собирается домой.

Дорога домой то всплывала, то проваливалась в ее сознании. Лора не могла припомнить, чтобы она засыпала за рулем, но мили так и пронеслись мимо. Причем совершенно незаметно. Она остановилась у первой же придорожной закусочной и выпила две большие чашки кофе. Немного помогло. Лора решила проехать оставшуюся треть пути по проселочным дорогам, неосвещенным, часто неасфальтированным отрезкам трассы, где деревья по обеим сторонам плотно смыкались друг с другом и их переплетенные ветви вспыхивали перед фарами, а серая трава, растущая прямо на дороге, качалась, словно морские водоросли.

Она не могла отделаться от чувства, будто весь мир изменился. Что-то странное и новое родилось во тьме, леденящая чернота, которая заполнила небо. Что-то огромное, опасное, зубастое, все еще бесформенное из-за ее невежества. Оно заражало все вокруг, забиралось в ее голову. Лора чувствовала налет на своих зубах. Грязь под ногтями. Она понимала: все это усталость и животный страх, но они вызывали зуд под кожей. Все повернулось худшей стороной. Старые знакомые дороги, по которым она ездила тысячу раз, казались извилистыми и менее дружелюбными. Обычно машина шла легко, но сегодня ночью каждый поворот и ухаб дороги требовали больших усилий с ее стороны, чтобы повернуть или объехать. Она притормаживала на каждом спуске с холма и чувствовала, как автомобиль сопротивляется при каждом новом подъеме. Наконец она аккуратно поставила свою патрульную машину на широкую подъездную дорожку рядом с «маздой» и выключила двигатель. Минуту она посидела на водительском сиденье, прислушиваясь к гудению машины, к редкому стрекоту последних в этом году цикад. Потом толкнула дверь и вошла в дом. На ранчо, которое она делила со своей любовницей, было абсолютно тихо и почти везде темно. Ей не хотелось нарушать тишину, не хотелось приносить в свой собственный дом никакого страха, поэтому она не стала включать свет. Лора отстегнула кобуру и повесила ее в шкаф, когда проходила мимо кухни с гудящим холодильником, потом пересекла холл, расстегивая и стаскивая форменную рубашку. Она запихнула ее внутрь своей шляпы и положила на кресло рядом с дверью в спальню. В спальне, на королевских размеров кровати спала Диана, и только клочок рыжих волос выбивался из-под одеяла, а на противоположном краю постели наружу высывались три идеальной формы маленьких пальчика Кэкстон улыбнулась. Как здорово было забраться в эту постель, почувствовать худенькую спину Дианы, ее острые маленькие плечи. Она постарается изо всех сил не разбудить ее. Кэкстон расстегнула форменные брюки и одновременно стащила оба ботинка. С приглушенным стоном удовольствия оттого, что наконец ноги были свободны, она мгновение постояла в одном только бюстгальтере и трусиках, вытянув руки над головой.

Позади нее что-то стукнуло в окно. Она отдернула в сторону занавеску и вскрикнула, как младенец. Снаружи стоял какой-то человек, кожа на его лице была изорвана на лоскуты. Лора вскрикнула снова. Он ударил по окну белой рукой с широко расставленными пальцами. Его лицо было обращено прямо к ней. Она вскрикнула еще раз. Потом он отстранился и бросился прочь. Пока Диана шевелилась позади нее, высвобождаясь из-под пухового одеяла, Кэкстон не могла отвести взгляд от темного силуэта, который скачками двигался в темноте за домом. Она видела, как он скользнул за собачий вольер и мастерскую Дианы и скрылся из виду.

— Тыквочка, что это, что это? — снова и снова кричала Диана, обхватив Лору сзади.

— У него только одна рука, — выдохнула патрульная.

Штаб-квартира полиции штата в Харрисбурге представляла собой кирпичное здание с большими квадратными окнами, на его крыше торчала радиомачта. Оно находилось в самой северной части города, в слабо развитом районе, полном гор соли для посыпания дорог зимой и бейсбольных площадок. Патрульный Кэкстон провела большую часть дня, сидя без дела в этой дыре в ожидании Аркли. Сегодня у нее должен был быть выходной. Они с Дианой собирались съездить на рынок в Роквэйл-сквер, прикупить на зиму что-нибудь из одежды. Вместо этого она сидела без дела, глядя на то, как гражданские связисты выходят на перекур, а потом снова торопятся обратно. Был холодный ноябрьский день.

Солнце стояло высоко, и это было чудесно. После того как немертвый постучался в ее окно, Кэкстон заснуть не смогла. Диане удалось свернуться на теплых простынях и задремать, но Кэкстон сидела и ждала, пока местная полиция явится и подберет затоптанные мертвые растения у нее в саду. Она сидела, разговаривала с полицейскими, смотрела, как они делают сотню ошибок, но это не имело значения. В саду доказательств не было, ни единой улики, что немертвый был там. Другого она и не ожидала.

Теперь, на солнце, на свежем воздухе она почти могла притвориться, будто ничего не произошло. Что это был дурной сон. Она сидела за раскладным столиком в столовой штаб-квартиры, держа шляпу в руках, и пыталась разбудить в себе желание вернуться к нормальной жизни.

Правда, был один вопрос, который никак не давал ей покоя. Вопрос «почему». Почему немертвый пришел в ее дом. Именно в ее дом. Если бы он пришел за Райтом или Левски, в этом еще был бы хоть какой-нибудь смысл. Эти двое преследовали тварь до самой колючей проволоки. Но почему к ней? Она заведовала газоанализатором. Она все время была в трейлере. Все это было совершенно бессмысленно.

Если она сосредотачивалась достаточно сильно, то ей удавалось целых несколько минут не задаваться этим вопросом. Лора противилась страху, который эта мысль нагоняла на нее. Она же, черт подери, была офицером патрульной службы! Солдатом правосудия — так ей было сказано при окончании академии. Солдатом, а солдаты не паникуют только оттого, что кто-то пытается слегка напугать их. Она уже столько раз повторяла это себе, что даже начала в это верить.

Чтобы убить время, она перечитывала рапорты о происшествиях и сводки о разыскиваемых преступниках, но это было лишь немногим менее скучно, чем смотреть, как входят и выходят курильщики. Аркли пришел за ней в три часа. К тому времени она была уже готова расписаться и уйти домой.

— Я прождала вас целый день, — укорила она его, когда он наконец явился за ней.

— А я весь день провел, добывая ордера на обыск и распоряжения суда. Интересно, кому из нас было веселее?

— Хватит разговаривать со мной, как с младенцем, — возмутилась она.

Его улыбка стала только шире.

Он отвел ее в офис комиссара полиции, уголовной кабинет на верхнем этаже с двумя стеклянными стенами. Другие две стены были украшены рядами оленьих рогов и головой одного особого крупного самца, рога которого имели целых двенадцать отростков. Стойка со старинными охотничьими ружьями стояла по его сторону стола, словно комиссар хотел продырявить каждого, кто принес бы ему дурные вести.

Из Аркли вышел бы неплохой кандидат. Когда Лора закончила свой доклад и Аркли дал пояснения, комиссар окинул его взглядом, полным неистребимой ненависти.

— Мне все это не нравится, и вы, вероятно, уже догадались, насколько сильно. Мерзкие, отвратительные убийства множатся ежеквартально, и тут появляетесь вы, судебные исполнители США, и забираете у нас дело. Да ваши парни всего лишь охраняют здания суда, — сказал он, откидываясь на спинку кресла.

На макушке у него была лысина, еще не добравшаяся до лба. Нижняя пуговица на форме немного отошла, поддавшись напору живота. Впрочем, на плечах у него был полный набор полковничьих «птичек», поэтому все время, пока он говорил, Кэкстон стояла по стойке «смирно».

Аркли сидел в кресле так, словно его анатомия была приспособлена к какому-то иному виду мебели, будто его позвоночник не мог нормально сгибаться.

— А еще мы ловим большинство из тех, кто находится в федеральном розыске.

— Патрульный Кэкстон, — комиссар, не глядя, обратился к ней, — а вы что думаете об этом говнюке? Должен ли я выпустить его из города?

Лора была более чем уверена, что вопрос риторический, но тем не менее ответила.

— Сэр, он единственный из ныне живущих в США успешных охотников за вампирами, — сказала она.

Она стояла, вытянувшись по стойке «смирно», уставившись на ободок шляпы, которую держала в руках, как ее учили.

Комиссар вздохнул.

— Я мог бы задробить все это. — Он обвел рукой россыпь бумаг у себя на столе. Большинство из них были подписаны вице-губернатором.

— Я мог бы все это затормозить, затребовав подтверждения под присягой и копии в трех экземплярах. Я мог бы задержать расследование достаточно долго, чтобы мои мальчики позаботились об этом вампире.

— В таком случае, молодой человек, еще больше народу погибнет самым ужасным образом, — произнес без улыбки Аркли. — Здесь существует периодичность. Сначала вампиры пытаются скрываться среди нас. Они презирают себя и хоронят свою добычу в местах уединенных и изолированных. Но со временем жажда крови растет. Каждую ночь им нужно все больше и больше крови, чтобы поддерживать свою нежизнь. Они быстро забывают, что старались быть незаметными. И тогда они просто начинают убивать без разбора, не зная ни милосердия, ни угрызений совести. До тех пор, пока вампиры не будут уничтожены, счет трупов будет расти.

— И с чего только у вас такое рвение? — осклабился комиссар. — Вы готовы наживать себе врагов, только бы взяться за это дело.

— Если вы спрашиваете, почему я решил заняться этим случаем, то у меня на это свои причины, и я не собираюсь делиться ими с вами. — Аркли встал и одним махом собрал со стола свои бумаги. — Теперь, если вы закончили хамить, мне нужно от вас несколько вещей. Я должен переговорить с вашей районной оперативной группой. Мне нужна машина, желательно патрульная. И мне нужен посредник — кто-то, кто сможет координировать действия между различными местными полицейскими ведомствами. Если хотите, напарник.

— Ладно. — Комиссар наклонился вперед и щелкнул несколькими клавишами у себя на компьютере. — Есть у меня для вас пара ребят, настоящие горячие головы из отдела криминальных расследований. Ковбои, выросли в горах и стрелять научились раньше, чем рукоблудствовать. Для начала вот шесть имен...

— Нет, — отрезал Аркли.

Температура в помещении упала на десяток градусов. По крайней мере, так показалось Кэкстон.

— Вы меня неправильно поняли. Я не просил никого ко мне приставлять. Я уже выбрал себе посредника. Я забираю ее.

Кэкстон смотрела на шляпу и не видела, куда показывает Аркли. И до нее не сразу дошло, что он подразумевал ее.

— Прошу прощения, сэр, — сказала она, когда звон в ушах прекратился. — Но я — патрульный. Дорожный патрульный, — повторила она. — Я не гожусь для того, что вам нужно.

Тут ей на миг показалось, будто он собирался объяснить свой выбор.

— Вы сказали, что я единственный из ныне живущих в США, кто убивает вампиров.

Должно быть, вы читали обо мне, — сказал он ей.

В ожидании, пока он зайдет за ней, Лора перечитала все, что только смогла найти. Нашла она не много.

— Да, сэр, я читала ваш отчет о происшествии по делу Питера Лэrsa.

— Значит, вы второй по осведомленности человек в этом здании. Комиссар, я хочу, чтобы вы освободили патрульного от ее текущих обязанностей.

— Надолго? — поинтересовался комиссар.

— Пока я не отпущу ее. Теперь, — сказал он Кэкстон, — следуйте за мной и держитесь поближе. Я двигаюсь особым, размеренным шагом и рассчитываю, что вы подстроитесь под меня, или же вам всегда придется просить меня идти помедленнее.

Лора глянула на комиссара, но тот только пожал плечами.

— Он — федерал.

Эти слова, казалось, были написаны у него на лице.

— Что вы собираетесь делать?

Аркли повел ее на задворки, в стрелковый тир районной оперативной группы. РОГ была антитеррористической группой, но помимо этого именно она принимала участие в подавлении демонстраций в столице штата. У них имелось оборудование, и у них была разработана тактика массовых арестов и контроля над толпой, а также у них был внушительный бюджет на приобретение не слишком смертоносного оружия. То, которое, как было известно Кэкстон, называлось несмертоносным, оставалось лишь до тех пор, пока кого-то случайно не убили. Парни в РОГе имели все виды навороченных стволов и самые новейшие разработки, у них было стрельбище для экспериментальных видов оружия за штаб-квартирой, где они могли тестировать свои игрушки до того, как им придется в конце концов использовать их. Поэтому у них всегда можно было пострелять по небольшим мишеням, когда бы вам ни приспичило. Кэкстон зажала руками уши, когда они поднялись на стрельбище к начальнику, тот палил из чего-то похожего на старинный мушкет. Звук был таким громким, что она подумала, уж не пользуется ли он дымным порохом.

Аркли в конце концов прокричал достаточно громко, чтобы привлечь внимание начальника стрельбища. Тот снял наушники, и эти двое коротко переговорили. Что ему сказал Аркли, неизвестно, но офицер фыркнул от смеха, исчез в сарае с амундией и вернулся обратно с коробкой патронов.

Аркли выложил рядом тринадцать из них на стрелковом стенде, осторожно, методично зарядил магазин своего пистолета. Это был «глок-23», разглядела Кэкстон. Мощнее, чем большинство полицейских стволов, но не под пули «магнум».

— Вы зарядили всего тринадцать? — спросила она, заглянув ему через плечо.

— Такова вместительность магазина, — ответил он донельзя высокомерным тоном.

Нелегко будет расшевелить этого парня.

— Большинство людей положили бы в патронник дополнительные заряды, чтоб были наготове, если надо стрелять во второй раз. Я так делаю, — сказала она, поглаживая 92-ю «беретту» у себя на поясе.

— А разве вы за рулем накидываете ремень безопасности, чтобы сэкономить полсекунды, когда выходите из машины?

Кэкстон нахмурилась, и ей захотелось плюнуть. Она вытащила одну из пуль в коробке и принялась изучать ее. Пуля была полуоболочная, как она приблизительно и думала, но это еще не все: неспроста так развеселился офицер. На головной части каждой из пуль были сделаны два перпендикулярных разреза, образовывавших идеальный крест. Лора решила, что подловила Аркли на ошибке.

— Я читала ваш отчет: вы говорили, что кресты на вампиров не действуют.

— К счастью для меня, с пулями они творят чудеса.

Аркли крикнул, чтобы очистили стрельбище, и прицелился в мишень в тридцати ярдах от него — бумажную мишень, пришпиленную к фанере размером два на четыре дюйма. Кэкстон заткнула уши. Он разрядил одну обойму, и мишень разлетелась в клочья. Фанера

взорвалась облаком деревянной щепы.

— Пуля превращается в гриб и разлетается внутри мишени на куски, — объяснил он ей. — Каждый кусочек шрапнели имеет свою траекторию и свою инерцию движения. Каждая пуля — это словно небольшой осколок гранаты.

Хотя она и ненавидела его, но тут даже присвистнула. Так вот с чем ты ходишь на вампиров, подумалось ей. Она попросила офицера в тире принести еще одну коробку девятимиллиметровых для нее самой.

— Могу сделать, — сказал он достаточно тихо, почти шепотом. — Но не для автоматического оружия. Пули с крестовой насечкой запрещены Гаагской конвенцией.

— Я никому не скажу, — ответил Аркли. — Заряди ей.

7

— Теперь вперед, а потом направо, — скомандовал Аркли, ткнув пальцем в ветровое стекло. Сидя на месте пассажира, он выглядел более естественно, нежели в кресле офиса комиссара. Наверное, он больше времени провел в машинах, чем в кабинетах, подумала Кэкстон. Да, наверное, так оно и было.

Лора объехала на их патрульной машине без опознавательного номера заросли молодых айлантов, которые затрещали и заколыхались над капотом. Сумерки сгустились почти до предела: начиналась ночь. Согласно карте, они были как раз посреди поселения Домна «Арабелла», получившего название благодаря доменной печи, выплавлявшей чугун методом холодного дутья и когда-то обеспечивавшей работой все население городка. От самой домны уже ничего не осталось, кроме квадрата фундамента из старинных кирпичей, большая часть которых рассыпалась в прах. Здесь был пункт для посетителей, и пока Аркли отдыхал, Кэкстон выяснила все, что можно, об истории домен холодного дутья.

Кроме гавканья, сообщавшего, куда ехать, говорил Аркли очень мало. Лора попыталась рассказать ему про лицо без кожи, появившееся у нее в окне прошлой ночью. Она не стала говорить, что это сильно напугало ее, хотя так оно и было. Ей было страшно даже сейчас, когда угасающий день отражался в зеркале заднего вида. Она рассказала об этом как о части происшествия. Аркли пробурчал в ответ, мол, он знает, что произошло. Но потом от него не удалось добиться ничего, даже пояснения.

— Вы как думаете, к чему бы это? — спросила она. — Почему он оказался там?

— Похоже, — ответил он, — немертвый хотел припугнуть вас. Если бы он собирался ранить или убить вас, он, скорее всего, так бы и сделал.

Все попытки с ее стороны вытянуть из него больше, заканчивались ничем или, что еще хуже, полнейшим равнодушием.

— Иисусе! — воскликнула она наконец и ударила по тормозам так, что оба они повисли на ремнях безопасности. — Какой-то придурок с изрезанным лицом идет по моему следу ко мне домой, а вы говорите, что он, скорее всего, просто хотел напугать меня? Неужто такие вещи так часто случались в вашей жизни, что вам теперь совершенно все равно?

— Бывало и такое, — ответил он.

— Но теперь-то нет? Что вы сделали тогда? Как вы остановили их?

— Я прикончил выводок вампиров. Можем мы наконец ехать дальше? У нас не так много времени, иначе скоро начнут находить горы трупов.

Всю оставшуюся дорогу она изучала его. Ей хотелось хоть раз посадить его в лужу, доказав, что она вовсе не ребенок. До сих пор она терпела поражение.

— Вы из Западной Виргинии, — предположила она. — Вы немного растягиваете слова.

Кроме того, она прочла, что его расследование дела Лэrsa началось в Вилинге, но эту подробность она опустила.

— Я уроженец Северной Каролины, — отрезал он. — Поверни налево.

Немного рассердившись, она медленно поехала по дороге, на которую указал Аркли. Это больше походило на тропинку. При свете фар Лора могла разглядеть, что когда-то она

была вымощена булыжником, но время превратило их в острые осколки, которые могли пробить крышку, если бы она ехала слишком быстро. Извилистую тропу с двух сторон ограждали шепчущиеся деревья, клены да ясени. Дорога была завалена большими охапками листьев, и казалось, что путь этот ведет не иначе как в древнее прошлое. И все же это было не так — дорога на самом деле никогда не была окончательно забыта. Должно быть, кто-то пытался создать видимость, будто место это неприступное, но на деле ограничивались тем, что отрезали подходы.

— Тут мало мест, где можно припарковаться. Санаторий пустует уже пятьдесят лет. Можешь просто выехать на главную лужайку и где-нибудь остановиться, — сказал ей Аркли.

Главная лужайка? Все, что она видела, это еще более непроглядный лес, темные густые деревья, которые несколькими столетиями раньше подарили Пенсильвании ее имя.¹ Порой деревья поднимались на шестьдесят футов, порой — еще выше. Лора включила передние фары и тут увидела лужайку.

Вопреки ожиданиям ею оказался вовсе не идеально подстриженный участок голубовато-зеленого мятлика. Это было скорее необработанное поле, захваченное агрессивными сорняками. Тем не менее Лоре удалось разглядеть низкие каменные стены и в отдалении — высохший фонтан с почерневшими темно-зелеными водорослями. Кэкстон остановила машину, и они выбрались наружу. Как только автомобильные фары погасли, тьма сомкнулась над ними, словно туман. Аркли тотчас же двинулся к фонтану, Лора последовала за ним и тут увидела пункт их назначения, призрачно маячивший в лунном свете. Настоящая викторианская громада, остроконечный кирпичный курган с флигелями, тянувшимися от центрального корпуса. По одну его сторону находилась оранжерея, оставшаяся совсем без стекол — лишь скелет железных рам, увитый лозой. Дальнее крыло практически полностью разрушилось, а местами сгорело, вероятно, в него угодила молния. Бетонный барельеф над главным входом гласил:

ДОМНА «АРАБЕЛЛА» ГОСУДАРСТВЕННАЯ БОЛЬНИЦА

— Дайте-ка я угадаю, — протянула Кэкстон. — Вы привезли меня в заброшенный приют для умалишенных.

— Попала пальцем в небо, — ответил он ей.

Улыбка на его лице на этот раз была другой. Она казалась почти мечтательной, словно ему хотелось, чтобы это и в самом деле был приют. Они подошли к фонтану, и Аркли опустил руку на разбитый камень. Вместе они взглянули вверх, на статую женщины, льющей воду из огромной вазы, лежащей у нее на плече. Ваза высохла много лет тому назад. Кэкстон смогла разглядеть ржавчину в горловине, там, где был водовод. Свободная рука статуи, наверное раза в два больше настоящей человеческой, простерлась над ними то ли в благословении, то ли в приветствии. Лицо, каким бы ни было его выражение, обращенное некогда к посетителям, было полностью выщерблено. Кислотные дожди, время, а может, и вандализм сгладили его до такой степени, что передняя часть головы превратилась в грубую маску безликого камня.

— Это был не сумасшедший дом, а санаторий. Сюда обычно свозили на реабилитационное лечение туберкулезных пациентов, — объяснил Аркли.

— И как, помогало?

Он покачал головой.

— Каждые трое из четверых пациентов умирали в первый же год. Остальные влачили жалкое существование. По сути, шишки из здравоохранения просто хотели убрать их с глаз долой, чтобы они не смогли больше никого заразить. Все лечение сводилось к свежему воздуху и простейшему ручному труду, который окупал их содержание. И кроме того,

¹ Пенсильвания (Penn's Sylvania, Лесистая земля Пенна) — штат назван так по имени одного из отцов-основателей США Уильяма Пенна, давшего колонии свое имя.

пациенты получали трехразовое питание и столько сигарет, сколько могли выкурить.

— Шутите! Сигареты — людям с легочным заболеванием?

— Это место выстроено табачными компаниями, как и все другие подобные этому санатории по всей стране. Вероятно, они подозревали о связи между курением и туберкулезом — в конце концов, вы кашляете и от курения, и от чахотки. Кто знает? А может, им просто было жаль больных.

Кэкстон внимательно посмотрела на него.

— Не ожидала сегодня урока истории, — заметила она.

Аркли не ответил.

— Вы сказали, я попала пальцем в небо. В чем еще я ошиблась?

— Домна «Арабелла» была закрыта в пятидесятые, но она не заброшена. Здесь все еще есть пациенты. То есть один пациент.

Дальнейшую информацию он, как обычно, ей не предоставил. Оставалось только догадываться, что за больница такая остается открытой только ради одного пациента.

Они вошли через парадную дверь, где ждал один-единственный часовой в синей морской форме, винтовка М4 висела на спинке его кресла. Он носил нашивки офицера службы исполнения наказаний Федерального бюро тюрем. Вид у него был усталый. Кажется, он узнал Аркли, но даже не попытался его поприветствовать.

— Никогда не слышала об этом месте, — сказала Лора.

— Они объявлений не дают.

Они прошли через главный холл, по углам которого вверх и вниз шли узкие винтовые лестницы. Большие залы со сводчатыми потолками располагались по четырем сторонам света. Кое-где арки были заложены кирпичом, в них были врезаны двери с хитроумными замками. Силовые кабели и провода внутренней компьютерной сети висели на стенах толстыми кольцами или же тянулись через помещения, держась на металлических крюках, вбитых в потолок.

Кэкстон коснулась темного камня стены и почувствовала его силу и ледящий холод. Как раз возле того места, куда она положила руку, кто-то выцарапал на стене свои инициалы, сложный акроним¹ плохо различимых от времени имен: Дж. Ф. Экс МакК., 1912 Р. Х.

Аркли не дал ей проникнуться атмосферой. Он быстро пошел вперед, и скрип его шагов перекачивался под потолком, эхо следовало за Лорой по пятам, когда она пустилась вдогонку. Они миновали стальную дверь, и Лора увидела, что краска на косяке стерлась от прикосновений бесчисленных рук. Они двинулись по белому коридору с оштукатуренными стенами, прорезанными еще дюжиной других дверей, все они были затянуты паутиной. В дальнем конце свисала пластиковая занавеска, прикрывая дверной проем. Неожиданно галантным жестом Аркли отодвинул пластик в сторону, и Кэкстон шагнула внутрь.

Темно-синий свет заливал палату по ту сторону занавески, он исходил из осветительного прибора на потолке. Лампочки в нем были окрашены так, что все красные предметы в комнате казались черными. Обстановка комнаты была разнообразной и в некотором роде удивительной. Там стояли рядами полки со старомодным медицинским оборудованием, эмалированные железные шкафы с бакелитовыми ручками, которые когда-то, наверное, были частью официального оборудования больницы. Тут были ноутбуки, похожие на миниатюрный МРИ-сканер.² В центре комнаты стоял суживающийся книзу деревянный гроб с медными ручками и роскошной внутренней отделкой. Камеры, микрофоны и разные датчики, непонятные Кэкстон, оплетали гроб своими извивающимися кабелями так, что содержимое его было целиком и полностью под контролем.

Электрическая распределительная коробка с одной лишь кнопкой, выдававшейся на ее поверхности, располагалась возле двери. Аркли нажал ее, и где-то глубоко внутри санатория раздался звонок.

¹ Аббревиатура, составленная из начальных слогов слова или по начальным буквам слов.

² «Медиамарк рисёч, инк.» — исследовательская компания, предоставляющая продавцам статистические данные по потребителям (образ жизни, покупательские привычки).

— Ты читала мой отчет. И знаешь, что я сжег всех вампиров на той лодке в Питтсбурге. Кэкстон кивнула. Она уже почти догадалась о том, что должно было за этим последовать.

— Ты также помнишь, что крови у Лэrsa хватило только на то, чтобы оживить троих своих предков. Был и четвертый, который остался без подкрепления. Довольно странно, но те, у кого была плоть и кожа, сгорели сразу. А тот, у кого их не было, только чуть обуглился. Он выжил в огне.

— Но ведь в Америке вампиры вымерли, — возразила Лора.

— В дикой природе, — поправил ее Аркли.

Пластиковая занавеска в дальнем конце комнаты с гробом поднялась, и внутрь вкатилась инвалидная коляска. Человек, который толкал ее, был одет в белый медицинский халат с рукавами, закатанными до локтя. Он был слишком худощав, больше никаких других особых примет у него не было. По сравнению со своей подопечной, он выглядел совсем незапоминающимся. Женщина в коляске была одета в дырявое розовато-лиловое платье, побитое молью, ткань совершенно истерлась и стала похожа на марлю. Сама же она была не более чем костями, обтянутыми прозрачной белой кожей, более тонкой, чем папиросная бумага.

Волос на голове у нее не было совершенно, за исключением нескольких длинных и тонких ресниц. Кожа была разорвана и отходила от костей черепа, местами совершенно вытершись, и под ней были видны лоснящиеся участки кости. У нее было одно сморщенное глазное яблоко, с радужкой, бесцветной в синем освещении. Уши были длинными, сильно заостренными на концах, покрытые болячками. Рот отчего-то выглядел разбитым или, по крайней мере, неправильным. Он был полон обломков, прозрачных острых кусочков кости. Кэкстон не сразу сообразила, что это зубы. У этой женщины были сотни зубов, и они были вовсе не сломаны. Они просто были острыми. Это было то, о чем она читала в отчете Аркли. Это была одна из тех тварей, которых он сжег в лодочном трюме, — вампирша, старая, изголодавшаяся по крови вампирша. Лора никогда еще не видела ничего более ужасного, даже почти лишенный лица немертвый, заглядывавший к ней в окно прошлой ночью, не шел с ней ни в какое сравнение.

— Здравсьте, маршал. Вы точно по расписанию — в зоопарке время кормежки, — заговорил человек в халате.

Он подтолкнул кресло к ним ближе, чем этого хотелось Кэкстон. Она ничего не чувствовала от вампирши, ничего человеческого, только холод. Все равно что стоять жарким летним днем возле холодильной камеры в продуктовом магазине. Холод был осязаемым, настоящим и абсолютно неестественным.

— Специальный представитель, — поправил его Аркли.

— Время кормежки? — в ужасе переспросила Кэкстон.

Глаза вампирши сверкнули.

8

— Этот синий свет, — спросила Кэкстон, — должно быть, это какие-то волны, за счет которых вампиры не могут видеть, да? Она ведь нас не видит?

— По правде говоря, она прекрасно тебя видит. Она увидит тебя и в крошечной темноте. Так она мне говорила, — ответил человек в халате. — Она видит горящую в тебе жизнь, словно лампу. А этот свет менее вреден для ее кожи, чем даже самое мягкое белое свечение.

Он протянул руку.

— Я — доктор Хазлитт. Кажется, мы не встречались.

Кэкстон оторвала взгляд от единственного вращающегося глаза вампирши и посмотрела на мужчину. Потянулась было к его руке, чтобы пожать ее. Потом остановилась. Его рукав была закатан до бицепса, и она увидела пластиковый катетер, воткнутый в вену с внутренней

стороны его локтя. Струйка засохшей крови, идеально черная в синем свете, запачкала конец катетера.

— Это шунт, — объяснил он ей. — Так проще, не надо каждый раз брать шприц.

Аркли присел на корточки, чтобы заглянуть вампирше в глаза. Ее лишённые плоти руки маниакально зашевелились у нее на коленях, словно она пыталась отстраниться, ибо он наводил на нее ужас. Кэкстон предположила, что та имела на это полное право — федерал однажды уже сжег ее и оставил тут полуживую.

— Хазлитт кормит ее своей кровью, — объявил Аркли, — так сказать, из доброты сердечной.

— Знаю, выглядит жутковато, — сказал ей доктор. — Мы перепробовали уйму вариантов — фракционированную плазму и тромбоциты из хорошего банка крови, кровь животных, химию, которую военные пытаются использовать в качестве заменителя крови. Ничего не вышло. Должна быть человеческая, теплая, свежая. Я не прочь немного поделиться.

Он шагнул к автоматизированному рабочему месту в нескольких ярдах от коляски и вытащил из шкафа мензурку из небьющегося стекла. Отрезок резиновой трубки вошел в шунт, а свободный конец повис на краю мензурки. Кэкстон отвела взгляд.

— Зачем, — спросила она Аркли, — зачем это вообще кормить?

Ее первая реакция как копа — задавать вопросы, пока точно не поймет, что происходит, — требовала ответов.

— Она не «это»! Ее зовут, — возмутился Хазлитт, замолчал на мгновение и пробормотал сдавленным от боли голосом: — Малверн. Жюстина Малверн. И когда-то она была человеком. Может, это и было сотни лет тому назад, но, пожалуйста, проявляйте уважение.

Кэкстон разочарованно покачала головой.

— Не понимаю. Вас чуть не убили, когда вы пытались уничтожить ее. А теперь вы ее тут защищаете, даже кровью кормите?

— Это было не мое решение.

Аркли похлопал по карману своей куртки, словно это могло что-то объяснить. Но она не поняла. Он глубоко вздохнул и снова уставился на вампиршу, пустившись в разъяснения.

— Когда ее нашли на дне Аллегейни, по-прежнему в гробу, мы не знали, что нам делать. Я все еще находился в госпитале, впрочем, никто меня особо не спрашивал. Мои боссы вернули ее тело в Смитсоновский институт. Те сказали, что с удовольствием получили бы ее останки, но пока она все еще жива, они ее не возьмут.

Они попросили нас подвергнуть Малверн эвтаназии, чтобы можно было выставить ее на обозрение. Но потом кто-то совершил ошибку, обратившись к юристу с вопросом, как поступить. И поскольку мы знаем, что она еще ни разу не убивала американских граждан — она почилла еще до американской революции,¹ — Министерство юстиции решило, что у нас нет права казнить ее. Забавно, не так ли? Лэрс ходил, двигался, подавал признаки интеллекта, но никто даже не заикнулся, когда я пришел его. Малверн же наполовину сгнила в своем гробу, но, если я воткну ей в сердце кол, все с готовностью назовут это убийством. Ну, вот так все и вышло. У нее, по понятным причинам, нет ни семьи, ни друзей, так что ее объявили лицом, находящимся под защитой суда. Формально я ответственен за ее благополучие. Я должен одевать ее, предоставлять ей кров и кормить ее. Никто не знает, умрет ли она, если прекратить подачу крови, но без приказа федерального суда нам нельзя прекратить кормежку.

— Она уже с лихвой отработала свое содержание, — заметил Хазлитт.

Он снял сифон, который выкачивал кровь из его руки.

— Я семь лет изучаю ее, и каждый день и ночь приносят новые открытия.

— Правда? И что же вы выяснили? — поинтересовалась Кэкстон.

Вампирша подняла голову. Ее нос вздернулся и противно сморщился. Она почуяла запах крови.

¹ Американская революция — 1763–1783 гг.

— Мы выяснили, что лучше всего ей подходит синий свет. Мы выяснили, сколько крови ей требуется, чтобы поддерживать активность конечностей. Мы выяснили, какой уровень влажности ей нравится и какой диапазон температур влияет на нее.

Кэкстон покачала головой.

— Все это только поддерживает в ней жизнь. Нам-то с этого какой прок?

И тут Аркли впервые взглянул на нее с искрой одобрения в глазах.

— Мы здесь собираемся найти лекарство. — Хазлитт обошел кучу оборудования, его лицо было сурово. — Здесь, в этой комнате. Я вылечу ее. И тогда мы получим вакцину, которая принесет пользу всему обществу.

— Нам не потребуется вакцина, если все вампиры вымрут, — возразил Аркли.

Эти двое на одно короткое, полное неприкрытой ненависти мгновение обменялись горящими взглядами.

— Прошу прощения, но мне действительно нужно покормить ее.

Хазлитт встал на колени возле прикованной к креслу вампириши и поднял мензурку, показывая ей унцию черной крови на дне.

— Господи, и давно вы изучаете ее? — изумилась Кэкстон. — Вы сказали, что занимаетесь этим семь лет. Но она, должно быть, сидит тут уже лет двадцать. Кто работал до вас?

— Доктор Джералд Армонк.

— Покойный доктор Армонк, — добавил Аркли.

Хазлитт пожал плечами.

— Это был несчастный случай. Доктор Армонк и Жюстина были в особенных отношениях. Он привык кормить ее напрямую, надрезая подушечку большого пальца и позволяя ей слизывать кровь. А в девяностые, знаете ли, она была в ужасной депрессии и даже несколько раз попыталась повредить себе. Наверное, это была не самая мудрая идея кормить ее таким образом, но вроде бы это неописуемо бодрило ее.

— У Армонка была докторская степень. Он был выпускником Гарварда. Можете поверить? — вздохнул Аркли.

— В первые дни, когда я начал тут работать, она сияла жизнью и была в самом деле прекрасна, — сказал Хазлитт. — А потом она стала увядать, словно засыхающая роза. Того небольшого количества крови, которое я давал ей, было совершенно недостаточно.

Он поднял мензурку, чтобы приложить к ее зубастой пасти. Аркли выхватил ее у него из рук, расплескав темную жидкость.

— А может, и чересчур много, — сказал он.

Вампириша подняла трясущуюся руку. Единственный глаз полыхал яростью.

Долгую минуту никто не произносил ни слова. Хазлитт открыл рот только затем, чтобы быстро его захлопнуть. Кэкстон сообразила, что, наверное, он до ужаса боится Аркли. Он поприветствовал его, когда тот вошел, и даже разговаривал с ним с некоторой фамильярностью. Но сколько раз за последние годы Аркли входил в эту комнату, прикинула Кэкстон. Сколько раз он выхватывал мензурку?

Впрочем, нет. Это была привычная сцена для всех, кроме нее. Хотя, поняла она, сравнивая позы этих двух мужчин, никогда прежде, до сегодняшней ночи, Аркли не прерывал ритуала.

Аркли нарушил тишину. Обеими руками сжав мензурку, он посмотрел прямо в глаза вампирише.

— Мы получили донесения об активности немертвых, — тихо произнес он. — Безликих. Эта женщина видела тогда одного из них. Сегодня утром я закопал его руку. Есть только один путь сделать немертвого, и он требует молодого, сильного вампира. Нового вампира. Неужели вы были плохой девочкой, мисс Малверн? Вы сделали какую-нибудь глупость?

Голова вампириши на тоненькой шеи перекатилась налево, а затем направо.

— Я слишком долго верил вам, — сказал Аркли. — Кто еще мог создать вампира, кроме

вас? Назовите мне имя. Назовите последний известный вам адрес, и я оставлю вас в покое. Нет, более того: скажите мне, как вы это сделали. Говорите, как вы породили чудовище.

Вампириша не ответила вовсе, лишь опустила единственный глаз долу, пока он не сфокусировался на мензурке с кровью.

— Не будьте ублюдком, — прошипел Хазлитт. — По крайней мере, не таким, как обычно. Вы знаете, как ей нужна эта кровь. И посмотрите-ка. Она уже почти свернулась.

— Ладно. — Аркли поднял мензурку и поставил в протянутую руку вампириши.

Она сжала ее мертвой хваткой, от которой костяшки пальцев побелели еще сильнее.

— Наслаждайся, пока можешь.

— Да что с вами такое? — Хазлитт едва не кричал.

Аркли выпрямился и снова похлопал себя по карману куртки. Карман издал еле слышное шуршание — в нем лежал листок бумаги.

— Я сказал, мы не можем отрезать ее от подачи крови, пока у нас нет решения суда. Что ж, новая активность вампиров проливает некоторый свет на очень важные обстоятельства прошлого.

Он вытащил длинный лист бумаги с вытисненной нотариальной печатью.

— Данным предписанием отныне приказано прекратить кормление вампириши.

Он улыбнулся широчайшей улыбкой.

— Полезно иногда, оказывается, быть одним из тех, кто охраняет суды.

Вампириша замерла с мензуркой на полпути ко рту. Глаз заворочался, поднимаясь, чтобы взглянуть на Аркли.

— Будь ты человеком, ты бы постаралась сберечь ее на потом, — сказал ей федерал. — Ты знала бы, что это твой последний глоток, и попыталась бы насладиться им. Но ты не человек, и ты не сможешь отказаться, не так ли?

Рот вампириши отвалился в некотором подобии усмешки. А потом длинный серый язык выскользнул из-за всех этих зубов и принялся жадно лакать кровь из мензурки, чертя внутри ее длинные черные полосы. Кровь исчезла в мгновение ока.

9

— Сначала начнется паралич. Неконтролируемая дрожь. Потом она начнет терять мышечную массу. Кожа на руках станет облезать, а мускулы гнить. Они станут безжизненными лапами. Ноги атрофируются еще быстрее и превратятся в мертвые обрубки. Со временем ее глаз высохнет и развалится.

Хазлитт сидел поверх старинного кардиографического аппарата, электроды которого свешивались наружу и периодически шипели, прижатые сигаретой, которую он, почти позабыв о ней, держал в двух пальцах.

— Может, в конце концов она и умрет. Мы не знаем.

— Если это удержит ее от создания новых вампиров, мне плевать, — сказал Аркли. — Ну разве есть стоящая причина, почему нам следовало бы беспокоиться об этом?

В центре комнаты, возле гроба, Жюстина Малверн сидела в своем кресле, зажав пустую мензурку в одной из почти безжизненных рук. Другая ее рука лежала на клавиатуре ноутбука, установленного на крышке гроба.

— Вы же знаете, она не может говорить. Ее гортань сгнила много лет тому назад. Это ее единственный способ коммуникации.

Хазлитт потер переносицу большим пальцем.

Он улыбнулся про себя, пока она собиралась с силами, чтобы надавить на одну из клавиш похожим на коготь пальцем.

— Вы должны быть терпеливее, Аркли, — сказал доктор. — Тогда вы смогли бы выяснить кое-что у того, кто так стар и мудр.

Когда она закончила, она сложила руки на коленях и посмотрела на них, лицо дрожало от возбуждения. Хазлитт развернул ноутбук так, чтобы они могли взглянуть на монитор.

Тридцать шестым кеглем, курсивом, Малверн набрала:

род мой пожрет тебя без следа

Арки хмыкнул. Потом встал и направился к выходу.

— Скоро вернусь, проверю обоих, — сказал он Хазлитту.

Лора последовала за ним.

В белом освещении холла, Кэкстон заморгала и потеряла глаза. Она прошла за Аркли по пятам к письменному столу в центре зала, где офицер службы исполнения наказаний с сержантскими знаками отличия сидел и смотрел по переносному телевизору какой-то ситком. Прием был так плох, что даже смех на заднем плане был неотличим от помех.

— Чем могу помочь, господин маршал? — Офицер медленно убрал ноги со стола и подтянул клавиатуру своего компьютера.

— Вечер добрый, Такер. Мне нужна кое-какая информация по здешним сотрудникам. Конкретнее, я бы хотел знать имена и адреса всех, кто работал тут, скажем, за последние два года. Я хочу знать, кто тут работает, а также кто и почему уволился. Можешь достать мне эту информацию?

— Нет проблем.

Такер какое-то время повозился с мышкой и клавиатурой. Внизу, в холле, лазерный принтер с треском выплюнул три листка бумаги.

Арки улыбнулся еще более теплой и человеческой улыбкой, чем та, которой он наградил Кэкстон.

— Вы просто обязаны любить этот современный мир. Раньше на то, чтобы получить отчет вроде этого, потребовалось бы несколько дней. Слушай, Такер, а какая тут текучка?

Охранник пожал плечами.

— Огромная, по ночам жутковато. Кое-кто не выдерживает. У других, вроде меня, кишка не тонка сидеть здесь. Могу сказать, что половина из тех, кто при мне приходил сюда, больше недели не выдерживали. В прошлом году, наверное, с десятка парней. Потом же еще уборщики, эксплуатационные рабочие, строители, инспекторы по безопасности, да мало ли кто. Ходят туда-сюда так быстро, что их и не заметишь. И никогда не здороваются.

Арки кивнул.

— Этого-то я и боялся.

Он повернулся к Кэкстон.

— Любой из этих людей мог быть в контакте с Малверн.

— Стало быть, любой из них может сейчас быть вампиром, — ответила Лора.

Арки снова кивнул.

Она сказала хоть что-то правильное. И одновременно почувствовала себя и реабилитированной, и сбитой с толку. Аркли схватил бумаги из принтера и поскакал назад, туда, где она стояла, ожидая его.

— Хазлитт должен был держать ее в изоляции, но ты его видела. Он сделает все, что она ему прикажет.

Арки с отвращением покачал головой.

— Каждый доктор, которого мы сюда приводим, влюбляется в нее.

— Она что, гипнотизирует их? — Кэкстон вспомнила эту часть отчета.

— Она может предложить им намного больше, чем только пронизывающий взгляд, — ответил Аркли, просматривая листки.

— Почему бы не выгнать его отсюда прямо сейчас и не заменить его? — возмутилась Кэкстон. — Какие-то у вас смешные представления насчет полицейской работы.

Арки кивнул, соглашаясь со сказанным.

— Послушай, — сказал он, — если кто-то захочет стать твоим врагом, есть только одна вещь, которую ты можешь сделать. Дай им именно то, чего они желают. Это сбивает их с толку, им не понять, чего хочешь ты. Если бы я сегодня уволил Хазлитта, он стал бы

придумывать средства, как вытащить отсюда Малверн. Если же я позволю ему составить ей компанию, то, по крайней мере, я знаю, где их обоих найти.

Он потряс бумагами.

— Ладно. А теперь мы возвращаемся домой, чтобы немного передохнуть. Утром начнем изучать эти имена. На вампиров лучше всего охотиться засветло.

Кэкстон смогла оценить здравый смысл этого предложения. Они направились назад к месту парковки, где роса уже скопилась на матерчатом верхе машины, а окна совсем запотели. Кэкстон завела машину и поехала обратно, по направлению к ближайшему, триста двадцать второму шоссе, по которому они доедут до Харрисбурга.

Она включила обогреватель, пытаясь разогнать прохладу ночного воздуха. Трудно было согреться после всего того, что она увидела и в чем участвовала на протяжении двух последних дней. Казалось, холод проник в ее тело. От него болели кости. Ей хотелось включить радио, но она не осмелилась — что, если Аркли не одобрит ее музыкальных пристрастий? Не стоило это споров и того, что могло случиться с ее чувством собственного достоинства. А оно у нее и в самом деле было. Лора была простым дорожным патрульным, а Аркли — матерым федералом. Ей хотелось снять шляпу перед его опытом, обращаться с ним уважительно. И все же, когда он безжалостно критиковал ее, она чувствовала себя полной неудачницей. Ей нужно было стать более толстокожей, по крайней мере, пока Аркли был рядом.

Она, глубоко погруженная в свои мысли, удивилась, когда он первым нарушил молчание. Она почти впала в шок, когда он похвалил ее:

— Там вы задали несколько превосходных вопросов, — сказал он. — Немного тренировки, и однажды из вас выйдет неплохой детектив.

В сокровенных мечтах ей представилось, как он сказал бы это, когда нашел бы ее стоящей над кучей мертвых вампиров. Его слова прозвучали бы с некоторой робостью, словно ему следовало разглядеть ее потенциал намного раньше, но его собственное высокомерие ослепляло его. Между тем он сказал как обычно: будто учитель начальной школы, держащий тетрадь нерадивого ученика, в которой на этот раз стоит четверка. Она получит то, что может.

— Раз я должна помогать вам, — сказала она ему, — мне нужно больше узнать об этих монстрах. И я хочу быть вам полезной.

— Ты знаешь, так или иначе. И я тоже тебе помогу. Что бы там ни произошло, это будет крупное дело. Когда я пошел на Лэкса, это стало ступенькой в моей карьере, — сказал он ей. — И ты, несомненно, продвинешься, если мы сможем остановить эту тварь, пока она не убила слишком много народу.

Лора покачала головой. Об этом она, по правде говоря, даже не думала.

— Я стала патрульной не для того, чтобы получить сержантские нашивки. Не поймите меня неправильно, но я бы не стала возражать против того, чтобы мне подняли зарплату. Но я сижу в этой машине потому, что верю в то, что делаю. Когда мы окончили академию, мы дали присягу. Нас заставляли повторять ее столько раз, что мы стали верить в нее. «Я — пенсильванский патрульный. Я — солдат правосудия. И мне доверена честь полиции». И часто вспоминали отрывок про то, что мы — солдаты. Раньше патрульным не разрешалось жениться, и жили они в казармах. А до семидесятых женщин туда не брали.

Аркли какое-то время молчал. Когда он снова заговорил, его слова зазвучали почти грустно.

— Должно быть, тебе не так легко было оказаться в такой консервативной организации. Представляю, какое сопротивление преодолевает женщина на этом месте, даже в наше время.

— Ох, ваши бы слова да Богу в уши, — рассмеялась она.

— Наверное, тебе самой, скорее всего, пришлось столкнуться с негативным отношением. Женщина, занимающаяся мужской работой, — об этом ходят разговоры. Пустые разговоры, в раздевалке, например.

— Именно. Парни обожают чесать языки, — согласилась она.

— Они насмеваются над тобой. Придумывают тебе клички, обидные клички, но, впрочем, точные.

Кэкстон залилась краской. Она не была уверена, что он остановится на этой точке расследования.

— Да, они давали мне клички. Они всем придумывают прозвища, так что...

— И наверное, они вдоволь потешились над твоим лесбиянством.

Плотно сжав губы, она прислушалась к реву в ушах. Она смотрела, как другие машины в левом ряду проносятся мимо. Она ехала слишком быстро, и ей пришлось заставить себя убрать газ.

— Ты ведь лесбиянка, так? Я сделал предположение, основываясь исключительно на твоей стрижке, — сказал Аркли. — Я могу и ошибаться.

Она повернулась в кресле и уставилась на него.

— Да, я такая! — выкрикнула она. Она не могла контролировать свой голос. — А вам-то что? Плевать мне, знаете ли, говорите об этом вы или кто-нибудь другой! Я горжусь тем, кто я есть. Но это не дает вам права на... на... это ничего не значит. И никто не имеет права совать нос в мои дела!

— Истинная правда, — согласился он совершенно с невозмутимым видом.

— Тогда какого хрена вы говорите людям такие вещи? Черт бы вас подрал, Аркли!

Он прочистил горло.

— Я дал себе труд поиграть с тобой в эту маленькую игру ради того, чтобы отучить тебя от попыток вешать мне на уши лапшу, патрульный. Можешь кому угодно рассказывать про солдата правосудия. Можешь говорить, что хочешь помочь мне. Это несущественно. Ты в этой машине только по одной причине.

«Хонда» цвета синий металл, пролетевшая мимо них на скорости примерно 90 миль в час, помешала Аркли закончить мысль. Патрульная машина дернулась на амортизаторах, едва не столкнувшись с «хондой», Кэкстон ударила по клаксону. «Хонда» притормозила ровно настолько, чтобы сместиться вправо, в опасной близости от их машины.

— Какого черта? — воскликнула она и просигналила снова. Она полностью убрала ногу с педали газа и нажала на тормоз.

Другая машина, «шевроле кавалье», отчаянно нуждавшаяся в помывке, вынырнула слева от нее. И пошла вровень с ними. Когда Лора попыталась притормозить, то водитель «шевроле» повторил ее действия. В зеркале заднего вида она увидела третью машину, едущую сзади. Ее брали в коробочку. Лора посмотрела на водителя «шевроле», глядевшего прямо на нее. Его лицо было порвано в клочья.

10

— Они меня преследуют, сначала они были у меня в доме, а теперь едут за мной, — простонала Кэкстон. В зеркале заднего обзора она увидела, как преследующий ее немертвый еще ближе придвинулся к бамперу патрульной машины.

— Сомневаюсь, — сказал ей Аркли. — Держись.

Машина, едущая за ними — «хаммер-2», — врезалась в них, и патрульный автомобиль взвизгнул, когда металл ударил о металл. Немертвый не пытался устроить аварию. Кэкстон, обладая достаточным опытом полицейского преследования, понимала это. Водитель, едущий позади, показывал ей границы «коробочки». Она немного прибавила скорость, держась всего в нескольких дюймах от машины, которая «подрезала» их спереди, и развернулась в кресле, чтобы держать всех троих нападавших в поле зрения.

— Они здесь не из-за меня? — изумилась она.

— Нет, не думаю. — Аркли достал из кобуры пистолет. — Когда я взял Лэrsa, он кормил своих предков. Он принес им кровь. Я предпринял некоторое расследование и обнаружил других, которые демонстрировали схожее поведение. Вампиры жаждут крови, но они преклоняются перед теми, кто наградил их этим проклятием. Когда я пригрозил Малверн

в больнице, я спровоцировал это нападение на нас. Опусто окно и откинься назад.

Она сделала, как он просил, и через секунду он перегнулся через нее и дважды выстрелил в «шевроле» слева. Водитель-мертвец поднял руки к лицу, но они взорвались клубами костяных осколков и обрывков сморщенной плоти. Голова треснула и развалилась, а машина вильнула на дороге и врезалась в дерево. Кэкстон увидела через зеркало заднего вида, как фары «шевроле» безумно крутнулись, указывая в разные стороны, за миг до этого они были темными.

«Хаммер», едущий позади, снова врезался в них. Немертвые были недовольны. Кэкстон с такой силой вцепилась в руль, что ощутила его даже плечами.

— Ну хорошо, теперь моя очередь, — сказала она.

Она выкрутила руль и нажала на газ. Патрульная машина рванулась вперед и ударила в заднее правое колесо «хонды», ехавшей перед ними. Покрышка соскользнула с дорожного покрытия, и машина свернула влево, дав Кэкстон вырваться вперед, обогнув потерявшую управление машину. Как и все в дорожном патруле, она прошла трехдневную тренировку по тактике преследования беглецов. Вырвавшись вперед в темноту, освободившись наконец от «коробочки», она с улыбкой повернулась к Аркли, по-настоящему довольная собой.

— Вы знаете, как пользоваться патрульной рацией? — спросила она его, показывая подбородком на приборную доску. — Тогда вперед. Вызовите диспетчера отряда «Н». Нам понадобятся все свободные люди.

Аркли уставился на нее.

— Маленькая идиотка, — вздохнул он.

Она даже не взглянула на него, только сосредоточилась на управлении машиной. Ей неплохо удавалось справляться, идя за девяносто там, где дорога была приспособлена к скорости максимум в шестьдесят миль.

— Если мы им позволим, они приведут нас прямо к своему хозяину.

— К вампиру, — уточнила она.

— Да.

— Но вы же застрелили того парня, — возразила она.

— Мне пришлось сделать вид, будто мы не просто тянем время.

Кэкстон сжала зубы и глянула в зеркало. Второй «хаммер» все еще был позади, стараясь не отставать от нее. Она чуточку уменьшила газ, но не настолько, чтобы он поверил, будто она даст себя поймать. «Хонда» все еще пыталась развернуться после вынужденной остановки. Мимо пронесся зеленый дорожный знак.

— Скоро будет въезд на Новую Голландию.¹ Мне сворачивать или нет?

— Что ж, попробую догадаться по их поведению, куда они пытаются загнать нас. — Аркли резко выплевывал слова.

Одной рукой он держался за ручку двери, а другой сжимал пистолет стволom вверх. Если будет ухаб и подпрыгнувшая машина заставит его случайно выстрелить, пуля покинет машину через крышу.

— Если он станет смещаться влево...

Ему не понадобилось заканчивать предложение. Двое мотоциклистов с воплями въехали по склону на автомагистраль позади них и вскоре загрохотали за патрульной машиной. Водители были без шлемов, но и у них не было лиц. Один из ездовых-немертвых вылетел справа от Кэкстон, вынуждая ее уйти на левую полосу, прочь от въезда на Новую Голландию. По крайней мере, это было ответом на ее вопрос. У другого мотоциклиста двигатель взревел, и он появился рядом с ее передним левым колесом.

Сами по себе мотоциклисты не представляли большой угрозы — она могла смести их с дороги одним движением руля. Впрочем, байкер справа держал в руке здоровую ржавую железяку — мясницкий нож как минимум восемнадцати дюймов в длину. Отведя прямую руку назад, он воткнул его прямо в бок машины. Было больше шума, чем вреда, но правая боковая фара вспыхнула россыпью искр, и теперь машина была наполовину слепа. Она с

¹ Округ штата Пенсильвания.

грохотом неслась через адски черный лес на скорости восемьдесят пять миль в час. Рефлекторно, даже когда он уже выдернул тесак, Лора ушла влево, чтобы оторваться от него. Байкер с этой стороны развернулся по широкой дуге и едва не оказался подрезанным передним левым колесом ее машины. Стекло и кусочки металла щелкнули, заскользили и затанцевали по ветровому стеклу, когда машину тряхнуло на амортизаторах, а мотоцикл исчез, не попрощавшись.

Кэкстон с трудом пыталась справиться с управлением. Оставшаяся фара освещала поверхность дороги слева направо, словно машина покосилась на покрышках, но к вождению у Лоры был талант. У нее были годы практики вождения в опасных условиях, и она не паниковала. Она выправила машину и слегка прибавила скорость. Может, «хаммер» и не сможет догнать, но вот байкеры, решила она, знают, где смогут перехватить ее.

— Вы уверены, что они не пытаются убить нас? — спросила Кэкстон.

— На девяносто процентов, — ответил Аркли. — Обычно немертвые пригоняют жертвы к своему хозяину. В конце концов, если мы умрем тут, вампир не сможет выпить нашу кровь. Но если они считают, что я представляю какую-нибудь угрозу, вряд ли они захотят рисковать.

— Вы — знаменитый охотник за вампирами, — заметила Кэкстон. — Будь я на их месте, я бы сочла вас очень серьезной угрозой. Может, просто позвоним, вызовем какое-нибудь проклятое подкрепление?

Он кивнул. Он не стал тратить время, рассуждая, что, может быть, она единственный раз оказалась права, а он ошибся. Он взял радиотелефон и позвонил, именно так, как ему и следовало сделать десятью минутами раньше. Диспетчер отряда «Н» принялся собирать машины.

А потом мимо них пронесся оранжевый знак, так быстро, что она едва смогла заметить его. Фосфоресцирующая краска зловеще вспыхнула в практически абсолютном мраке. У нее не было возможности разобрать, что на нем, но она и так знала, что означает этот цвет: впереди ведутся дорожные работы.

Она убрала ногу с педали газа. «Хаммер», едущий позади, стал расти в зеркале заднего вида, но она постаралась не волноваться. Она и понятия не имела, что там впереди — замена дорожного полотна или же полное перекрытие дороги. Лора чувствовала, как в груди нарастает паника.

Байкер слева держал разводной ключ. Он начал заносить руку, целясь, несомненно, в ее оставшуюся переднюю фару. На этом промежутке пути не было дорожных фонарей — это был проселок, и предполагалось, что водители должны ехать здесь с включенными фарами. Если он разобьет фару, машина ослепнет.

С отчаянием, которого она никогда не чувствовала прежде, Лора вывернула руль и врезалась в мотоциклиста. Байк согнулся от удара, переднее колесо взлетело вверх. Сам байкер, пришпиленный к боку патрульной машины, выбросил руки и попытался схватиться за дверцу, но лишённые кожи пальцы безрезультатно скреблись по гладкому стеклу и металлу. Он исчез из виду в одну секунду, далеко позади, в надвинувшейся темноте. Его мотоцикл крутился на асфальте, разбрасывая искры.

Лора нажала на тормоз, и «хаммер» вильнул, избегая удара. Второй мотоциклист пронесся мимо, его рваное лицо было повернуто к ней. Он не смотрел на дорогу, и его байк летел по идеально прямой линии, как раз в оранжевый дорожный знак. Конус из ПВХ был спроектирован так, чтобы выдерживать столкновения и посильнее, а вот мотоцикл немертвого — нет. Железный конь выполнил сальто и приземлился на своего ездока.

Кэкстон нажала на тормоза. Теперь она могла разобрать знаки. Там был указан аварийный объезд, по которому она уже не смогла бы проехать. А впереди дорога перекрывалась полностью. «Хаммер», ехавший позади, резко остановился, визжа тормозами.

Останавливаясь, она по инерции проехала вперед, машина не торопилась затормозить, как бы того ни хотелось Лоре. Одной силы воли было недостаточно. Поверхность дороги была засыпана угольной пылью, а местами покрытие было снято, открывая под собой

намного более грубый слой. Машина подпрыгнула, отскочила, и Аркли сунул пистолет в кобуру. В конце концов машина затормозила, проехав еще несколько футов. Она качнулась вперед, потом назад, кидая двоих пассажиров на ремни безопасности. Пыль оседала в воздухе, опускаясь на землю, и вместе с ней, казалось, на землю оседала тишина.

Как раз напротив них стояли рогатки ограждения и ярко-желтые защитные барьеры. За ними дорожное покрытие было практически полностью сорвано, открывая шестифутовый карьер в земле. Заляпанные грязью строительные машины, брошенное электрооборудование, коробки с тряпьем, продовольствием и стопы конусовидных знаков загромождали его. И поверх всего этого над дорогой нависал старинный серебристый клен, чьи сдвоенные, похожие на пропеллеры семена, кружась в ночном воздухе, опускались на землю.

И высоко, среди почти голых ветвей, что-то белое и огромное мелькнуло в свете фары машины Кэкстон. Пока она смотрела, примерно четверть этого белого чего-то оторвалась от остальной части и камнем упала вниз. Она ударилась в крышу патрульного автомобиля настолько сильно, что Кэкстон вскрикнула. Когда же Лора пришла в себя и взглянула в ветровое стекло, то увидела дорожного рабочего в оранжевой робе, уставившегося на нее мертвыми глазами. Его горло было вырвано полностью вместе с частью ключицы и плеча. Его кожа была бледна, и в нем не осталось ни единой капли крови.

И не успела машина перестать качаться от удара, как вампир спрыгнул с дерева на землю, рядом с ней, и от хрупкого тела Лоры его отделяла только автомобильная дверца. Его глаза встретились с ее глазами, и она не смогла отвести взгляд.

11

Стоявший вампир был как минимум шести футов роста. Он не был мускулист, как она ожидала. Она думала, что все вампиры должны быть такими же огромными, как Питер Лэрс. Этот был тонкого, словно плеть, сложения, и она сравнила его с хищником из кошачьих — стремительным, злобным, совершенным по форме. Он был абсолютно голым и абсолютно безволосым. Его уши выдавались с обеих сторон головы, заостряясь на концах.

Кэкстон изучала его. И он, казалось, никуда не спешил — словно он мог убить их, когда ему вздумается, как только будет готов для этого. Глаза у него были красноватыми и блестящими. Крылатые семена прилипли кое-где к его телу — тонкая пленка пота покрывала его с головы до пят. Кожа, показавшаяся сначала такой белой, на самом деле была чуть розоватой. В конце концов, он только что высосал кровь дорожного рабочего. Бедный покойник, должно быть, был единственным, кто работал на объекте, наверное, ночным сторожем.

Вампир кашлянул, словно ему хотелось, чтобы она продолжала смотреть на него. Он был тщеславен? Или ему хотелось, чтобы она посчитала его красивым? Красив ли он был? Как и Малверн в лечебнице, он не имел ничего человеческого. Это было странно: она бы никогда не сказала, что Аркли какой-то исключительно человеческий человек. И все же от федерала исходила некая аура, человеческое тепло. А может, это был просто запах. У вампира же ничего этого не было. Единственное, с чем она могла сравнить его, это, пожалуй, с мраморной статуей, а не с человеком. Линии и контуры могли быть выполнены великолепно, непревзойденно повторяя человека, но вы никогда бы не ошиблись, приняв ее за что-то живое. Он был похож на статую микеланджеловского Давида. Идеальный, но жесткий и холодный. Его пенис вяло висел меж бедер, и Лора задумалась, пользуется ли он им когда-нибудь. Считал ли он людей привлекательными? Или же вампиры занимались сексом только с представителями своего вида?

Он прокрался к машине и положил руку на раму опущенного окна. Нагнулся и заглянул внутрь. Его нижняя челюсть отвалилась, показывая пугающее множество зубов. Где-то на задворках сознания Кэкстон тревожило назойливое жужжание, словно гул комариного роя. Когда лицо вампира придвинулось к ее носу, жужжание стало в два раза громче. Оно в самом деле было назойливым. Это Аркли, поняла Лора. Он что-то говорил, но она не разбирала

слов. Ну, он еще ни разу не сказал ей ничего, что было бы приятно услышать, поэтому она не видела смысла обращать на него внимание.

Руки вампира протянулись, обхватывая ее, мощные пальцы схватились за форменную рубашку и пояс. Лора поплыла вперед, влекомая его неумолимой силой. И одним, немного неприятным, идеально слитным движением она оказалась по ту сторону машины, повиснув у него в руках. Она парила, невесомая, и снова чувствовала себя маленькой девочкой; она ощущала то же, что и тогда, когда отец носил ее на руках. Как чудесно это было, полностью подчиняться этим объятиям. Сколько радости она испытывала, будучи куклой в папиных руках.

Она опять стала искать взгляд вампира, но он отвернулся от нее. Она нахмурилась, ей очень хотелось, чтобы он снова посмотрел на нее. Во лбу у него появилась дыра, зияющая, пульсирующая черная дыра, которая извергала черные струи крови и осколки кости. Вторая дыра появилась у него в щеке. Лора увидела, как взорвалась затылочная часть его головы, и неожиданно, совершенно неожиданно, она упала.

Бац — и она шлепнулась на землю. Боль, как молния, вспыхнула в ее плече.

Столкновение с землей вышибло воздух у нее из легких. Она начала усиленно дышать. До этого она и не заметила, что затаила дыхание. Она снова могла слышать — она даже не поняла, что секундой раньше была оглушена. Она посмотрела на свои руки, потом вверх — на вампира. Мраморной статуи больше не было. Была тварь, существо с острыми зубами и налитыми кровью глазами, которая собиралась убить ее. На самом же деле оно — он — уже убивало ее, когда Аркли дважды выстрелил ему в лицо.

— Боже! — взвизгнула она. — Боже!

Вампир получил две пули в голову, но всего лишь уронил Лору. Он был ранен, ранен сильно, но она понимала: этого недостаточно. Она бросилась от него прочь, перебирая руками и ногами. Паника сдавила ей горло, ее едва не вырвало.

Эта мразь загипнотизировала ее. Лора схватила свой пистолет и развернулась, чтобы выстрелить ему в сердце, столько раз, сколько это было возможно.

Но не успела она вытащить его из кобуры, как рука вампира сомкнулась у нее на горле. Как бы быстро она ни бежала от него, он был быстрее. Он поднял ее вверх и отбросил прочь, когда еще два выстрела сотрясли ночной воздух. Лора полетела вниз, и на этот раз она знала: удар будет неслабым, будет больно. Она приземлилась на оранжево-белую заградительную рогатку. Она ударилась о нее самым низом живота, верхней частью ляжек и продолжала лететь, перекувырнувшись через нее, дикая боль ударила в бедра. Согнувшись в три погибели и вывернувшись, Лора повалилась вперед, и инерция перебросила ее через заграждение в разрытый карьер позади него, место, где было снято дорожное покрытие.

Кэкстон пролетела шесть футов, которые показались ей шестью милями, руки цеплялись за пустоту, ноги молотили по воздуху. Она с треском приземлилась в луже ледяной грязи, которая попала ей в глаза, рот и нос, грозя удушить ее, утопить. Она принялась отплевываться, тереть лицо. Она сделала один-единственный вдох, от которого заныли ребра. Она все еще была жива.

Наверху, за черной, как деготь, стеной карьера раздались еще два выстрела. Потом еще один. Она ждала четвертого, но он не прозвучал. Аркли погиб? Если да, значит, она останется совершенно одна на дне этой ямы. Лора села, огляделась, но никакого выхода не нашла — ни лестницы, ни пологого склона, ни даже веревки, по которой она смогла бы выбраться наверх. Будь у нее время, она бы, вероятно, смогла выбраться. Но она сомневалась, что это время у нее будет.

Как только она подумала об этом, наверху отвала появился вампир. Он глянул вниз красными глазами-зеркалами, которые ловили звездный свет и направляли на нее. Чувствуя накатывавшую волну тошноты, она отвела взгляд.

— Ты... — голос у него был сиплым, низким, скрежещущим, рев клубился в его глотке, — ...ты Аркли?

Он не знал? Он устроил такую сложную ловушку, чтобы поймать федерала, но никто не

потрудились сказать ему, кто Аркли — мужчина или женщина? Кэкстон ответила не задумываясь:

— Да, я Аркли.

Он, похоже, сомневался, поэтому она попыталась убедить его.

— Я знаменитая убийца вампиров, кровохлеб, и это я вырвала сердце из твоего папочки.

Он смотрел вниз на нее, а она глядела себе под ноги. Она чувствовала на себе его взгляд, словно лазерные прицелы двух снайперских винтовок, упирающиеся ей в спину. Наконец она услышала его смех, похожий на кашель собаки, подавившейся костью.

— Маленькая лгунья, — сказал вампир, все еще посмеиваясь. — Лэрс мне не родственник. Ты другая, его напарница. Я вернусь за тобой, — просипел он.

А потом исчез из виду.

— Мерзость, — выругалась она, не вполне понимая, с чего бы это вдруг она выдала себя за Аркли.

Если бы вампир ей поверил, он наверняка спустился бы вниз и в один миг высосал бы из нее жизнь. И все же это дало бы настоящему Аркли шанс унести ноги или, по крайней мере, собрать подкрепление. Идея эта основывалась только на предположении, она не знала, убил уже вампир Аркли или нет.

Лора уперлась кулаками в стены карьера, обрушив комья грязи и гравия, но не достигнув при этом ничего больше.

— Черт, — выругалась она.

И словно эхо, прогремел еще один выстрел, на этот раз с другой стороны.

12

— Стой, ни с места! — заорал кто-то, и Лора услышала целую канонаду выстрелов.

— Полиция штата! — раздалось затем.

Потом послышались ужасающие вопли.

В карьере было полно дорожно-строительного оборудования и инструментов. Кэкстон принялась рыться в коробках, ища хоть что-нибудь, с помощью чего она смогла бы выбраться наверх. Ее подкрепление прибыло — резерв, который вызывал Аркли, когда еще мертвые преследовали их. Дорожный патруль появился, но теперь его вырезали.

Два луча загорелись у нее над головой — кто-то рядом подогнал машину и включил фары. Вампир должен был быть как раз там, куда падал свет. Она услышала, как он шипит от боли. Он снова появился на краю ямы, на этот раз силуэт вырисовывался в свете фар, его левая рука была плотно прижата к глазам. Обезображенную человеческую голову с остатками шеи он держал за волосы скрюченными пальцами правой руки. Кэкстон взмолилась, чтобы это была не голова Аркли.

Входные пулевые отверстия стали видны на спине вампира, дюжины отверстий, из которых лилась бескровная полупрозрачная жижка. Вампир попятился назад, пока не скорчился наверху отвала, завывая от боли. Кэкстон отбросила свой пистолет и смотрела в спину твари.

Он уронил голову. Опустил руку. И потом повалился назад, словно дерево в лесу. Когда его длинное тело ударилось о землю на дне карьера, остатки асфальта треснули под ним.

Кэкстон вспомнила рапорт Аркли, она знала его едва ли не наизусть. Она знала, если сердце вампира не уничтожить, он может подняться снова. У нее было всего несколько секунд. Пули были практически бесполезны — даже выпустив всю обойму ему в грудь, нельзя быть уверенной, что его сердце будет уничтожено. Она глянула по сторонам на коробки с инструментами и нашла, что искала. Слева в карьере лежала связка штакетин вроде тех деревянных колов, которыми геодезисты отмечают места, где пойдет новая трасса. Она подняла один, с квадратным сечением, испачканный землей кусок необработанной древесины около шести футов длины и полутора дюймов в диаметре. На нем, на плоском

конце, была даже привязана яркая оранжевая ленточка, словно вымпел на копье. Лора схватила его обеими руками, подняла над головой и резко опустила вниз.

Она ударила со всей силы, острым концом нацелившись прямо в грудь вампира, пробив белую кожу, похожую на резной мрамор. С таким же успехом она могла попытаться вбить кол в камень. Шест дрогнул по всей длине, вгоняя длинные занозы в ее ладони. Конец расщепился, выгнулся и сломался.

Лора отбросила палку и увидела крошечное розовое пятнышко там, куда она ударила вампира.

— Его кожа крепче железа, — сказал Аркли.

Лора взглянула вверх и увидела его голову и плечи над отвалом. На пол-лица у него была большая царапина, но в остальном он выглядел невредимым. Пока она стояла там, пораженная, он спустился в карьер и встал рядом с ней. Она и не подумала попросить его помочь ей выбраться из ямы, пока было еще не слишком поздно.

Вампир не шевельнулся, даже не дышал. Он был мертв и более естествен. Кэкстон поднесла руку ко рту и попробовала выдернуть занозу зубами.

— Что будем делать дальше? — поинтересовалась она, когда кровь потекла из подушечки большого пальца. В темноте она едва видела, как она закапала и маленькая капелька упала на ступню вампира.

Результат, как бы то ни было, оказался внезапным и ошеломляющим. Вампир сел, его рот был широко разинут. Он вынырнул к ней из тени на дне карьера, словно какая-нибудь глубоководная рыба, готовая проглотить ее целиком. Лора закричала и метнулась в сторону. Толку от этого было мало — вампир все равно оказался быстрее.

К счастью для Лоры, Аркли оказался в полной готовности. Он выстрелил одной из своих разрывных пуль прямо в рот вампира, выбив дюжину его зубов. По-видимому, монстру даже не было больно, но это слегка изменило его курс, как раз чтобы атакующий прыжок прошел на волосок от Кэкстон.

— Помоги мне, — потребовал Аркли.

Кэкстон медленно поднялась на ноги, дрожа от миновавшей угрозы.

— Я не смогу его долго удержать, — крикнул он, и Лора заставила себя действовать. Аркли дважды выстрелил вампиру в туловище.

«Наверное, у него кончаются пули», — сообразила Лора.

По крайней мере, ему удалось отбросить вампира. Чудовище стояло в грязи на коленях, сжатые кулаки упирались в землю, голова была наклонена. Он стал подниматься, и Аркли выстрелил снова. Вначале у него было тринадцать пуль, но сколько же осталось сейчас?

Кэкстон посмотрела на инструменты вокруг себя и поняла, что они ни на что не годятся. Она бросилась в дальний конец карьера и нашла то, что нужно. Это была небольшая компактная машинка с наружным сиденьем для водителя и простой трехскоростной коробкой передач. Она была предназначена для прорезания очень узких борозд в бетонном или асфальтовом покрытии. Вся ее передняя часть представляла собой одно трехфутовое колесо, обрамленное страшными полированными стальными зубьями. На боку машины черной краской было написано имя фирмы-производителя: «Волшебный землекоп». Кэкстон запрыгнула на водительское сиденье и потянулась к стартеру.

Ничего не произошло. Увидев, что ключа в замке зажигания нет, Лора в отчаянии треснула по пульту управления. На ночь резак выключался, наверное, для того, чтобы подростки не могли угнать его во время своих ночных гулянок и порезать покрытие на дороге.

Аркли выстрелил снова, но вампир уже был на ногах. Он зашатался, а потом шагнул к федералу. Ни один человек не смог бы вынести таких повреждений, получить столько травм и при этом все еще ходить, но вампир шел. Он был примерно в шести футах от Аркли. И покроет это расстояние в считанные секунды.

Кэкстон схватилась за переключатель передач «Волшебного землекопа», поставила его на нейтральное положение, а потом дернула ручник. Затем спрыгнула с сиденья и

подтолкнула машину вперед. Дно карьера было немного наклонным, и компактная строительная машинка медленно, но неотвратно покатила вперед. Кэкстон выдернула свой пистолет и стала стрелять вампиру в голову, посылая пулю за пулей, разрывая ему глаза, нос, уши.

Вампир только посмеялся над ней, над бесплодностью ее усилий. Его разорванные глаза восстановились сами собой, заполнив разбитые глазницы. И все же секунда-другая ушла у него на то, чтобы восстановиться. Он не увидел, как «Волшебный землекоп» покатила прямо к нему.

Зубчатое колесо вонзилось глубоко в его бедра, в пах. Вампир упал назад, когда машина всем весом наехала на него и остановилась, пригвоздив его к земле. Он попытался выбраться, сдвинуть «Волшебного землекопа», но даже он не был силен настолько, чтобы практически с выпавшими внутренностями поднять машину весом в полтонны.

— Эй, — закричал кто-то.

Кэкстон посмотрела наверх и увидела на краю карьера дорожного патрульного, широкополая шляпа вырисовывалась на фоне низкого света фар.

— Эй, вы, там, внизу, все живы?

— Включите электричество! — крикнул Аркли. — Там наверху должен быть главный рубильник. Включите электричество!

Патрульный скрылся из виду. Спустя мгновение они услышали, как электрогенератор заурчал, оживая, переходя на ритмичный рокот. Кэкстон и понятия не имела, что у Аркли на уме. Патрульный принес переносной прожектор на край отвала и залил карьер ослепительным светом, так что Кэкстон отвела глаза. Вампир, все еще пытавшийся освободиться, издал вой, словно раненый кугуар. Не любят они света, решила Кэкстон. Ну, в конце концов, они были ночными жителями. В этом была логика.

Аркли медленно возился у ящиков с оборудованием. Найдя, что искал, он воткнул это в распределительную коробку. Кэкстон почти не поверила глазам, когда он подошел к вампиру, держа в руках электропневматический отбойный молоток.

Он сунул бур в грудь вампира как раз напротив левого соска. В то же самое место, куда Кэкстон била деревянным колом. Аркли включил молоток и всем телом надавил на него. Кожа вампира сопротивлялась какой-то миг, но потом треснула, и водянистые потоки — не кровь, конечно, — хлынули из раны. Когда бур отбойного молотка стал врезаться под ребра, вампир затрясся и стал выгибаться, но Аркли не сдвинулся ни на дюйм. Обрывки кожи, а потом и куски мышечной массы — все ткани белого цвета — вылетали из раны. Вампир кричал, да так, что Кэкстон отлично слышала его сквозь гудящее заикание молотка, а потом... потом все стихло. Голова вампира упала назад, челюсть отвалилась, он был мертв. Действительно мертв. Аркли положил отбойный молоток и голыми руками полез в грудную клетку вампира, шаря внутри, чтобы убедиться, что его сердце на самом деле уничтожено. В конце концов он выдернул руки и сел на землю. Тело лежало рядом, неподвижное, просто предмет, словно никогда и не было живым существом.

Патрульные подняли их обоих из карьера, и Кэкстон наконец увидела, что же произошло наверху, пока она была в западне. Две дюжины патрульных были вызваны ей на подмогу. Пятеро из них погибли, тела были разорваны в клочья, а кровь выпита полностью. Она всех их знала в лицо, но все же была благодарна, что они были из подразделения «Н», а не из ее отряда «Т». Она не могла назвать их друзьями. Она чувствовала легкость в голове, в душе, когда шла мимо тел, будто не могла до конца осознать, что произошло.

Кэкстон едва ли заботило ее собственное тело, когда ее посадили на заднее сиденье патрульной машины, убедившись, что с ней все в порядке. Специалист аварийной медслужбы осмотрела ее на предмет ранений, а выжившие патрульные задавали нескончаемые вопросы о том, что произошло, о погоне, об обнаженном вампире, о том, сколько раз она разрядила свой пистолет. Она открывала рот и отвечала на вопросы, каждый раз удивляясь ответу. Она была в шоке, и это, думалось ей, было весьма похоже на то, как ее загипнотизировал вампир.

В конце концов ее отпустили домой.

Райс

*Упыри множатся и плодят себе подобных,
согласно строгим загробным законам.*

Ле Фану. Кармилла
(Перевод А. Новикова)

13

Утром солнце уже светило в окна, и Кэкстон поднялась, не побеспокоив Диану. Она натянула на себя первое, что попало под руку.

В маленьком доме было холодно, в саду лежал иней. Она включила кофеварку и, оставив ее шипеть и плеваться, вышла, чтобы накормить собак в вольере. Пар от их дыхания шел из клеток клубами. Когда она вошла, они принялись петь извечную песню борзых, не похожую на скулеж других собак, пронзительную атональную трель. Для Кэкстон это была музыка. Псы были счастливы видеть ее. Лора выпустила их немного побегать по мокрой траве; ни одна собака не нарушила границ Невидимого Забора, радуясь, что остается в безопасном маленьком уголке лужайки, отгороженном тихими зимой деревьями. Она смотрела, как они играют, тявкают, сбивают друг друга с ног, все те же игры, в которые собаки играют уже сто тысяч лет и никто в них еще не выиграл. Это вызвало ее улыбку. Она чувствовала себя удивительно хорошо, может, немного побаливали руки и ребра, которые она ударила прошлой ночью, да образовалось несколько синяков, когда вампир тащил ее из машины. Но в остальном она чувствовала себя хорошо, словно она чего-то добилась.

Поэтому она очень удивилась, когда внезапно заплакала. Это были не громкие рыдания, а просто слезы потекли из глаз и не собирались останавливаться. Лора смахнула их, высморкала нос и почувствовала, что сердце выпрыгивает у нее из груди.

— Тыквочка? — позвала ее Диана, появляясь почти голышом в проеме задней двери, одетая лишь в футболку без рукавов, прикрывавшую только то, что полагалось по закону.

Рыжие волосы Дианы стояли дыбом, и видно было, как она дрожит. Никогда еще она не казалась прекрасней.

— Тыквочка, что случилось? — спросила она.

Кэкстон захотелось подойти к ней, обхватить вокруг талии, сграбастать ее. Но она не могла. Не могла остановить слезы.

— Ничего. Правда ничего. Понятия не имею, почему я плачу. Мне не грустно... нет, правда.

Лора вытерла пальцами глаза. Наверное, это запоздалая реакция на стресс. Их учили этому в академии и говорили, что она не круче любого из гражданских. И как все другие в ее классе, она думала: «Ага, как бы не так», и спала на всех семинарах. Она была ох какая крутая. Она была солдатом правосудия. И не могла перестать плакать.

Диана побежала по траве, роса хлюпала у нее между пальцами, и схватила Кэкстон в крепкие объятия, похлопывая по спине.

— Там у входа какой-то человек, желает тебя видеть. Хочешь, я его спроважу?

— Дай-ка догадаюсь. Старик, куча морщин, с серебряной звездой на лацкане.

Кэкстон слегка оттолкнула Диану. Потом хорошенько ущипнула себя через рубашку за кожу на руке возле локтя. Боль оказалась внезапной и очень сильной и мгновенно остановила слезы.

У передней двери терпеливо ждал Аркли, его рот опять был сжат в невыразительную щелку. Впрочем, когда он увидел Диану, физиономия у него начала заливаться румянцем. Она открыла дверь, впуская его на кухню, спросила, не желает ли он чашечку кофе. Кэкстон немного сторонилась его, не желая, чтобы он увидел ее покрасневшие глаза.

Он улыбнулся шире, чем обычно, но покачал головой.

— Не могу пить эту гадость. У меня от нее язва. Доброе утро, патрульный.

Кэкстон кивнула ему.

— Не ожидала увидеть вас тут, — сказала она. — Думала, ночью все закончилось.

Он пожал плечами.

— Пока вчера ночью мы развлекались по полной, некоторые люди занимались настоящей полицейской работой. Отпечатки пальцев, слепки зубов с мертвых, которые напали на тебя, вампира еще не идентифицировали, пока не знают даже имени. Но у нас есть вот это. — Он протянул ей компьютерную распечатку.

Она моментально узнала ее: выписка из государственного реестра автомобильных номеров. В ней был зарегистрирован номер «кадиллака CTS», с которого началось их расследование, машины, полной трупов, брошенной одноруким мертвым. На листке значилось имя владельца и все его известные адреса.

— Это наш вампир? — уточнила Кэкстон.

Аркли покачал головой.

— Наше наиболее вероятное предположение, что это жертва. Тот, кто был в багажнике. Его отпечатки ничего не дали, в отличие от отпечатков его сына, а проба крови позволяет предположить, что все, кто был в багажнике, — родственники.

— Что это за ребенок, у которого взяли отпечатки пальцев? — Диана вздернула нос. — Я думала, пальчики снимают только в случае ареста.

Она насыпала в чашку немного хлопьев, но не позаботилась налить туда молока. Завтрак у них в доме был явлением неформальным.

— Пару лет назад мы стали брать детские отпечатки, — ответила ей Кэкстон. — Это помогает идентифицировать детей в случае их похищения. По крайней мере, так мы говорим их родителям. Еще это означает, что следующее поколение преступников практически поголовно будет отслежено по отпечаткам, когда они начнут совершать преступления.

Аркли без разрешения сел в одно из дешевых икеевских кресел, стоявших вокруг стола. Он принял все ту же неловкую позу, которую Кэкстон видела раньше, когда он сидел в кресле в кабинете комиссара полиции. Должно быть, он увидел вопрос на ее лице.

— Лэрс едва не прикончил меня, — объяснил он. — Врачам пришлось скрепить три позвонка вместе. А прошлая ночь, это ерунда.

Кэкстон нахмурилась и принялась изучать распечатку. В ней говорилось, что владельца машины зовут Фаррелл Мортон и он владеет охотничьим домиком в Карнарвоне. Не так далеко от того места, где она обычно работала на плановом досмотре с газоанализатором всего две ночи тому назад. Она сложила куски головоломки вместе.

— Боже мой. Он взял детей на охоту, и вся его семья была съедена заживо. А потом мертвый украл его машину.

— В охотничьем домике найдены человеческие останки. Множество, — сказал Аркли.

Диана топнула босой ногой по полу.

— Хорошо трендеть о работе на моей кухне! — воскликнула она.

Это был ее обычный боевой клич, и Кэкстон поморщилась.

— Совершенно верно. Для кровавых подробностей времени и потом будет достаточно.

Аркли и Диана обменялись взглядами полного понимания, отчего Кэкстон поморщилась снова. Он никогда так не смотрел на нее. Может, ей и следовало наплевать на это, но у нее не получалось.

— У вас тут и в самом деле семейная жизнь, патрульный, — заметил Аркли, с усилием поднимаясь на ноги. — И давно вы вместе?

— Почти пять лет, — ответила Кэкстон. — Может, пойдем? Место преступления остывает.

Это было не так-то и важно, учитывая, что злоумышленник уже мертв, но в полицейской работе были свои правила.

— Как вы встретились? — спросил он.

Кэкстон застыла. В этот момент ей надо было решить, пускать его в свою настоящую жизнь или нет. Дела полицейские, схватки с вампирами, это, конечно, было важно, но тут был ее дом, ее собаки, ее Диана. Жизнь, которую она никогда не открывала даже своим приятелям патрульным. Разумеется, у нее раньше никогда не было напарника. Он был ее напарником, по крайней мере на время расследования, а напарника полагалось приглашать на ужин, ну и все в таком роде. Скоро он уйдет, ведь вампир мертв. Она решила, что опасность впустить его в свою жизнь минимальна.

— Я спасаю борзых, — ответила она. — Из собачьих питомников. Когда животное ранено или просто слишком старое, его усыпляют. Я даю им более гуманную альтернативу: спасаю собак и воспитываю. Это дорогостоящее хобби — большинство собак, которых я спасаю, ранены или больны, и им требуется медицинская помощь. Диана работала лаборанткой в ветеринарной клинике. Ей приходилось воровать для меня пилюли от кардионематодов и от бешенства. Кстати, ее за это уволили.

Диана облокотилась о кухонный сервант, потянулась, подняв одну ногу в воздух.

— В любом случае, это была паршивая работа. Мы постоянно усыпляли животных, потому что люди отказывались платить, чтобы содержать их.

— Полагаю, это ожесточает, — понимающе сказал Аркли.

Лицо Дианы просияло в ответ на его теплое сочувствие.

Ревность пронзила Кэкстон с головы до ног.

— А теперь она просто занимается своим искусством.

— Ага, я так и знал! — заметил Аркли. — У вас руки художницы.

Диана помахала ими перед ним и рассмеялась.

— Хотите, я покажу вам, над чем сейчас работаю? — поинтересовалась она.

— Ох, дорогая, я даже не знаю, — попыталась встрять Кэкстон.

Она посмотрела на Аркли.

— Это слишком современно. Не для всех. Слушайте, давайте я вам лучше своих собак покажу? Ведь всем нравятся собаки, правда?

— Когда они за надежным забором — несомненно, — ответил ей Аркли. — Терпеть не могу, когда они лижут. Но, по правде говоря, патрульный, я бы хотел взглянуть на работу вашей подруги.

Делать было нечего, пришлось идти в мастерскую Дианы. Диана надела ботинки и зимний пуховик и двинулась по лужайке, чтобы открыть кодовый замок. Кэкстон и Аркли шли следом, немного отставая.

— Какого хрена вы делаете? — сказала она ему, едва Диана оказалась вне пределов слышимости.

Аркли не стал увиливать.

— Хорошо, если подружишься с женой своего напарника. По крайней мере, на ужин будут чаще звать, — пояснил он ей.

Они вошли в мастерскую с румянцем на щеках. День и в самом деле обещал быть холодным. Крайне смущенная, Кэкстон встала у стены мастерской. Ее щеки горели, но не только от мороза.

Диана, как всегда, была без комплексов. Она показывала свою работу всем, кого только смогла хотя бы чуть-чуть заинтересовать. Большей частью она получала в ответ вежливое молчание. Другие пускались рассуждать, называя ее произведение «интересным» или «цепляющим», и углублялись на некоторое время в теории государства и постфеминизма, пока не выдыхались. Люди же, которым действительно нравилась ее работа, пугали Кэкстон. Они ей казались совершенно чокнутыми и, что еще хуже, вынуждали думать, может, и Диана была не вполне нормальной.

Аркли осторожно двинулся по мастерской, изучая материал. Три простыни — двuspальные — свисали со стропил на некотором расстоянии друг от друга. Они мягко колыхались в холодном воздухе сарая, подсвеченные только ранним утренним солнцем, попадавшим внутрь через дверь. Каждая простыня была покрыта сотнями практически

одинаковых пятен, абсолютно бесформенных, все они были красновато-коричневого цвета. В такой холодный день запаха не было, но даже в середине лета пятна испускали еле уловимый характерно металлический запах.

— Кровь, — объявил Аркли, когда он обошел все три простыни.

— Менструальная кровь, — поправила ее Диана.

«Ну вот, начинается, — подумала Кэкстон, — сейчас Аркли передернет, и он назовет Диану ненормальной».

Это и раньше случалось. Довольно часто. Но ничего не произошло. Он кивнул и принялся изучать простыни, запрокидывая голову, чтобы осмотреть их целиком. Когда прошло больше минуты, а он так ничего и не сказал, Кэкстон стала нервничать. Диана выглядела смущенной.

— Ну, это о всяком сокровенном, — выпалила Кэкстон, и они оба посмотрели на нее. — О чем-то, что обычно скрывается, держится в тайне — и вот, выносятся на люди.

На лице Дианы отразилась такая гордость, что Кэкстон едва не потеряла сознание. Но ей нужно было надуть обоих своих партнеров. Аркли не должен был увидеть ее слабость, только не здесь, в святая святых.

Аркли глубоко вздохнул.

— Мощно, — выдавил он.

Он не стал трудиться, пытаясь интерпретировать увиденное, что уже было хорошо. Он вообще не пытался это объяснить.

Диана поклонилась ему.

— У меня ушли годы, чтобы сделать так много, и работа еще не завершена. Есть один парень в Аризоне, он делает нечто похожее — я видела его некоторое время назад на «Человеке в огне».¹ Но он использует любую кровь, которую ему кто-нибудь дает. А это все мое. Ну разве что Лора пару раз приложилась.

У Кэкстон задрожали руки.

— Ну хватит, чересчур много информации, — выпалила она.

Это вылетело само собой. Они оба посмотрели на нее, но она покачала головой.

— Наверное, нам пора ехать на место преступления, — предложил Аркли.

Никогда еще она не была так рада получить приказ.

14

— Как насчет чеснока? — поинтересовалась Кэкстон.

Средь бела дня голые деревья, росшие по обе стороны шоссе, выглядели менее устрашающе. Лора предположила, что это оттого, что вампир был мертв. Но существовали еще и пропавшие из виду немертвые — как минимум один, который был за рулем «хаммера» и прессовал их, и тот однорукий, который напугал ее до чертиков. По всей видимости, поймать и одолеть их будет просто, теперь, когда не стало их хозяина. Вампир был мертв — и весь мир стал прекрасней. В конце концов Лора дала волю своему любопытству, которое прежде держала при себе оттого, что ответы на эти вопросы пугали ее. Теперь же они казались безобидными, чисто теоретическими.

— Чеснок отпугивает вампиров?

Аркли фыркнул.

— Нет. В девяносто третьем я поставил над Малверн небольшой, но опрометчивый эксперимент. Я протащил к ней в палату банку рубленого чеснока и, пока Армонк не видел, вывалил все на нее. Грязи было будь здоров, а как она вышла из себя! Но вреда, нет, вреда он ей не нанес никакого. С таким же успехом это мог быть и майонез.

— А зеркала? Они отражаются в зеркалах?

— Судя по тому, что она говорила, в старые добрые времена ей нравилось любоваться

¹ Ежегодный шестидневный фестиваль в пустыне Блэк Рок, штат Невада, известный радикальными экспериментами по самовыражению.

собственным отражением. Теперь, конечно, ее нынешний вид ей не нравится, — пожал он плечами. — Думаю, доля истины в этом есть. Старики вампиры разобьют любое зеркало, как только его увидят. Молодым же на это плевать.

— Вы еще исключили кресты. А святая вода, облатки, ну, не знаю, еще что-нибудь? Из других религий? Звезда Давида или статуи Будды? Или копия Корана обратит их в бегство?

— Ничего не помогает. Сатане они не поклоняются и — да, я и правда спрашивал — черную магию не практикуют. Они противны природе. И если это делает их нечестивыми, то, кажется, они от этого нисколько не страдают.

— А серебро? — предприняла новую попытку Кэкстон. — Или это против обратной?

— Изначально серебро использовали против вампиров. За последние две сотни лет не было слышно, чтобы кто-то видел оборотня, так что ничего не могу тебе сказать про их уязвимые места. Но сколько существуют вампиры, серебро на них не действует.

Он поерзал в кресле пассажира. Выглядел он гораздо более подвижным, чем накануне. Охота на вампиров вытягивает из него боль, догадалась Кэкстон.

— Мы перепробовали все это на Малверн за первую пару лет, еще до того, как Армонк стал поклоняться ей и ныть про ее права. Свет, мы выяснили, ей противен. Сжигать ее он не сжигает, но боль причиняет. Практически любой вид света делает ей больно. Она вынуждена спать днем. И никак ее не заставить бодрствовать. Когда встает солнце, ее тело в буквальном смысле меняется, восстанавливаясь от того ущерба, который был ей причинен накануне ночью. Когда-нибудь тебе стоит прийти посмотреть на то, как происходит метаморфоза. Это отвратительно, но захватывающе.

— Нет уж, спасибо. — Кэкстон поморщилась. — Теперь, когда дело закрыто, я с монстрами покончила. Вы можете сохранить свой титул единственного в Америке охотника на вампиров. Думаю, я так и прилипну к нарко-алкоконтролю и всякой аварийной мелочовке. Но откуда пошли все эти истории, если ничего не работает?

— Все просто. Кому понравится история с плохим концом? До прошлого века, когда появилось надежное огнестрельное оружие, вампиры расправлялись с нами только так. И поэты-прозаики меняли некоторые детали, чтобы не вгонять публику в депрессию тем, насколько ужасен может быть мир.

— Но если они только сравнили вымысел с реальностью...

— В этом-то и дело — не сравнивали они. — Аркли вздохнул. — Каждый раз, когда вампир появляется среди честного люда, они говорят: «Я думал, они давно вымерли».

— И все потому, что в одно и то же время в мире не может быть больше горстки вампиров. И слава тебе, Господи, за это. Если бы они встречались чаще, если бы они были лучше организованы, то нас бы уже не стало.

Кэкстон нахмурилась, стараясь не слишком-то задумываться обо всем этом. Оставшийся путь до Карнарвона она проехала без единого слова Аркли же был молчун хоть куда — факт, который она только-только научилась ценить. Некоторые вещи не стоили обсуждения.

Когда они прибыли, патрульные машины трех различных ведомств были припаркованы на рулонном газоне возле охотничьего домика: полиции штата, окружного шерифа и единственный автомобиль местного полицейского, мужчины средних лет в темно-синей униформе, который стоял в стороне с таким видом, будто его тошнило. Формально это было место преступления, и он должен был дать разрешение Кэкстон и Аркли войти. Они ждали, пока он наконец изучит их удостоверения.

— Сможешь выдержать все это? — спросил ее Аркли.

Это прозвучало вовсе не как вызов, но она восприняла его именно так.

— Приятного будет мало.

— Я соскребала с асфальта победительниц выпускных балов, крутой вы наш, — огрызнулась она. — И выколупывала зубы с приборной доски, чтобы можно было сравнить со слепами десен.

Аркли только сухо хохотнул в ответ на ее бравату.

С пятидесяти футов все выглядело не так уж и плохо. Сам домик смотрелся более обихоженным, чем предполагала Кэкстон. Он стоял возле журчавшего ручья, скрываясь в тени нескольких высоких ив. Большая часть охотничьих домиков, насколько знала Кэкстон, представляли собой насквозь продуваемые бревенчатые лачуги с крышами крутыми и остроконечными, дабы они не обрушились под массой снега зимой. Жилище Фаррела Мортон можно было назвать скорее охотничьей резиденцией. Большой главный корпус с множеством окон смыкался с флигелем поновее и с тем, что Кэкстон сочла кухонной пристройкой, судя по обилию труб и дымоходов. Вдоль всего здания тянулась веранда, уставленная креслами-качалками, сделанными из грубо обтесанных коряг, на которых все еще сохранилась кора. Под коньком крыши Фаррел Мортон повесил ярко разрисованный шестигранный знак — старинный оберег от нечистой силы пенсильванских голландцев.

По-видимому, действовал он не очень хорошо. Копы в расстегнутых у горла форменных рубашках и сдвинутых шляпах рыли ямы и снаружи, и на заднем дворе. Глубоко копать им не пришлось.

— Я думала, все жертвы вампиров превращаются в мертвых, — заметила Кэкстон, глядя на гору костей и разложившейся плоти в одной из ям.

Личинки шевелились в грудной клетке. Лоре пришлось отвести взгляд. Это было хуже, чем дорожные аварии. Те трупы были свежими, и цвет у них был нормальный. Эти пахли хуже. Просто ужас как пахли.

— Только если он велел им восстать, — пояснил Аркли. — Слишком много слуг ему не нужно, особенно если он не хочет светиться. Мертвые могут маскироваться не хуже, чем вампиры. Но вампира жажда крови вынуждает убивать все новые жертвы, и он не захочет, чтобы три десятка рабов слонялись по округе, привлекая к себе внимание.

— Ближе к сотне, если вы считаете этих, внутри. — Это сказал местный коп.

Лицо у него было все еще зеленоватое, но удостоверения он все же проверил. Он вернул их Кэкстон и Аркли и позволил им пройти внутрь.

Когда Кэкстон увидела кухню, она почти пожалела, что он им не отказал. Картина внутри была бессмысленной, и мозг отказывался воспринимать ее. Запах ввинчивался в голову. Он был гадким, отвратительно гадким, но, что еще хуже, он был неправильным. Бессознательная часть ее мозга говорила, что этот запах означал смерть, и от него хотелось бежать куда глаза глядят. Лора чувствовала, как он ерзает у основания черепа, пытаясь сползти по позвоночнику вниз.

Она сосредоточилась на деталях, пытаясь не видеть всей картины. Это была жуть. Кругом были копы в различных униформах, они толклись повсюду, собирая улики, делая свою работу. Но едва ли она замечала их из-за костей. Тут было нечто вроде крипты, а не дом вовсе. Кости были свалены, словно дрова, вдоль стены, поверх белой эмалированной кухонной плиты, напиханы в кладовки. Кто-то рассортировал их на черепа, тазовые кости, ребра, конечности.

— Обсессивно-компульсивное расстройство,¹ — выдохнула Кэкстон.

— Теперь-то тут, может, будет чем поживиться, — сказал ей Аркли. — В Восточной Европе вокруг вампирских гробов обычно рассыпали семена горчицы. Считалось, пока он все их не сосчитает, то не выйдет из гроба. А если семян окажется достаточно много, то он будет считать их до рассвета. Мы мало знаем о том, чем на самом деле занимаются вампиры и мертвые, когда не выходят на активную охоту. Мы знаем, телевизор они не смотрят — он их сбивает с толку. Культуру нашу они не понимают, да она им и не интересна. Может, у них свои развлечения. Может, они сидят да сортируют свои кости.

Кэкстон зашла в гостиную, в основном для того, чтобы избавиться от всех этих костей. То, что она увидела в гостиной, было еще хуже. Она обхватила руками живот и плотно сжала его. Перед большим камином полукругом стояли кушетка и три удобных на вид стула.

¹ Обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР) — заключается в том, что человек постоянно находится под действием неприятных собственных мыслей (обсессия), из-за которых он вынужден периодически повторять какие-либо действия (компульсия).

Человеческие тела различной степени разложения сидели, словно позируя, приобняв друг друга руками или наклонившись вперед на локтях. Чтобы удержать их прямо, в нужных положениях, использовалась упаковочная проволока.

— Боже.

Это было слишком. В этом не было смысла.

— Я не понимаю. Вампир съел всех этих людей. И закопал их тела вокруг. Потом убил Фаррела Мортон и его детей, но решил, что от их трупов ему нужно избавиться. С чего вдруг такая перемена? Что не так с Мртоном?

— Кто-нибудь мог начать искать их.

Это была фотограф из управления шерифа, азиатка, с длинной, зачесанной поперек лба челкой. Кэкстон где-то ее уже видела. То ли на одном месте преступления, то ли на другом.

— Насколько мы можем сказать, все жертвы были латиноамериканцами, мужчинами, между пятнадцатью и сорока пятью годами.

Аркли, что довольно странно, недоуменно фыркнул.

— И какие есть версии?

Тут наконец черед блистать выпал и Кэкстон. От желания поразить Аркли тошноты как не бывало.

— Есть версия, что все они были рабочими-мигрантами. Мексиканцы, гватемальцы, перуанцы — каждый год они приезжают сюда работать на грибных полях или собирать в садах фрукты. Они переезжают из города в город, вслед за сезонами созревания, платят наличностью за все, что покупают, так что не оставляют бумажного следа.

— Нелегальные иммигранты, — кивнул Аркли. — В этом есть смысл.

— Умно, — заметила фотограф.

Она казалась ужасно разозленной. Кэкстон знала: некоторые полицейские превращают свой страх и отвращение в ярость. Это помогало им делать свою работу. Фотограф подняла камеру и трижды быстро щелкнула, снимая лишенные плоти тазовые кости на кофейном столике. Кто-то использовал их как пепельницу.

— Зашибись, как умно. Никто не станет разыскивать мигрантов. И даже если кто-то на родине заметит их исчезновение, что он станет делать? Приедет сюда и попросит о помощи американскую полицию? Ни за что. Их просто депортируют.

— Значит, вампир жил тут месяцами, питаясь людьми-невидимками, — протянула Кэкстон. — А потом явился владелец со своими детьми. Черт возьми, — сказала она, прикидывая. — Они увезли тела не для того, чтобы сделать из них немертвых. Они собирались вывалить их где-нибудь в другом месте, чтобы отвлечь внимание от этого дома.

— Точно, — огрызнулась фотограф. — Не стоит срать там, где ты ешь.

Она еще раз щелкнула камерой, на этот раз сняв стойку для зонтов, наполовину полную зонтов, наполовину — бедренных костей.

— Ладно, Клара. — Могучий представитель шерифа схватил фотографа за руку. — Хорошо. Хватит снимать.

Он посмотрел на Аркли и Кэкстон.

— А вы уже видели подвал?

Мозг Кэкстон свился в клубок. Подвал. В доме был подвал. Склеп с какими ужасами ожидал их? Они прошли через переднюю, вниз по лестнице, одной рукой Кэкстон держалась за гладкую стену срой кладки, другой цеплялась за поручень. Они двинулись мимо полок, битком забитых банками с завинчивающимися крышками и консервами. Перелезли через кучу разносортного спортивного оборудования и кровельных материалов. В дальнем конце узкого подвала полукругом стояла группа патрульных в резиновых перчатках. Что же они сторожили? Когда те увидели Аркли с его звездой, они расступились в стороны.

Кэкстон шагнула вперед. По ощущениям, она скорее не шла, а плыла, чувствуя себя призраком в заброшенном доме. Она прошла мимо патрульных. Позади них в затененной нише стояли три одинаковых гроба, все открытые, все пустые.

Три гроба.

— Нет! — выпалила она. — Нет!

Еще не кончено. Были и другие, где-то были новые вампиры.

Аркли пнул один из гробов, и тот захлопнулся с гулким стуком.

15

На улице Кэкстон села на траву и уперлась головой в колени. Еще не кончено. Ей казалось, они уже были в безопасности. Глядя на мертвые человеческие тела в доме, она думала, что это, конечно, ужасно, но в каком-то смысле нормально. То есть печально, но нормально, ибо вампир уже мертв. И никого больше не будут разрывать на части, и ничью кровь не будут пить из еще дергающегося тела.

— Она сказала «род». Она сказала, ее род пожрет меня, — вспомнил Аркли.

Он смотрел на далекую гряду голубых холмов над водой. Туман то здесь, то там поднимался меж деревьев, он казался Кэкстон призраком вроде неприкаянных духов, появлявшихся, чтобы вымолить, выпросить свою жизнь назад.

Призраки. Призраки могли напугать, но они не могли по-настоящему причинить тебе вред. Они не разрывали на части, не высасывали жизнь. И не использовали кости в качестве мебели.

— Она надула меня. Я-то думал, она выражалась фигурально. — Аркли пнул россыпь камней, и они, постукивая, полетели в ручей. — Я Лэrsa считал умником хоть куда. Он мог сойти за человека, такой он был отличный актер. Но Малверн просто само коварство. Она знала, что я буду следить за ней. Она знала, что один вампир, всего один, будет злом, он породит всевозможное разрушение. Но этого недостаточно. Чего ей стоило породить одного из этих чудовищ? И сделать это, находясь денно и ночью под присмотром. Двадцать лет я думал, что мы в безопасности. Теперь ясно: она просто тянула время, собирая силы.

Грудь Кэкстон колыхнулась. Она не была уверена, вздох это или предвестник рвоты. Он был судорожным и спонтанным. Он повторился снова, ребра сжимались, будто что-то внутри ее пыталось выбраться наружу.

— Пойдем, — сказал Аркли. — Пора начинать искать наших героев. Начать надо со списка тех, кто работал в Домне «Арабелла». Кто знает? Кто, мать его, знает? Может, нам и повезет.

— Стойте, — взмолилась Кэкстон.

Нечто под ее диафрагмой недовольно колыхнулось. Она была не расположена к разговорам. Она сильно закашлялась.

— Мы упускаем светлое время, — сказал ей он. — Поднимайся.

Она покачала головой. Это была плохая идея. Лора икнула, и струйка желчи потекла по ее губам. Завтрак вылетел из нее в одном стремительном порыве коричневой струей, которую она не смогла удержать. Лора перекатилась на бок, тело ее произвольно содрогалось.

— Я и не жду, что вы будете справляться с моих чувствах, — проскулила она. — Но я больше не могу.

Он присел на корточки рядом с ней. Прижал два пальца к ее шее, считая пульс. Потом убрал руку, и она посмотрела на него, лежа щекой на холодной траве, следя одним глазом за его лицом. И тут он треснул ее.

От удара у нее вырвался крик, а все тело дернулось. Она перекатилась, садясь, потом заставила себя подняться, прижавшись спиной к стене дома и принимая вертикальное положение. Лора смотрела на Аркли, и горячая, чистая ненависть выплескивалась из нее. Он стоял напротив, наблюдая.

— В этом доме — человеческие трупы, — сказал он ей. — И этой ночью будут новые трупы. И каждой новой ночью тоже. Пока мы не изловим оставшуюся парочку.

Пять минут спустя они уже сидели в машине. На этот раз за рулем был он. Он вел не спеша, не сводя глаз с дороги. Лора сидела в кресле пассажира, опустив стекло. Было морозно, но ледяной ветер в лицо, казалось, только помогал. Большую часть пути она

провела, уткнувшись в мобильник, согласовывая действия с районной оперативной группой, пытаясь исключить некоторых из семидесяти девяти подозреваемых в списке Аркли. Даже говорить было трудно, не то что держать в голове множество сотрудников, которым она поручала различные задания. Бюро судмедэкспертизы должно было связаться с архивами и отделом опознания, так чтобы они смогли разработать схему того, что представляло собой убийство вампира. Все это отправлялось в Бюро расследований, чтобы те смогли послать на выполнение задания полицейских из числа сотрудников отдела криминальных расследований. В это же время средства массовой информации бесконечно пережевывали подробности и публиковали интервью с печально известными охотниками на вампиров. Подчиняясь приказу комиссара полиции, Лора должна была выслать в его офис готовый отчет для пресс-релиза. Она сделала его как можно более коротким и несодержательным. К тому времени, как она его сделала и закончила переговоры, они были поблизости от окружного центра.

Вися на телефоне, она чувствовала, как ее душа несется по территории со скоростью девяносто миль в час.¹

— Я для этого не гожусь, — сказала она.

— Что, для бюрократической работы? Я и похуже видывал.

— Нет, — пояснила она. — Я не гожусь для охоты на вампиров.

Она закрыла глаза, но видела только кости, человеческие кости.

— Прошлой ночью вампир загипнотизировал меня.

— Я помню, — кивнул Аркли. — Я там был.

— Нет, я хочу сказать, я ничего не смогла сделать. Я не смогла противиться этому. Что, если и следующий загипнотизирует меня, а вы не успеете выстрелить вовремя?

— Тогда ты умрешь. — Он не спускал глаз с дороги.

— Я же не слабачка, — настаивала она.

— Там ничего нельзя было сделать. Восприимчивость к гипнозу — это вроде цвета волос или роста. Это на генетическом уровне и по большому счету значит совсем немного.

— Но я восприимчива, вы сами это сказали. Я не достаточно сильна психически, чтобы бороться с вампирами. Я не гожусь для этого. Я не могу.

Страх сжирал ее, словно волк, заглатывающий кусок мяса. Лора поежилась, зубы застучали, а кожа покрылась мурашками. Гордая плоть, как говорила ее мама. Отец же называл это гусиной кожей. Ей было ужасно страшно просто сидеть тут, зная, что придется столкнуться с вампирами.

— Когда я ударил тебя, ты готова была выдвинуть против меня обвинения. И ты имела полное право. Но ты этого не сделала. Вместо этого ты поехала со мной. Это значит, ты годишься, — объяснил он Лоре.

Она покачала головой. Ей нужно было оставить эти разговоры и начать что-то делать. Может, это хоть как-нибудь поможет.

— Что будем делать дальше?

И Аркли удивил ее, свернув с дороги, чтобы перекусить.

— Вы хотите есть? Я себя чувствую так, будто меня кто-то попинал по желудку, — изумилась она.

Он пожал плечами.

— Постарайся в следующий раз не блевать.

Он въехал на парковку возле закусочной «У Милашки» и припарковался рядом с экипажем амишей-меннонитов.² Как только Кэкстон вылезла из машины, лошадь уставилась на нее и махнула хвостом. Лора защелкала языком, успокаивая животное. Аркли пошел внутрь, даже не взглянув, идет ли она за ним. Кэкстон посмотрела на горную гряду за ресторанчиком и вздохнула. Там вдали, в темном сердце ее штата земля была изрезана

¹ Согласно дорожному законодательству США, скоростное ограничение на территориях, прилегающих к школам, — 25 миль в час.

² Североамериканская группа христиан-протестантов, исповедующая взгляды абсолютного ненасилия.

высокими скалами, которые блокировали сотовые телефоны и радиоволны, оставляя плодородные долины отрезанными от большей части человеческого общества. Вот отчего амиши поселились тут. Впрочем, Кэкстон никогда не нравилась эта часть Пенсильвании. Это был силовой центр ку-клукс-клана и неонацизма, место, где людей ее типа, будем откровенными, не привлекали. Повсюду в штате были развешаны рекламные щиты, зазывающие в Пенсильванскую пещеру или в магазинчики, лепившиеся со всех сторон к дороге, но тут их не было. Вместо них встречались плакаты поменьше, не такие яркие, спонсировавшиеся местными церквями, с надписями вроде «ЧТИ ГОСПОДА СВОЕГО» или «КАК ТЫ СОГРЕШИЛ СЕГОДНЯ?» Это был район Центральной Пенсильвании, который чужаки называли бойцовой Пенсильванией, и это был вовсе не комплимент.

Лора зашла внутрь. Она знала этот ресторанчик. Это была нейтральная территория, где все обитатели долины могли мирно собраться вместе. «Милашка» обслуживала фермеров, которым нужно было подзаправиться на весь день тяжелого ручного труда, а также тех, кто любил большие порции и не следил за своим холестерином. Аркли прошел через буфет и накидал себе полную тарелку жареного цыпленка, немецкого картофельного салата и сладких печеных бобов, плававших в соусе вместе с кусочками хрящеватого бекона. Кэкстон скользнула в кабинку, отделанную под дерево, и заказала маленькую диетическую колу. Она взглянула через проход на семейство амишей: седобородый патриарх с родинкой на щеке, его жена, чье лицо напоминало сушеное яблоко, и двое сыночков-херувимчиков, носивших яркосиние рубашки и соломенные шляпы. Глаза у них были прикрыты, руки сложены на груди. Они возносили молитву. Стол перед ними был заставлен тарелками со свиными ребрышками и мисками, полными картофельного пюре с коричневыми кусочками кожуры, темнеющими среди белой крахмалистой массы.

Аркли с трудом втиснул себя в кабинку и накинудся на еду. Мысль об этом жирном, маслянистом цыпленке, которого Аркли перемалывал зубами, заставила Лору отвести глаза. Она принялась изучать женщину в огромной трикотажной рубашке с нарисованным спереди воющим волком. Та запихивала себе в рот красное желе. Кэкстон лишь прикрыла глаза и попробовала дышать ровно.

— Они пьют кровь, как мы едим пищу, — сказала она.

Разговор помогал игнорировать поглощаемую вокруг еду.

— Вы говорили, чем они старше, тем больше им нужно. Вроде того, как было в лодке у Лэrsa.

Аркли кивнул.

— Малверн надо искупаться в крови, чтобы восстановиться. Это потребует полдюжины смертей, и каждую ночь ей будет требоваться такое же количество крови. И каждую последующую ночь тоже.

— Боже, — сказала Кэкстон.

Мужчина-амиш кинул на нее через проход мерзкий взгляд за то, что она помянула имя Господа всуе. Она едва не показала ему средний палец.

— Им всегда требуется еще больше? Но ведь через какое-то время должно наступить насыщение и количество нужной для их восстановления крови должно уменьшиться, так ведь? Иначе во всем мире не хватит крови.

— Ты никогда прежде не видела зла, правда? — спросил Аркли.

— Настоящего зла?

Она немного подумала. Ужасы в охотничьем домике все еще стояли у нее перед глазами. До сих пор. Раньше она видела убийц, убийц-людей, и им не удавалось настолько запугать ее. Они были больными людьми, печальными маленькими человечками, у которых не хватило воображения решить свои проблемы любым из ненасильственных способов. Но это не делало их злыми. Это делало их больными, но уж, конечно, не злыми.

— Не уверена, что зло существует в том смысле, как вы говорите.

Она положила обе руки на столешницу и оперлась о край, откинувшись назад.

— Я хочу сказать, в нашей жизни существует моральный аспект, и если вы осознаете,

что делаете что-то неправильное...

— Зло, — перебил Аркли, — никогда не удовлетворяется. У зла нет конца, нет дна. — Он громко сглотнул. — Если его не остановить, оно пожрет весь мир. Вампиры противны природе. Они мертвые существа, которые восстали и притворяются, будто живут, и это им дорого обходится. Вселенная ненавидит их даже больше, чем вакуум.

Лора кивнула, хотя не все поняла. Но она чувствовала, как истово верит в это Аркли. Как сильно он нуждается в поддержке, чтобы уничтожить оставшихся вампиров. И еще она чувствовала, будто где-то внутри ее начинает жить нечто похожее на эту жажду. Ей хотелось закрыть оставшиеся гробы. Ей хотелось уничтожить вампиров. Она не была уверена, прекратится ли когда-нибудь эта жажда, если она с головой погрузится в это дело. Насколько она поняла, это было именно тем, что происходило с Аркли. Он жаждал убивать вампиров точно так же, как вампиры жаждали его крови.

— Не правда ли, знать про них слишком много — опасно? — спросила она. — Вы сами стали превращаться во что-то, противное природе?

Она оглядела нормальных, здоровых, счастливых людей, которые всего-навсего ели свой ланч.

Они не были монстрами. Они не были отвратительными. Они не были ни хорошими, ни плохими. Они просто были нормальными.

— Зачем вы привели меня сюда? — спросила она. — Ни один из подозреваемых не живет так далеко на западе.

— Я хочу, чтобы ты встретила кое с кем, — сказал он и потянулся к счету.

16

Дорога вела их вокруг горы и вниз, на другую сторону, потом свернула, повторяя извилины ручья. Солнце катилось вслед за ними, прыгая по поверхности воды. Оно постоянно лезло Кэкстон в глаза, и в конце концов ей пришлось надеть солнечные очки, толку от которых было не много.

Потом Аркли свернул еще раз, чтобы перевезти их через деревянный мост со сквозными фермами и крытым верхом. И хотя они ехали со скоростью всего лишь десять миль в час, мост загрохотал и зашатался под ними. По ту сторону долины стала золотисто-коричневой, травянистые пастбища сменились кукурузными полями, которые тянулись вдоль дороги рыжим пунктиром. Они миновали старые лачуги, развалившиеся под напором дождя и ветра, деревянная обшивка была покрыта гнилью. Она увидела алюминиевую силосную башню, в которую много лет назад угодила молния, куполообразную крышу сорвало, словно открыло огромным консервным ножом.

Шоссе превратилось в узкую грунтовую одноколейку, но Кэкстон не беспокоилась насчет встречного транспорта. Было что-то древнее и спокойное в этой долине, через которую они ехали. В кукурузе обитало воронье, огромные черные птицы, которые поочередно взлетали в воздух, высматривая, нет ли опасности. Тут водились змеи, но людей не было нигде.

— Вы уверены, что вашего приятеля занесло сюда? — спросила Лора. — На вид тут довольно пустынно.

— Именно это ему здесь и нравится.

На развилке Аркли свернул направо. Через несколько минут дорога практически полностью исчезла, вместо нее остались две узкие колеи на полоске травы между двумя кукурузными полями. Машина дернулась, подпрыгнула, Кэкстон здорово потрянуло, и Аркли наконец остановился посреди облака пыли. Кэкстон вышла и огляделась, потирая руки от холода.

Вокруг них стояли здания, старые-престарые здания фермы. Двухэтажный дом, белый, с вычурными украшениями. Амбар с распахнутым сеновалом. Силосная башня, собранная из металлических пластин, судя по виду сильно протекавшая. Солнечные лучи пронизывали ее

насквозь, косо ложась на стену дома.

Черно-белый шестиугольный знак висел на передней двери дома, расписанный сложными и тонкими геометрическими узорами, которых ей раньше не доводилось встречать, а ведь Кэкстон за свою жизнь повидала их немало. Обычно они выглядели ярко и затейливо. Этот же казался колючим и злым. Ей захотелось остаться снаружи. В одном из окон Лора заметила вспышку света и маленькую светловолосую девочку, смотревшую на нее. Девочка задернула штору и пропала.

— Ури! — крикнул Аркли.

Наверное, он звал своего приятеля.

— Ури Полдер!

— Здесь я, здесь, — отозвался кто-то из-за двери амбара.

Голос был очень тихим, будто слышался издалека. Человек говорил с акцентом, которого Лора не слышала с детства. Они обогнули дверь и вошли в амбар, и Кэкстон сняла солнечные очки, чтобы глаза привыкли к темноте.

Она сама не знала, что собиралась увидеть внутри. Наверное, коров, гусей или лошадей. Вместо этого амбар использовался в качестве сушильни для шкур каких-то животных, висевших там практически в полной темноте. Они были развешаны на вешалках, расположенных на уровне ее плеча, на одинаковом расстоянии друг от друга. По форме и размеру все они были разные, но такого светлого оттенка, что почти светились в темноте амбара. Кэкстон потянулась к одной из них, чтобы узнать ее текстуру. Но не успела она дотронуться, как по поверхности прошла тень, вернее, пять маленьких овальных теней, словно кончики пальцев, прижавшиеся к коже изнутри. Лора ахнула и отдернула руку. Если бы она дотронулась, поняла Кэкстон, она почувствовала бы руку, прижавшуюся к ее руке, хотя за шкурой не было никого, как не было никого и поблизости.

— Что это? — изумилась она.

Аркли нахмурился.

— Телеплазма, — ответил он ей.

Что это значит, она не знала.

— Вперед, иди вперед, — велел он ей.

Лора покачала головой.

— Хватит с меня всякого странного дерьма.

Но лицо Аркли не изменилось. Он прождал бы и целый день, пока она не пройдет внутрь амбара.

Кэкстон миновала вешалки и оказалась в темноте. Внутри была крошечная тьма. Лора медленно продвигалась практически в абсолютной темноте, единственным источником света было мерцание шкур на противоположном конце. Оно притягивало ее взгляд, ибо больше тут смотреть было не на что. Лора даже не видела своих рук с растопыренными пальцами, вытянутых вперед, по направлению к дальней стене амбара, зато различала каждый разрыв, складку или пятно на шкурах. Казалось, они мерцают или же просто слегка шевелятся на сквозняке. В них была такая призрачная глубина, словно они были окнами в какое-то залитое луной место. Лора чувствовала, что может посмотреть сквозь их шероховатую поверхность, на которой, как ей казалось, в такт дыханию возникали и исчезали лица. Единственное, что не менялось в них, так это их цвет, хотя Лоре порой казалось, будто боковым зрением она изредка ловит цветной блик, красноватый оттенок, вроде как пятно крови, блекнущее на глазах.

Лора шла осторожно, чтобы не дотрагиваться до кож. Ей хватило и первого прикосновения к призрачным пальцам.

Она была уже на дальнем конце амбара — по крайней мере, так ей казалось, когда ряды кож внезапно кончились, и за ними была абсолютная темнота. Вдруг что-то словно бы коснулось ее волос. Лора обернулась и услышала, как еле слышный голос шепчет ее имя. Или ей это пригрезилось? Но она еще не успела ничего понять, как голос пропал, и тишина в амбаре была столь полной, столь очевидной, что казалось невозможным, чтобы ей что-то

померещилось.

— Аркли! — крикнула она. — Что на этот раз ты со мной делаешь?

Ответа не последовало. Она обернулась и увидела, что двери амбара у нее за спиной закрыты. Она была заперта внутри с этими шкурами, телеплазмой, или как ее там, и ей захотелось кричать, звать на помощь или же просто кричать, кричать ради самого крика...

— Лора, — сказал кто-то, и на этот раз это было не просто у нее в голове. А голос был такой знакомый, такой невероятный. Голос ее отца.

Он стоял там. У нее за спиной. Одна из шкур поднялась над вешалками, колыхнулась и сложилась в подобие человеческой фигуры. У нее был голос отца, его глаза. Она была закована в цепи, которые зазвенели, когда он заскользил к ней, цепи, которые тряслись и волочились по полу амбара, сдерживая его, отдергивая назад. Лора вытянула руку, не то затем, чтобы прикоснуться, не то, чтобы оттолкнуть его, она сама не знала. Он умер так давно. Она знала, он не настоящий. Или настоящий? Или же это какая-то часть его, оставшаяся после того, как сгнила его плоть?

Его запах, запах его шампуня и лосьона «Олд спайс», наполнил воздух вокруг нее. Температура в амбаре упала градусов на двадцать в течение нескольких секунд. Он был рядом с ней, так близко, что она чувствовала шероховатость его ладоней. Она чувствовала волоски на тыльной стороне его кистей, хотя он еще не дотронулся до нее. Лора так скучала по нему. Она думала о нем каждый день, даже тогда, когда прошлой ночью вампир поднял ее в воздух. С тех пор как он умер, все было нехорошо, все было неправильно, и даже когда она встретила Диану, это не исцелило ее ран.

— Папка, — выдохнула она, шагнув в его объятия.

И тут свет вспыхнул, и осталась только шкура какого-то животного, свисавшая с деревянной палки.

— Да, ты прав, — сказал кто-то.

Совершенно человеческий, совершенно живой голос. Между вешалками стоял мужчина с бейсболкой «Катерпиллар» на голове, с бакенбардами, сходящимися под его подбородком. У него был мягкий и глубокий взгляд. Она смотрела прямо на нее. Голос был типичным для «пенсильванского бойца», вплоть до сглатывания, прочищающего горло, которое он использовал как озвученный знак пунктуации.

— Да, ты прав, Аркли. Они к ней тянутся, гм. Она — приманка для призраков.

— Я не призраками интересуюсь, — ответил Аркли.

Он стоял не более чем в десяти шагах от нее. Другой человек — Ури Полдер, сообразила она — обошел одну из шкур и остановился перед ней. Он был достаточно высок, чтобы заглянуть ей в лицо, и попытался встретиться с ней взглядом. Впрочем, она отвела глаза, как, вероятно, поступали большинство людей, встречавшихся с ним. У него не было левой руки. Рукав его футболки спускался на ветку дерева, которую он носил вместо руки, отрезок ветки с серой корой, с узловатым локтем и даже тремя похожими на пальцы прутиками.

Но что едва не свело Лору с ума, так это не то, что рука была сделана из дерева, а то, что она двигалась. Ее тонкие пальцы сжались на пряжке его пояса, подтянули штаны. Ури одновременно пожал и деревянным, и нормальным плечами.

— Нужно, гм, отвести ее в дом. Веста все сделает.

— Да, хорошо, — ответил Аркли.

Выглядел он встревоженным.

Кэкстон отерла глаза руками.

— Отец... Это был призрак моего отца. Вы показали мне призрак моего отца, просто чтобы... чтобы... — Она замолчала. — Что за хрень такая, эта телеплазма?

— Обычно люди говорят «эктоплазма», что, в сущности, одно и то же. Но вы, должно быть, уже догадались, — ответил ей Полдер. — Это шкура призрака.

— И как же вы их свежуете? — задала она вопрос.

— Ну, значит, — он застенчиво улыбнулся, — во всяком случае, не так, чтобы

призракам это понравилось, гм.

17

В амбаре было холодно. Снаружи — не по-осеннему зябко, но в амбаре стояла настоящая зима. Двое мужчин повернули к открытой амбарной двери, но Лора словно приросла к месту. Кэкстон чувствовала, как злость кипит и плещется у нее внутри.

— Стойте, — потребовала она, и, что удивительно, эти двое остановились. — Там был мой отец. У вас на вешалке болтается призрак моего отца.

Она понятия не имела, как это произошло и почему именно призрак ее отца оказался в этом амбаре, но она и с места не сдвинется, пока не поймет, в чем тут дело.

— Ну, значит, они, призраки, гм, пошутить любят. — Полдер деревянной рукой почесал подбородок. — Необязательно, что так оно было и на самом деле.

Лора разъяренно покачала головой.

— Я узнала его голос. Я видела его глаза.

— Да, — ответил Аркли. — Наверное, это был он. Его призрак — или, по крайней мере, любой проказливый дух, который хотел подшутить над тобой. И он мог явиться необязательно в человеческом обличье. Но кем бы он ни был, он находится в одной из этих кож. Телеплазма — это не сами призраки. Она больше похожа на одежды, которые призраки могут взять и надеть на себя. Это субстанция, которая одновременно наполняет и этот, и иной мир, вот и все.

Лора кивнула Аркли.

— Хотя вы меня и достали, я все же могу понять, в чем тут дело. Если телеплазма реагирует исключительно на меня, это означает, что я каким-то образом открыта для психических феноменов. Я — восприимчива.

— Судя по тому, что мы только что наблюдали, вы, барышня, могли бы работать по совместительству медиумом. Прошу вас, нам нужно вернуться в дом. Ваш визит наделал немало шума в мире духов. Все те, кто слышал ваш разговор с отцом, могут прийти за вами.

Как только они вышли из сарая, Лора спросила:

— Итак, если я восприимчива к призракам, значит, я также восприимчива и к вампирам. Это объясняет, отчего тот вампир смог так легко загипнотизировать меня прошлой ночью.

Аркли подтвердил это.

— Я был удивлен, как мало ты сопротивлялась. Поэтому я привез тебя сюда, где мы можем кое-что с этим сделать.

Полдер встал возле шестиугольного знака на входной двери и помахал перед ним рукой, своей настоящей рукой. Потом большим пальцем начертил на лбу невидимый сложный знак, и напряжение ослабело. Кэкстон почувствовала: шестиугольник пропускает их внутрь.

— Ури — ведьмак. Полагаю, ты знакома с этим термином?

— Там, где я выросла, их чаще всего называли знахарями, говорят, они знакомы со всевозможной индейской магией.

Кэкстон никогда не принимала эти сказки всерьез, но, впрочем, в вампиров она тоже раньше не верила. После приключений прошлой ночью она немного избавилась от скептицизма.

Они двинулись в глубь дома, где их ждала какая-то женщина. На ней было длинное черное платье с узким воротом под горло. Белокурые волосы ниспадали густыми кудрявыми волнами. Изящные белые пальцы были унизаны дюжиной одинаковых золотых колец.

— Давно не виделись, Веста, — поприветствовал ее Аркли и чмокнул в щеку.

Женщина неотрывно смотрела на Кэкстон.

— Я поставила воду для чая. Дарджилинг, как ты любишь, — сказала она. — С сахаром, без меда и капельку молока. Прошу, не удивляйся, Лора Бэт Кэкстон. Я уже знаю о тебе массу всего. И собираюсь узнать еще больше.

Кэкстон даже не успела рта открыть. Она повернула голову, ибо краем глаза заметила желтое пятно. Это была девочка, которую она видела в окне, но та, как и прежде, стремительно исчезла.

— А теперь вы, особый представитель. Вам бы следовало быть добрее к этой девушке. Она многим рискует, помогая вам в вашем проклятом крестовом походе.

Аркли повесил голову.

— Не хмурьтесь так. У меня есть кое-что для ног вашей супруги, вот, — сказала Веста и передала федералу пластиковый пакет, полный красноватых травянистых волокон. — Делайте компресс, пусть она прикладывает его каждый вечер, пока не почувствует улучшения.

— У вас есть жена? — изумилась Кэкстон.

— Одного вампира я убил двадцать лет назад. Другого — прошлой ночью. Должен же я был чем-то занять себя в промежутке, — отрезал он.

Аркли поблагодарил Весту за лекарство, и потом они с Ури Полдером отправились в глубь дома. Кэкстон приглашения не получила. Вместо этого Веста Полдер отвела ее в гостиную, темную, но опрятную комнату, где пылал камин и было множество тяжелой, темного дерева мебели. Шесть стульев с высокими спинками стояли у стены. Круглый стол с бархатной скатертью находился посреди гостиной, возле него горбилось набитое конским волосом кресло. Веста села в него, перекинув одну ногу через подлокотник. Кэкстон некоторое время постояла возле стола, прежде чем ей пришла в голову мысль взять один из стульев у стены и поставить его к столу напротив Весты.

На столе стояли чайник, одна-единственная чашка, резная деревянная шкатулка с китайским драконом на крышке и тонкая колода карт.

— Ты их видела раньше в кино, — сказала Веста, постукивая колодой по запястью и тасуя ее одной рукой. — Но не знаешь, как они называются. Это карты Зенера.

Она веером раскрыла несколько карт, словно открывая комбинацию в покере.

— Парапсихологи используют их, чтобы проводить тесты на экстрасенсорное восприятие. Но у них есть и другое назначение.

На одной стороне каждой карты черными жирными линиями был нарисован какой-нибудь знак: треугольник, звезда, круг, три волнистые линии или квадрат.

— А теперь, — сказала Веста, — твой инстинкт скажет мне, что ты видишь.

Она сняла колоду и подняла одну карту так, чтобы ее увидела Лора — звезду.

— Звезда, — ответила Кэкстон.

— Да, дорогая, я знаю, что там. — Веста опустила карту на стол и открыла резную шкатулку. — Я все вижу. А теперь прошу. С этого момента не произноси ничего. Не пытайся проецировать, не давай мне никаких подсказок. Просто смотри на карты.

К чаю Кэкстон даже не притронулась. Веста поднимала одну карту за другой так, чтобы Лора их видела. Спустя мгновение она опускала их на стол картинкой вниз. Время от времени она останавливалась и внимательно изучала лицо Кэкстон, словно рисуя с нее портрет. Потом тянулась к китайской шкатулке, доставала оттуда длинную коричневую сигарету и такую же длинную спичку. Она прикуривала, наполняя комнату резким вонючим дымом, пока у Кэкстон не начали слезиться глаза. Потом доставала новую карту. Это продолжалось, пока у нее не заканчивались карты; после этого Веста тасовала их, и все начиналось сначала. С каждой перетасовкой следовали новые инструкции. Кэкстон должна была не смотреть на карты. Она должна была скорее произносить про себя, чем представлять символ. Вместе с этим она должна была держать разум свободным от мыслей. Время, казалось, замедлилось или, может, остановилось. Наверное, в сигаретах было еще что-то помимо табака.

Веста собрала колоду и снова перетасовала карты.

— Хорошо. В этот раз постарайся думать о другом символе, нежели тот, который ты видишь.

Кэкстон кивнула и повиновалась. Через пять или шесть карт Веста удивила ее.

— Ты тревожишься о Диане.

Было нелегко сосредоточиться на карте перед собой, но Веста постучала по ней пальцами, и Кэкстон отвела взгляд от лица женщины.

— У нее давно нет работы.

— Ей снятся плохие сны. Кошмары — тебе пришлось разбудить ее прошлой ночью, ты испугалась, что она поранит себя. Она тоже боится, боится, что тебя убьют.

«Это делает нас парой», — подумала Кэкстон.

— Сфокусируйся на карте в своей голове, даже если видишь карту у меня в руке. Она боится будущего, мне так кажется. Боится, потому что не знает, позволишь ли ты ей остаться рядом с тобой. Хотя ты ни разу не думала о том, чтобы попросить ее уйти.

Кэкстон прикусила губу. Думая о Диане, было сложно даже разглядеть карту в руке у Весты.

— Вы и ее мысли читать можете? Она же в пятидесяти милях отсюда.

Веста вздохнула. Она положила карты и взяла из шкатулки еще одну сигарету. Это была уже пятая.

— Я вижу ту часть ее, которая существует внутри тебя.

Она разложила карты на столе.

— Безнадежно. Некоторые люди моментально схватывают технику, в то время как другим требуется дополнительная помощь. Было бы время, за несколько сеансов я смогла бы научить тебя некоторым элементарным приемам психической самозащиты. Но пока вот это должно сработать.

Она открыла свою шкатулку и вытащила оттуда медный амулет на черном шнурке.

— Носи его всегда и постарайся не вступать в зрительный контакт с теми, кто может причинить тебе вред.

Кэкстон взяла медальон у Весты и надела на шею. Амулет представлял собой туго свернутую спираль, которая могла сойти за украшение. Кэкстон порадовалась этому — она ожидала увидеть или пентаграмму, или распятие.

— Они бы тебе не помогли. Их сила требует веры, которой у тебя нет.

Кэкстон прикоснулась к холодному металлу у горла Диана. Теперь, вспомнив про Диану, она не могла остановиться.

— Дело не в том, выгнать ее или нет. Я не хочу потерять ее так, как потеряла мать.

Веста молча посмотрела на нее. Так, словно она ждала, что Кэкстон расскажет ей всю горькую, печальную историю болезни ее матери, депрессии, которая завладела ею после смерти отца, и, как итог, — самоубийство.

— Она повесилась, — сказала Кэкстон, заливаясь краской. — У себя в спальне. Сосед нашел ее, срезал веревку и попытался придать ей приличный вид. Моя мать всегда очень гордилась своей внешностью. Когда я приехала, она лежала в кровати, ее волосы были причесаны, а кто-то даже наложил ей макияж. Но они не смогли скрыть след от веревки, который горел по всей ее шее.

Веста кивнула и выдохнула облачко дыма.

— Ты боишься потерять Диану. Что ж, это естественно. Но когда придет время, ты будешь готова отпустить ее. Тебе придется. Я вижу это так же отчетливо, как волны перед твоим мысленным оком.

Последнее немного сконфузило Кэкстон — пока она не увидела карту у Весты в руках. Там были три волнистые линии.

— А теперь пошли. Найдем мальчиков.

Они встали и отправились на кухню, где Аркли и Ури сидели за огромным столом, который когда-то был дверью, положенной теперь на простые деревянные козлы. Между ними лежала кучка небольших предметов треугольной формы, почти перламутровых по цвету. Кэкстон взяла один из них и увидела, что это зуб вампира. Должно быть, убив вампира прошлой ночью, федерал щипцами вытащил у него зубы.

Ури Полдер ссыпал зубы в шелковый мешочек и завязал его тесемкой.

— Ну, гм, это отлично сойдет в качестве оплаты.

— Что вы собираетесь с ними делать? — поинтересовалась Кэкстон.

— Он нашел им кое-какое применение, — ответила Веста, подталкивая Лору к дверям. — Береги малое, накопишь многое.

Когда они отъезжали, маленькая светловолосая девочка глядела на них через окно. Кэкстон так и не встретила ее и даже не узнала, как ее зовут.

18

Лора ехала к государственному колледжу, находящемуся всего в дюжине или около того миль, просто чтобы избавиться от удушливой атмосферы обители «пенсильванских бойцов». Обрамленные деревьями улицы университетского городка были полны студентов в ярких цветастых парках и ветровках. Они гуляли парами, группами человека по четыре и больше, с рюкзаками за плечами, раскрасневшиеся от мороза, но без головных уборов. Они смеялись над шутками друг друга, они были живыми, это главное. Очень живыми, и думали они о самых простых вещах: секс, отметки, пиво. Никто из них не желал сканировать призраков или пить кровь из живой еще жертвы. А еще они были молодыми, без морщин, невинными на свой манер. Лоре было отрадно видеть их.

Она теряла все это и знала об этом. Знала, что уехала так далеко только затем, чтобы эта молодежь заставила ее осознать, какой мрачной стала ее жизнь за такой короткий период времени. Лора въехала на парковку на Университетской авеню перед большими каменными воротами, через которые был виден целиком квадрат двора. Она отстегнула ремень безопасности, но из машины не вышла.

Арки поднял глаза. С тех пор как они выехали, он все изучал свой КПК.

— Хорошие новости, — сказал он наконец. — Сотрудник отдела расследований исключил семнадцать подозреваемых. Они решили изучить в первую очередь медицинский персонал и офицеров отдела безопасности — тех, кто фактически мог находиться в физическом контакте с Малверн. Половина отсеялась.

Кэкстон кивнула. Это действительно были хорошие новости.

— Малверн. Все возвращается к Малверн. Как она очутилась тут? — спросила Лора. — Она была в Питтсбурге, когда вы нашли ее, но ведь родилась-то она не здесь, верно?

— Нет, — ответил Аркли.

Он сунул компьютер в карман пиджака.

— Вампиры много перемещаются — так они всегда оказываются на шаг впереди таких, как мы. У меня ушли годы на то, чтобы отследить ее маршрут, и я все еще не закончил. Я выяснил, что она родилась в Манчестере, в Англии, около тысяча шестьсот девяносто пятого года. Около шестидесяти пяти лет она терроризировала этот город, пока жажда крови не завела ее слишком далеко и она больше не могла подняться из своего гроба. Некоторое время она жила под присмотром другого вампира, Томаса Излинга, которого сожгли в Лидсе в тысяча семьсот восемьдесят третьем. Тело Малверн обнаружили среди имущества Излинга, и в то время все решили, что она мертва, просто мумифицировавшийся труп. Антиквариат. За тридцать пять британских фунтов ее продали виргинскому плантатору, некоему Джосае Кэрилу Чессу, который выдавал себя за специалиста в области естественной истории. У него и в самом деле была коллекция динозавров и ископаемых животных, так что агонизирующая вампириша показалась, наверное, стоящей находкой. Он даже не позаботился вырезать ей сердце. Как бы то ни было, двигаться она не могла. Несмотря на это, он должен был знать, что она в некотором роде жива. Наверное, он даже подкармливал ее — он был уверен, что она не в состоянии причинить никому вреда. Скорее всего, она держала его под властью своих чар, хотя его дневники говорят об обратном. Как минимум один раз он состоял с ней в интимной связи.

— Черт, нет! — выпалила Кэкстон, ее желудок сжался, словно резиновый мячик. Кэкстон вспомнила, что Аркли говорил о Малверн и ее нынешнем смотрителе — докторе

Хазлитте.

«Она может предложить ему намного больше, — сказал тогда Аркли, — чем только пронизывающий взгляд».

— Но она же вся... слушайте, я извиняюсь за эту скабрёзность, но она слишком суха.

— Интимные лубриканты были широко распространены на протяжении всей истории. Мне известно, что древние римляне пользовались оливковым маслом. И если вы ей позволите, если вы поведётесь на игру, она может показаться, какой захотите. Идеальной женщиной. Иллюзия длится так долго, как ей этого хочется.

Что-то в голосе Аркли встревожило ее.

— Вы видели, как она это делает? — спросила Кэкстон.

В действительности ей хотелось спросить, меняла ли Малверн свою внешность для него — и устоял ли он. Впрочем, напрямую она все же не спросила.

Он закудалтал.

— Она испробовала на мне множество трюков. Я посещал ее еженедельно два десятка лет, и все это время она пыталась переманить меня на свою сторону. До сих пор я сопротивлялся.

Он сказал это так, словно не мог гарантировать далее себе самому, что ему всегда удастся устоять.

— Ну, проехали. Чесе, конечно же, умер от кровопотери. Никто официально не предъявил Малверн обвинения. Она так и осталась лежать в своем гробу, который стоял на возвышении в гостиной как некий повод для беседы. Оглядываясь назад, теперь совершенно очевидно, что она высосала Чесса досуха, но в то время в его смерти обвинили взбунтовавшегося раба. Малверн заперли на чердаке и забыли про нее. В Гражданскую войну плантация сгорела дотла, и на какое-то время Малверн потерялась. Следующее упоминание о ней появилось, когда она оказалась во владении Питера Байрона Лэrsa, а эту историю ты знаешь.

— У Лэrsa было немало умирающих вампиров, не только Малверн.

Аркли согласился.

— Они заботятся о своих. Это почти как поклонение предкам, и одна из очень немногих вещей, которая заставляет их действовать иррационально. Первоначально я предположил, что четверо вампиров в лодке у Лэrsa были все из одного рода, что один из них сделал Лэrsa, другой — сделал того, кто сделал Лэrsa, и так далее. Я ошибался. К тому времени, как я обнаружил его, Лэрс десятилетиями искал старых вампиров. Может, он думал, что, добывая для них кровь, он делал что-то хорошее. Может, это помогало ему успокоить свою совесть, если представить, что она у него была. Я не знаю. Я самостоятельно изучал вампиров двадцать лет и все еще не понимаю их образа мыслей. Они слишком чужды нам.

Кэкстон почесала подмышку. Через ветровое стекло она смотрела на восемнадцатилетних, которые проходили мимо них в обнимку друг с другом, чтобы было теплее. Их лица были так чисты. Никто из них не знал, что принесет будущее или кем они станут.

— Все это время вы работали над одним случаем.

— Куча копов делают себе карьеру, работая только с одним случаем. Сбежавший убийца, пропавший и так и не отыскавшийся ребенок, — пожал плечами Аркли. — Ну хорошо. Подловила ты меня. Я так и не смог выкинуть из головы случай с Лэрсом. Я переехал сюда, в Пенсильванию, чтобы продолжить расследование. Я потратил годы, разыскивая людей вроде Полдера, у которых могла быть какая-то информация. И я словно ястреб следил за Малверн.

— И теперь, когда кто-нибудь звонит в ФБР и говорит, что у них убийство, совершенное вампиром, те звонят вам, — нахмурилась Кэкстон. — Тяжелая это ноша.

— Я справляюсь, — ответил ей Аркли.

Ну, как угодно. Ей нужно сосредоточиться на расследовании, а не жалеть Аркли.

— Это мое первое серьезное расследование, — сказала она ему. — Детектив из меня

никакой. Но кажется, я кое-что понимаю в том, что происходит. Лэрс поддерживал в Малверн жизнь, пока вы его не убили. Потом благодаря всем этим бюрократическим каналам ее поместили в ту больницу, «Арабелла Фернас».

— Точно.

— Она попыталась с помощью чар и болтовни выбраться оттуда, даже съела одного из докторов, но ничего хорошего из этого не вышло. Вы следите за ней, просто ждете, пока она не сделает чего-нибудь дурного, чтобы вы смогли наказать ее. Впрочем, она не может прямо так взять и сдаться. Она может жить вечно, навсегда запертая в увядшем теле-трупe, поэтому единственный выход — это планировать побег, даже если на его реализацию потребуется двадцать лет. Она получает немного крови, но недостаточно, чтобы насытиться. Ей нужно больше сил, поэтому она создает трех вампиров.

— Скорее всего, она создала только одного, а он — еще двух, так для нее меньше риска.

Кэкстон прищелкнула языком.

— Тогда — почему трое? И зачем они проносят для нее кровь? Один вампир может выкрасть ее, гроб и все прочее и спрятать так, что мы ее никогда не найдем. Тогда он сможет возродить ее так скоро, как ему вздумается.

— Ее тело слишком хрупко, чтобы таскать его туда-сюда. Если она развалится пополам, у него может не хватить сил собрать все вместе. Ей нужно выйти из «Арабеллы» на своих двоих.

Кэкстон мысленно добавила эту информацию к своей копилке фактов.

— Ну ладно. Итак, генеральный план — это проносить ей кровь так, как обычно это делал Лэрс. Но в этот раз большого количества крови хватит, чтобы исцелить ее. Чтобы осуществить это, она создает вампира. Он уходит в леса, захватывает охотничий домик Фаррела Мортонa и превращает его в свою операционную базу. Он создает нескольких немертвых, чтобы были дополнительные руки, и еще двух вампиров. Месяцами они держатся в тени, поедая рабочих-мигрантов, не высываясь. Тянут время. Но зачем? Почему они не попытались до сих пор освободить Малверн? Становятся ли вампиры со временем сильнее?

— Нет, сильнее всего они в самую первую ночь своей охоты.

Кэкстон кивнула.

— Итак, чем дольше они ждут, тем слабее становятся и тем с большим риском существуют. С риском, что кто-то набредет на охотничий домик и заметит, что тот превратился в мавзолей. Что, в сущности, и произошло. Если бы тот немертвый не напоролся на мою проверку на трезвость, мы бы не узнали, что там происходит. Явился Фаррел Мортон с детьми в надежде провести выходные в лесу. Вместо этого оказался в логове чудовищ. Вампиры так боялись быть обнаруженными, что отправили немертвого выбросить тела где-нибудь подальше, чтобы выглядело так, будто Мортон никогда и не был в домике. К чему отправляться в такую даль? Когда это не получилось, им пришлось бросить дом так быстро, что они даже гробы в нем оставили. Должно быть, они сейчас в отчаянии.

Аркли кивнул.

— В таком отчаянии, что могут атаковать лечебницу?

— Еще нет, план Малверн не готов к исполнению. Она может быть изумительно терпеливой скотиной, когда ей это выгодно. И все же возможность она не упустит. Она придумает запасной план и реализует его как можно скорее. Я не жду, что нападение произойдет прямо сейчас. Мне кажется, я знаю, почему эта троица тянет время.

— Ну?

— Логика проста Малверн требуется определенное количество крови. Три вампира не могут принести ей достаточного количества, чтобы она исцелилась. А четверо — смогут. Они собирались сделать еще одного вампира.

— Господи. Но теперь... их снова двое. Половина от необходимого числа. Это уже что-то, так? Это хорошо.

Аркли волком посмотрел на нее.

— Это дает нам немного времени, вот и все.

Кэкстон глянула наверх. Пока они сидели тут и болтали, день практически угас. Полоса желтого света прочертила западный горизонт — солнце садилось. Минут через пятнадцать станет совсем темно.

— Так или иначе, — сказала она, — но этой ночью погибнут люди.

Аркли не потрудился подтвердить это. Он был слишком занят, вытаскивая КПК, который зажужжал у него в кармане пиджака. Когда и у нее зазвонил сотовый, Лора уже знала: что-то случилось. Что-то нехорошее.

19

Кэкстон ехала быстро, но осторожно. Синяя мигалка на приборной панели мешала ей видеть в темноте, но она уже привыкла к этому. Когда они прибыли в охотничий домик Фаррела Мортонa, она выключила мигалку и фары и въехала во двор в полной темноте. Нечего изображать собой мишень.

Часом раньше, в сумерках, патрульные, дежурившие у охотничьего домика, не вышли на связь по расписанию. Это были хорошие парни с многолетним опытом совместной работы, они просто забыли позвонить в штаб. Местный полицейский вызвал диспетчера подразделения «Джей» и доложил ему, что отправляется посмотреть, в чем дело. Он решил, что у патрульных неисправна рация. Через двадцать минут он перезвонил, сообщив, что патрульных нигде нет. Он собирался осмотреть прилегающие леса и выяснить все, что сможет. С тех пор он не звонил, его сотовый не отвечал, а через некоторое время переключился на голосовую почту.

Шериф отправил двоих сотрудников. Ланкастерское подразделение «Джей» выслало все свободные машины. Кэкстон и Аркли не пришлось ждать, чтобы выяснить дальнейшее. Они были ближе всех к лагерю, и Аркли, похоже, был этому рад.

— Вы разве что не улыбаетесь, — заметила Лора, вынимая ключи из замка зажигания. — Надеетесь, все это окажется простым недоразумением и все окажутся живыми-здоровы?

— Нет, ответил он ей. — Я надеюсь, это именно то, чем кажется. Я надеюсь, нынче ночью мы получим второго вампира. Впрочем, я в этом не уверен. Они не идиоты.

Кэкстон открыла багажник патрульной машины. Достала полицейский дробовик «ремингтон-870» и перекинула его через плечо. Это было ружье с укороченным стволом и без приклада, чтобы легче было носить, и с воронением, чтобы не блестело в слабом свете. Против вампиров он был бесполезен — относительно небольшой дробовик номер один был предназначен, чтобы уложить на месте человека, но шкуру вампира ему даже не пробить. Против мертвых он может быть более эффективным.

— Никто не ждал, что они сюда вернутся, — сказала Лора, как можно тише закрывая багажник. — В этом все дело, так? Возвращаться сюда вампирам было слишком опасно. Они знали, что мы будем следить за этим местом. Они бросили свои гробы и не собирались за ними возвращаться. Вот что вы мне говорили.

— Ты хочешь обвинить меня, — поинтересовался он, — когда мы даже еще не знаем, что произошло?

Кэкстон передернула затвор, досылая патрон в патронник. Другой рукой расстегнула кобуру пистолета.

— Пойдете вперед? — спросила она.

— С такой огневой поддержкой за спиной? Ни за что, ты мне при виде малейшей опасности полкорпуса отстрелишь. Иди вперед, я тебя прикрою.

Дом был тих, только один-единственный огонек горел на углу здания. От этого тени становились гуще. Лора обошла кухонную пристройку, пригнувшись. Ствол дробовика был направлен вверх. Она подобралась к раскрытому окну и решила рискнуть. Она включила фонарь, прикрепленный к стволу дробовика, и остановилась, чтобы убедиться, что Аркли прикрывает ее с тыла. Конечно же, он ее прикрывал. Может, она и не слишком ему

нравилась, но копом он был опытным. Кэкстон направила свой фонарь в глубь дома. Никто оттуда не выпрыгнул, поэтому она быстро все оглядела, водя фонарем от одной стены к другой, как ее и учили.

Она увидела то, что и ожидала. Кухонная плита. Холодильник. Груды костей. Немертвый мог скрываться в любом месте комнаты, в тени, там, куда не доставал свет фонаря. Впрочем, никакого шевеления она не заметила. С Аркли за спиной, Лора обошла дом кругом.

Когда она добралась до задней стороны дома, возле ручья, из-за деревьев раздался резкий хохот, обдав холодом ее спину. Она застыла на месте, приняв стрелковую стойку, вглядываясь в темноту вокруг. Свет от фонаря выхватывал деревья на том берегу ручья, пока не остановился на источнике звука. На одном из деревьев висел немертвый. Нет, не висел. Он был прикручен к дереву упаковочной проволокой и был надежно привязан за руки и за ноги.

Ей немедленно вспомнились мертвецы, зафиксированные в сидячих позах в гостиной охотничьего домика.

— Стой, мать твою! — взвизгнула она.

Тварь захохотала снова. Этот смех бесил ее. Он прилипал к коже, заставляя чувствовать себя грязной, будто кожа покрывалась нечистотами и холодным потом.

— О, я обещаю! — сказала тварь.

Этот голос был вовсе не похож на человеческий, но и на вампирский тоже. Он был скрипучим, мерзким и тонким.

Аркли появился слева от нее, его пистолет был направлен в небо. Он смотрел не на Кэкстон, а только на немертвого.

— У меня для тебя послание, но я скажу, только если будешь паинькой, — прогоготал немертвый.

Прежде чем она успела ответить, Аркли выстрелил ему в грудь. Ребра и жилистая плоть, сдерживавшая их, треснули и рассыпались. Обломки костей, вращаясь, отлетели от дерева. Немертвый вскрикнул, и этот звук был странно похож на его смех.

— Отвечай, или я отстрелю тебе ступни, — крикнул Аркли.

— Мой хозяин ждет тебя, и он тебе совсем не понравится! — ликующе завопил немертвый. — Он говорит, тебя ждет смерть!

— Говори свое чертово послание! — прорычала Кэкстон.

Немертвый затрясся, застучал костями по проволоке. И, словно простое движение стоило ему невероятных усилий, поднял руку и указал костлявым пальцем за ручей, в глубь леса.

— Где он? — потребовал ответа Аркли. — Говори, где он! Где?

Немертвый все еще трясся, но теперь уже конвульсивно, разрывая себя на куски. Неожиданно голова его сорвалась вниз и разбилась о землю. Было ясно, что никаких ответов от него они больше не получат.

Рука его по-прежнему указывала в непроглядные леса. Кэкстон уставилась на вытянутый палец немертвого.

— Это ловушка.

— Да, — ответил ей Аркли.

Потом он шумно пересек ручей, оказавшись среди деревьев. Лора торопливо бросилась догонять его, чтобы снова возглавить поход. Ее ботинки с хлюпаньем погрузились в ручей, и ледяная вода промочила носки. На том берегу она бросилась во тьму, свет фонаря дробился о деревья, прыгая по стволам и веткам, рыская у корней.

Когда стало понятно, что мгновенная смерть их не ждет, Лора решила, что может позволить себе задать несколько вопросов.

— А что, если нам поберечься? — спросила она. — Сесть в машину, пристегнуть ремни и вынуть обоймы?

Аркли повернулся, чтобы взглянуть на нее практически в полной темноте.

— Так, мы знаем, что мы в опасности. Если же мы вернемся в машину, они могут

прыгнуть на нас без предупреждения. Когда знаешь, что враг приготовил тебе западню, единственный способ действия — это броситься вперед. В надежде, что ты успеешь выскочить из западни прежде, чем твой враг полностью подготовится.

Каждый второй раз ей казалось, будто он говорит подобные вещи лишь для того, чтобы показать, что он прав, а она — ошибается. Лора потащила за ним в темноту.

Чтобы найти двух патрульных и местного полицейского, много времени не понадобилось. Они были прикручены к деревьям точно так же, как мертвый. Их тела были разворочены и изломаны. Они погибли в страшных мучениях.

— Вампир, — выдохнула Кэкстон.

— Нет. — Аркли схватился за ствол ее дробовика и толкнул его, смещая фонарь так, чтобы тот светил прямо в лицо мертвому полицейскому. Кровь текла из его разбитого носа, кровь, она лилась из еще неостывшего тела.

— Ни один вампир не оставил бы такой труп. Они не стали бы расплескивать кровь по земле ни за что, если у них есть время вылакать ее.

— Лэрс залил кровью все вокруг. Я читала ваш рапорт.

— Лэрс был в отчаянии и торопился. А этот вампир может позволить себе не спешить. Мы даже не знаем, как его зовут.

Он отпустил ее ружье.

— Мы теряем время.

Лора развернулась, отступая.

Аркли покачал головой.

— Я не говорил, что мы здесь закончили.

Кэкстон обернулась и тут увидела — холмик земли между двумя деревьями поднялся и откинулся в сторону. Костяная рука вылезла наружу и сжала воздух. Лора повернулась еще раз и увидела мертвого, идущего на нее из-за деревьев с мясницким ножом в каждой руке. Она подняла дробовик и выстрелила.

Тело мертвого взорвалось фонтаном праха и пыли, кости разлетелись на куски, мягкие ткани, как мячики, отскакивали от деревьев. Ножи блеснули, вылетая вперед, и одновременно упали на землю.

— Иисусе! — воскликнула Лора.

Тварь просто-напросто... лопнула, ее тело буквально разорвало вольфрамовой дробью.

— Они удивительно быстро гниют. Через неделю или дней десять душа в теле почти не остается, — объяснил Аркли.

Новый мертвый вылез у его локтя, и он ударом пистолета снес ему челюсть, а потом выстрелил одной из своих крестовых пуль в его левую глазницу.

Внезапно их оказались дюжины, хрипящих в темноте, бегущих между деревьев, их оружие блестело в лунном свете, сверкало в луче Лориного фонаря.

Подкрепление было уже в пути. Шериф выслал две машины. Лоре захотелось вцепиться в сотовый телефон и дознаться, когда же они наконец приедут, но это означало, что нужно убрать одну руку с дробовика. А делать этого было никак нельзя.

Что-то острое вонзилось ей в лодыжку над самым ботинком. Лора закричала и пинком отбросила освежеванную руку, которая пыталась схватить ее. Кости пальцев отлетели при соприкосновении с ботинком, но мертвый у нее под ногами попытался вылезти из-под земли. Лора поборола искушение выстрелить вниз, что наверняка лишило бы ее ног. Вместо этого она дождалась, когда скальп мертвого покажется из-под земли, и треснула по нему ногой.

— Берегись! — завопила Кэкстон. — Они лезут из-под земли!

— У нас пуль не хватит, — мрачно ответил из темноты Аркли.

Кэкстон прижалась спиной к дереву и передернула затвор.

Где же, черт возьми, подкрепление?

— У кого-нибудь из них есть стволы? — спросила она, цепenea.

— Маловероятно, — ответил ей Аркли. — У них недостаточно координации, чтобы стрелять прямо. Впрочем, оружие у них есть. Ни разу не видел ни одного ублюдка, у кого не было бы хоть какого-нибудь ножичка.

— Думаю, нам пора двигаться к дому, — предложила Кэкстон, изо всех сил стараясь сдерживать страх в голосе.

Ей захотелось кричать, звать на помощь, но от этого никому лучше не стало бы.

— Давайте, по крайней мере, убираться от этих деревьев.

Немертвые уже окружали их. Они медлили, не начиная атаку, и Кэкстон догадывалась почему. Нападавшие хотели кинуться на них толпой: один на один они даже не смогли бы подойти, но, если бы толпа атаковала одновременно, и Кэкстон, и федерала схватили бы, они были бы не в состоянии стрелять достаточно быстро, чтобы удержать размахивавших ножами монстров в отдалении.

Аркли поднял свой пистолет и выстрелил. Немертвый, которого Лора еще даже не заметила, рассыпался в воздухе.

— Мы не можем себе позволить проиграть им, перегнув палку. Впрочем, согласен, тут мы неоправданно рискуем.

Он повернулся в сторону ручья, который бежал между ними и домом. Из-за дерева вышел немертвый, и Аркли треснул его свободной рукой так, что тот рухнул на усыпанную листьями землю. Следовавшая по пятам Кэкстон пнула его ногой.

— Иди за мной, — прошипел ей Аркли. — Если мы их и не отпугнем, то, может, хоть что-нибудь выясним нынче ночью.

Почти весь путь до воды они проделали беспрепятственно. У ручья их ждали пятеро немертвых, практически незаметных в темноте. Завидев летящий к ней топорик, Кэкстон увернулась как раз вовремя, и оружие пролетело, зацепив рукав ее куртки. Если бы рефлексy не сработали в нужный момент, топор воткнулся бы ей в грудь. Она выкинула эту мысль из головы и подняла дробовик. Выстрел полностью уничтожил одного из немертвых и оторвал руку другому. Аркли выстрелил дважды, поочередно, и двое немертвых рухнули в воду, превратившись в груды старых костей.

Оставался только один, который еще был невредим. Обеими руками держа над головой лопату, он набросился на них в тот момент, когда они приходили в себя после выстрелов. Он яростно взвыл, сокращая дистанцию, а потом с силой опустил лопату лезвием вперед, прямо на плечо Кэкстон.

Она почувствовала удар, сначала боль дернулась вверх и вниз по руке, отдаваясь в груди. Впрочем, на этом дело не кончилось — Лора почувствовала, как металл слой за слоем рвет одежду и наконец глубоко вонзается в кожу. Струйки крови покатились у нее между грудей и вдоль по позвоночнику. Плоть растягивалась и рвалась, мышцы взвыли от ужаса, когда штык лопаты добрался до них. Лора чувствовала, что сейчас умрет, что ее тело разрывают на части.

Аркли помедлил, прицеливаясь с идеальной точностью, и отстрелил немертвому лицо.

— Поднимайся, — велел он Лоре.

— Не хочу вас пугать, — ответила она, задыхаясь, отталкиваясь от ствола дерева и поднимаясь на ноги, — но, кажется, я ранена.

Она даже не заметила, что упала. Рана болела, болела сильно, и, когда Лора наконец встала и ухватила за порванный рукав куртки, ее всю колотило.

— Кажется... кажется, все плохо.

— Ты в порядке, — сказал ей Аркли, даже не взглянув на ее рану.

Он смотрел вверх и назад, туда, откуда они пришли. Там, за деревьями, собирались вместе немертвые. Через минуту они покажутся и всей толпой набросятся прямо на них.

— Уходим, — бросил Аркли.

Лора подумала, что, наверное, умрет здесь, в этой темной дыре, потому что Аркли не

принял ее всерьез. Еще она подумала, что, наверное, больше никогда не увидит Диану. Она пошла за ним, ноги были словно куски мороженого мяса, когда Аркли бросился через ручей. Дыхание участилось, но стало неровным, и Лора слышала, как сердце в груди бухает громче, чем ботинки по воде.

— Я не могу... не могу больше идти, — простонала Лора.

От боли голова шла кругом.

Аркли обернулся и посмотрел на нее, глаза у него превратились в узенькие щелочки. Времени на остановки у них не было, и Лора это знала. Она задерживала его. Аркли посмотрел на нее в упор и сказал:

— Сейчас я спрошу тебя, в порядке ли ты. Твой ответ крайне важен. Если ты можешь сражаться или хотя бы продолжать бежать, ты должна сказать «да». В противном случае нам придется отступить и дать им выиграть этот раунд. Итак. Ты в порядке?

Как бы то ни было, ком в горле помешал ей ответить. Ей удалось покачать головой. Нет, она была не в порядке. Ей было больно, она была ранена лопатой. Она истекала кровью во тьме, окруженная со всех сторон врагами. Она вовсе не была в порядке.

Выражение его лица сменилась миной крайнего недовольства. Беспокоился он о ней или о проигранном сражении, она не могла сказать.

— Тогда убираемся отсюда к черту, — сказал он, подталкивая ее вперед.

Лора бросилась на противоположный берег, к надежной твердости охотничьего домика. Прижав здоровое плечо к стене, она потянулась, чтобы осмотреть рану.

— Сделаешь это позже, когда будешь в безопасности, — велел Аркли очень громко. Он рванул ее за руки и оттащил от стены.

Открыв входную дверь, он втолкнул Лору внутрь. Запер дверь и обернулся кругом, осматривая мрачную картину гостиной с трупами, связанными проволокой в таких позах, чтобы они казались живыми. Он еще даже не включил свет, а ствол 23-го «глока» обвел помещение слева направо.

Снаружи немертвые пронзительно вопили, мечтая выпустить из них кровь. И где же, черт возьми, шериф? Где машины подразделения «Джей»? Кэкстон стала оседать — она чувствовала себя неуверенно, словно вот-вот потеряет сознание, но Аркли кинул на нее сердитый взгляд, и она снова поднялась. Оба развернулись, когда из кухни раздался шум, — кто-то пытался пробраться внутрь.

— Там открытое окно, — сказала Лора.

То самое окно, через которое она заглядывала, когда они прибыли на место.

Аркли бросился в кухонную пристройку и выстрелил дважды. Потом хлопнул рамами, закрывая окно, и закрепил его шпингалетами.

— Надолго это их не удержит, — крикнул он.

Снаружи, на крыльце, немертвые принялись колотить в стены дома, требуя, чтобы их впустили. Их голоса приказывали ей подчиниться. Один из них выкрикнул ее имя, и она взвизгнула, но, заткнув уши руками, медленно обрела самообладание. Когда Аркли вернулся в гостиную, она указала на дальнейшее крыло, где находились спальни. Там было только одно окно — квадратное отверстие высоко в стене, которое впускало несколько случайных лучей лунного света.

— Если мы пойдем туда, то там и останемся, — сказал он. — Мы можем забаррикадировать дверь, но и это их ненадолго задержит. Может, даже совсем ненадолго.

Он глянул вверх и указал на стеклянный люк в покатой крыше, примерно в десяти футах над землей. От задвижки свисал обрывок белого шпагата, вероятно для того, чтобы можно было проветривать теплыми вечерами. Аркли сунул кресло под люк и взобрался наверх, чтобы схватить веревку. Он дернул вниз, и стеклянный люк раскрылся.

— Нормально. Полезай наверх, — велел он ей.

— Я не могу. — Придерживая раненое плечо, она покачала головой. — Я не могу залезть туда, не таким способом.

Аркли секунду изучал ее лицо. Потом схватил больную руку за запястье и выкрутил

так, что Лоре волей-неволей пришлось сделать пируэт.

Черные пятна вспыхнули у нее перед глазами. Мозг содрогнулся от боли.

Но Аркли, кажется, это не казалось такой бедой.

— Если бы что-нибудь было сломано, ты бы уже давно отключилась. А теперь полезай. Я тебе помогу, чем сумею.

Она не хотела. Ей не хотелось ничего, кроме как залезть в карету «скорой помощи» и быть накачанной анестетиками. Она взобралась на стул и потянулась наверх. Она почти достала до края люка, но не совсем.

— Схватись за веревку, — посоветовал Аркли.

— А она мой вес выдержит? — поинтересовалась Лора.

— Есть только один способ выяснить это. А ну, быстро!

Прикусив нижнюю губу, Лора обернула конец веревки вокруг кулака. Потом подпрыгнула и схватилась за раму. Тонкий металл впился ей в ладонь, оставляя новый порез, но Лоре удалось удержаться. Веревка сильно врезалась в другую руку. Лора чувствовала, как она тянется под ее весом, но одну секунду она выдержит. Аркли снизу сильно подтолкнул ее, и внезапно она оказалась снаружи, на воздухе, в холоде и темноте. Несколько звезд сияли, освещая крытую кровельной плиткой крышу. Она казалась настолько крутой, что если не держаться за люк, то можно было упасть. Впрочем, ей нужно было помочь Аркли взобраться. Повернувшись и расставив ноги, она протянула здоровую руку и вытащила его на крышу. Он был намного тяжелее, чем она ожидала. Забираясь наверх, он прихватил веревку с собой. Плотно захлопнул люк. Если среди мертвых не найдется один футов семи роста, тогда им никак не вылезти вслед за Аркли на крышу. Тут было безопасно — более или менее.

На дворе внизу мертвые собрались перед фасадом дома. Их рваные лица казались при свете луны белыми и жуткими.

— Слезай вниз, — прокричал один из них, его мерзкий голос выводил Лору из себя. — Слезай, поговорим, — предложил он. — Мы просто хотим узнать тебя немного лучше, Лора.

Она вскинула обрез, но потом передумала. На расстоянии десяти ярдов выстрел не причинит вреда даже еле живым мертвым. Тогда она полезла кровоточащей рукой в куртку и вытащила пистолет.

— Ты станешь одной из нас, Лора! — завывал мертвый. — Это просто вопрос времени. Наш хозяин заберется в тебя, в твою голову!

Лора прицелилась, но Аркли остановил ее.

— Не переводи пулю.

Он взял одну из черепиц крыши. Она была квадратной, около фута в поперечнике, и когда он метнул ее, та полетела, как фрисби. Черепица треснула мертвого по груди и отлетела, но и этого было достаточно, чтобы существо обратилось в бегство, подвывая от ужаса.

— Они трусы. Ты должна знать это. А теперь, — сказал он, — можно взглянуть на твое плечо.

Кэкстон с трудом держалась на покатой крыше, но ей удалось стянуть с себя куртку. На холодном воздухе она немедленно замерзла и снова стала дрожать.

— Это у меня шок? — спросила она, вспоминая ключевое слово из курса первой помощи, который им читали в академии. Предполагалось, что курс надо было повторять каждый год, но никто за этим не следил, а сама она никогда с подобным не сталкивалась.

Аркли разорвал рукав формы, обнажив кожу. Он дотронулся до раны, и его пальцы окрасились кровью. Так она и думала, хотя вообще-то она думала, что они будут сплошь покрыты кровью. Они же были лишь слегка запачканы.

— Во имя всего святого! — раздался его презрительный голос.

Лора дернулась из его рук.

— Что? Что там? Скажите! — выкрикнула она. — Я умру?

Он смотрел на нее с нескрываемым отвращением.

— Этого, — сказал он, указывая на рану, — не хватит даже, чтобы прикончить кошку.

Давай-ка расставим точки над В следующий раз, когда тебя так сильно ранят, даже не трудись сообщать мне об этом. Не могу поверить, что мы упустили реальный шанс только потому, что ты заработала маленькую царапину.

— Господи, — сказала она, отворачиваясь от него. — А было такое чувство, будто меня просто разрывало пополам.

В ответ он только языком прищелкнул. Внизу на дворе над ней гоготали немертвые. Лора пинала черепицы до тех пор, пока несколько штук не отвалилось и не съехало на толпу внизу. От этого свора немертвых захохотала еще громче.

21

Подкрепление в конце концов прибыло, свет фар заметался между деревьями, сирены заглушили вхохочущие звуки снизу. Кэкстон села и едва не скатилась с крыши. Аркли подхватил ее, но далее не взглянул на нее, когда она принялась искать руками опору.

Потом была большая пальба, которой она даже не увидела. Она вспоминала, как оказалась в яме, когда они охотились за вампиром.

— Боже, я думала, что умру.

— Когда ты в следующий раз будешь умирать, я тебе об этом сообщу. — В голосе Аркли звучала насмешка. — Черт.

Он ткнул пальцем вниз, и Лора увидела толпу немертвых, бегущих среди деревьев.

— Они собираются смыться. Я хотел захватить хотя бы одного, чтобы мы смогли выпытать какую-нибудь информацию.

— Не знаю, в состоянии ли я смотреть на то, как вы кого-либо пытаете. Даже одного из этих придурков.

— Тогда я сделаю это, когда ты не будешь смотреть.

Когда шериф и патрульные внизу закончили обыскивать дом, они прислонили лестницу к крыше так, чтобы Аркли и Кэкстон смогли спуститься. Ее ждала «скорая помощь», а шериф хотел поговорить с федералом.

— Снимите рубашку и сядьте тут, — сказала медсестра из неотложки, надевая резиновые перчатки.

Лора сделала, как ей было велено, присев на край открытого борта машины. На улице было морозно, и сидеть в одном бюстгальтере ей не хотелось, но другая медсестра набросила ей на плечи серебристое противошоковое одеяло, и это помогло. Первая санитарка очистила ее рану антисептиком, от которого кожа стала оранжевой, а порез стал похож на мясо тако в остром соусе.

— Не так уж и плохо, — сказала та. — Я видела раны и похуже.

Да и Кэкстон тоже, конечно же. Просто ее саму никогда прежде не ранили, даже так несерьезно.

— Мне придется поехать в больницу? — спросила она.

— Я сделаю вам противостолбнячный укол, а каждые три дня вы должны приходить к доктору, чтобы менять повязку. Но сегодня вы можете ехать домой отсыпаться — это самое главное.

Спать. Это было бы здорово. За последние несколько ночей она спала, наверное, всего часов шесть. Лора закрыла глаза, но вращающиеся мигалки «скорой» пульсировали голубым светом у нее под веками, и она снова очнулась. Медсестра перевязала плечо эластичным бинтом и отправила ее восвояси. Плечо болело, но рукой можно было двигать без проблем. Лора отправилась на поиски Аркли и нашла его на крыльце домика изучающим большую карту штата. Возле него неподвижно стоял шериф и держал под нужным углом карманный фонарик, чтобы федерал мог водить пальцем по различным трассам и проселочным дорогам.

— Тут, правильно? — спросил Аркли.

— Да, оно называется Битумен Холлоу, крошечное местечко.

Кэкстон склонилась над картой рядом с Аркли. Федерал повернулся и посмотрел на

нее, словно она находилась в свете его фонарика. Но она была в тени.

— Что? — спросила Лора.

Он ответил так, будто она спросила, что происходит. Но это она еще только собиралась спросить.

— Вампиры вышли на охоту сегодня. Это, — он махнул рукой в сторону леса, где на них напали мертвые, — была не ловушка. Это был маневр, отвлекающий от происходящего тут.

Он ткнул пальцем в карту.

— Вы сказали, вампиры вышли на охоту сегодня ночью. Вампиры, во множественном числе, — заметила Лора.

Аркли оскалился на нее и уставился в карту, словно хотел прожечь в ней дыру.

— Они действовали сообща. Те рапорты, которые есть у нас, практически бесполезны в деле восстановления очередности событий. У нас есть пара панических звонков в «девять-один-один», несколько записей с сотовых телефонов, которыми шериф любезно поделился со мной. Никаких настоящих деталей, но все соглашается с фактом: их было двое, двое мужчин, и они были голодны. Они вырезали целую деревню. Мы отправляемся туда прямо сейчас, посмотрим, что за улики они могли оставить после себя.

Лора кивнула и потянулась за ключами от машины. Они были у нее в куртке, которая, как оказалось, все еще оставалась наверху, на крыше домика. Когда она сказала ему об этом, Аркли раздраженно удалился. Шериф выключил фонарик и свернул карту.

— Не самый любезный сукин сын, правда? — спросил мужчина.

У него были закрученные вверх усы и шрам поперек лба, наполовину рассекавший бровь.

— Я начинаю думать, что работать на вампиров было бы и то веселее, — ответила Лора, и он захохотал.

Кэкстон глянула на карту, запоминая место, куда они направлялись. Сержант из подразделения «Джей» залез наверх и снял ее куртку. Сбросил вниз, и Лора поймала ее в воздухе.

Снова оказавшись в машине, Аркли даже не разговаривал с ней. Лора завела автомобиль, и они выехали обратно на трассу. До деревни было всего полчаса езды. На полпути туда Лора поняла, что не может выносить это молчание на протяжении всей дороги.

— Послушайте, я не знаю, что так вывело вас из себя, но мне очень жаль.

На этот раз он оказался в настроении вести беседу.

— Если бы я знал, что ты ранена не серьезно, я бы не сбежал оттуда так быстро, — отчеканил он, словно писал рапорт. — Я рассчитывал захватить хотя бы одного из них. Ради чего еще мне было отправляться в эту ловушку? Может быть, этой ночью и не случилось бы такого фиаско. Может, мы бы вовремя добрались до Битумен Холлоу, пока еще были шансы помочь.

— И теперь вы вините меня, хотя мы даже не знаем, что там произошло.

Но естественно, она знала, что они найдут там, так же как знал это и Аркли. Ей не хотелось видеть эту деревню или то, что от нее осталось. Ей вообще ничего не хотелось.

— Я недостаточно крута для вас.

— Ты еще станешь крутой. Тебе придется стать крутой в ускоренном темпе, — сказал он ей.

— Или?

— Никаких «или». Ты станешь крутой — и точка. У меня нет времени искать нового напарника. У меня нет времени учить кого-либо еще, как может быть опасна эта игра. Не подставляй меня снова.

Вот все, что он сказал. По крайней мере, Лора кое-чему научилась, например молчать тогда, когда он был не расположен к беседе, ибо расспрашивать дальше не имело смысла. И до самого прибытия она дала ему доехать в задумчивой тишине.

Поселок Битумен Холлоу находился как раз за дорожной заставой, возле национального

лесного парка Френч-Крик. Он оказался небольшой станцией, тянувшейся по обе стороны железнодорожных путей. Столетием ранее, наверное, он служил в качестве конечно-выгрузочной станции для местных угольных копей, судя по гигантским ржавым бункерам, высившимся за единственной настоящей улицей поселка. Теперь же это был пункт, где местные фермеры отоваривались едой и удобрениями. Или, если быть точным, таким оно было несколько часов назад. Тут был небольшой кофейный магазинчик, лавка с христианской литературой, обувная лавчонка и почтовое отделение. Во всех четырех заведениях горел свет, но внутри никого не было.

Желтая лента полицейского ограждения тянулась поперек дороги на обоих концах улицы. Внутри за этим кордоном живых людей не было. Было множество тел.

Арки не разговаривал с ней. И это было хорошо. Еще сильнее ощущать чувство вины ей не требовалось. Лора нырнула под трепещущую ленту и прошла вдоль улицы. Она насчитала четырнадцать трупов. Она то и дело встречалась с ними взглядом — с широко распахнутыми глазами. Девочка-подросток свисала со скамьи, ее корпус был сломан каким-то неописуемым ударом. Рукав пуховика был оторван, и рука под ним почти вся превратилась в рваное мясо. Кэкстон не могла оторвать взгляд от лица девочки. Пряди тонких светлых волос свисали ей на лоб, на нос. Они прилипли к засыхающим слюням в углу ее рта. В темноте было трудно сказать, какого цвета были ее глаза, но они были очень красивыми — или, по крайней мере, были прежде.

В магазине христианской литературы за прилавком было засунуто три тела, все с порванными глотками. То ли они сами убежали сюда, чтобы спрятаться, то ли вампиры сложили их тут по своему разумению, она не знала. Среди них был человек, немного похожий на старшего брата Дианы, Элвина. На нем была охотничья кепка с наушниками из красной шотландки.

В конце улицы «тойота» последней модели врезалась в фонарный столб. Водителя размазало по передним сиденьям. Кэкстон не могла определить, мужчина это или женщина. Лица не было совсем, и обескровленная масса под ним совершенно не походила на человеческую голову.

Вспышка света ошеломила Кэкстон. Она поморгала, избавляясь от цветных пятен перед глазами, и наконец увидела, как около двух десятков помощников шерифа встают по ту сторону ленты. Они вежливо ждали, словно народ, выстроившийся смотреть на парад. Клара, фотограф, сделала снимок — вспышка была ее рук дело. Она сфотографировала номерной знак разбившегося автомобиля.

— Привет, — поздоровалась она, и Кэкстон кивнула ей в ответ.

— Продолжайте, сколько вам нужно, патрульный, — сказал шериф. — Можете не торопиться.

Она поняла, что люди ждут, когда они с Аркли закончат свой досмотр. Им давали право первыми взглянуть на место преступления. А подразделение шерифа приступит, как только они закончат.

— Аркли, — позвала она. — Вы нашли что-нибудь полезное?

Федерал стоял, наклонившись, над девочкой-подростком.

— Ничего, что я не видел бы раньше. Ну хорошо, впустите их.

Он прошел мимо нее и поднял полицейскую ленту.

— Может, они заметят что-нибудь, что я пропустил. Я ужасно устал, барышня, и хочу домой.

Она посмотрела ему вслед, потом шагнула в сторону и дала помощникам шерифа пролезть под лентой.

— Ну ладно, — сказала она, немало удивившись. — Давайте я подгоню машину.

— Кстати, — сказал он, — если не возражаете, я хотел бы поехать один. Уверен, шериф сможет отправить вас домой.

«Очень странно», — подумала Лора.

Должно быть, Аркли что-то затевал. Он собирался сделать нечто такое, чтобы она не

видела.

— Хорошо, — согласилась она.

Она была более чем уверена, что и не захочет этого видеть. Она протянула ему ключи от патрульного автомобиля.

— Как бы то ни было, заезжайте за мной завтра, — сказала она ему, но он уже ушел прочь.

— Какая муха его укусила? — спросила ее Клара, но Кэкстон только покачала головой.

22

Клара присела на корточки на мостовую, чтобы сделать снимок руки девочки-подростка. По краю ладони тянулась бескровная рваная рана.

— Похоже на ранение при самообороне, — сказала Клара, форменный галстук болтался у нее между коленей. — А ты как думаешь?

— Я не очень-то разбираюсь в такого рода вещах, — извинилась Кэкстон.

Она не была до конца уверена, что еще она ждет в Битумен Холлоу, кроме отправки домой. Она сверилась с часами и удивилась, обнаружив, что всего половина девятого. Казалось, схватка с мертвыми заняла всю ночь, но на самом деле прошло немногим более часа, даже учитывая время, которое они провели на крыше охотничьего домика.

Она следовала за Кларой по пятам, ибо фотограф была единственным знакомым человеком, единственной из ланкастерского полицейского департамента, кого Лора знала по имени. Предполагалось, якобы Кэкстон осуществляет контроль за осмотром места преступления, что формально было работой Аркли и Службы судебных исполнителей США. Время от времени кто-нибудь из детективов шерифа подходил к ней, чтобы она подписала бланки и протоколы. Она даже не трудилась читать их. Было совершенно ясно: Аркли не интересуется обычной работой полиции. Его *modus operandi*¹ заключался в том, чтобы поставить себя (и всех, кто был рядом с ним) перед лицом опасности и дать злу сделать все самостоятельно.

Куда он делся — один, на патрульной машине, за которую отвечать придется ей, — оставалось для Лоры загадкой. Она вспомнила, как он говорил о выбивании информации из мертвых. Тогда она ответила, что не смогла бы просто сидеть рядом и смотреть на то, что происходит, и он сказал, дескать, сделает это сам, пока она не видит. И все же у полиции не было среди задержанных мертвых. Где он его раздобудет?

Лора проявила бы больше усердия, разгадывая эту тайну, если бы не так сильно устала. Она опустилась на скамейку перед лавкой христианской литературы и потерла глаза. Подошла Клара и встала возле нее.

— Тебе нужно что-нибудь? — спросила она. — У меня в сумке целая аптека. Там, на заднем сиденье в машине. Пойду достану.

— Нет-нет, — возразила Кэкстон, махнув рукой фотографу. — Я в порядке. Просто выдохлась. Выспаться бы хорошенько, и буду как новенькая.

Она улыбнулась помощнику шерифа, тот пожал плечами. Клара вернулась к труп фермера в кожаной куртке, который лежал, распростершись на мостовой не далее чем в десяти футах. Одна рука у него была оторвана и выброшена в мусорный бак. Большая часть грудной клетки отсутствовала, как и горло. Клара нагнулась над ним, дюймах в восемнадцати от белого дряблого лица, и сделала снимок цифровой камерой.

— Бесстрашная ты, — сказала Кэкстон, восхищаясь женщиной. — А вот я не переношу вида крови.

Клара встала и посмотрела на нее.

— А мне казалось, прошлой ночью, на том вампирском деле на триста двадцать втором шоссе, была ты.

— Это другое. Когда борешься за жизнь, тебя поддерживает адреналин. А так, когда

¹ Образ действия (лат.).

кругом лежат трупы, я не могу выносить. Слишком много травмирующих воспоминаний, понимаешь?

Клара кивнула и снова подошла к скамейке.

— Меня это тоже раньше беспокоило, и даже очень. Впрочем, давай покажу тебе фокус.

Она протянула Кэкстон камеру и жестом предложила сделать снимок. Кэкстон навела камеру на труп на дороге и стала рассматривать маленький жидкокристаллический экран позади камеры. Ей захотелось вернуть аппарат, но Клара остановила ее.

— Нет. Погляди. Снимок слишком темный, так?

— Ну, пожалуй, — ответила Кэкстон. — Сейчас же ночь. Тебе нужна вспышка.

— Правильно. — Клара показала на кнопку вспышки, и Лора включила ее.

— Теперь попробуй ровнее взять кадр. Возьми все детали, но заднего плана поменьше.

Так, что там с балансом цвета?

Кэкстон сразу уловила мысль.

— Да. Понятно. Это больше не человек. Это изображение человека. Не так страшно.

Клара радостно кивнула.

— Это только свет, тень и композиция. Я больше беспокоюсь о точном оттенке крови, чем о самой крови. А сейчас... — сказала она, но осеклась и обернулась, будто что-то услышала.

Кэкстон подскочила.

— Что? Что случилось?

Но потом услышала тоже. Это было несложно. Кто-то кричал. Кричал человек, далеко и приглушенно, словно из-под земли. Кэкстон направилась на звук и шла, пока не увидела канализационный люк посреди улицы. С криками о помощи они с Кларой опустили на дорожное покрытие и начали сдвигать люк руками. Это было все равно что толкать в гору сломанную патрульную машину. Тут прибежал помощник шерифа с ломом и с огромным усилием, рыча от натуги, сдвинул крышку. Едва крышка сдвинулась, уличные фонари осветили ржавую лестницу, уходящую в угольно-черную темноту. Кэкстон двинулась первая, ноги дрожали, когда она начала спускаться вниз по грохочущим ступенькам. Она почувствовала, как хлюпнули сточные воды у нее под ногами, и вонь их едва не сшибла Лору с ног. Она сунула руку в карман и нащупала «Меглайт». Его узкий луч выхватил перед ней видавшие виды кирпичные стены, которые смыкались у нее над головой, рождая чувство, что они вот-вот погребут ее под собой.

Лора направила луч дальше по коридору и осветила трясущуюся фигуру человека, прижавшего к груди большое деревянное распятие фута три в высоту и два в ширину. Когда свет упал на него, его глаза вспыхнули от ужаса, и он вскрикнул снова.

— Нет-нет, — бормотал он, — нет, нет, нет. Прочь, прочь от меня, изыди, изыди от меня, Господи, Господи, Господи!

Кэкстон медленно двинулась к нему, вытянув одну руку и показывая ему, что в ней ничего нет, а в другой держа фонарь. Это был не вампир, не мертвый, но тем не менее было ясно, что с головой у него не в порядке.

— Я не хотел кричать, — прошептал он. — Я не хотел сдаваться! Господи, о Господи. Они меня не получают. Они не получают моей крови.

— Сэр, я из полиции штата, — произнесла Лора голосом низким и тихим, почти мурлыкающим. — Все уже в порядке. Вампиров нет.

Она подошла так близко, что до него можно было дотронуться. Она потянулась, чтобы коснуться его плеча, как ее учили. Спокойным, убедительным движением, которое никому не навредит.

— Сила Господня поразит тебя! — взвизгнул он и врезал ей распятием, как бейсбольной битой. Удар пришелся в живот, так что Лора задохнулась. Она уронила фонарь в грязь и сложилась пополам, внезапная темнота обрушилась на нее.

— Сила Господня хранит меня! — возопил человек и попытался снова ударить ее. Кэкстон услышала, как крест засвистел в сумраке, и выбросила руку, блокируя его.

Изогнувшись, она рванулась прочь. От этого усилия искры посыпались из глаз. Она уронила крест и обеими руками обхватила нападающего за талию, надеясь, что тот не укусит ее. Лора врезала коленом ему в пах с такой силой, чтобы причинить серьезный ущерб.

Кто-то появился позади нее с более мощным фонарем, и она увидела, как зрачки мужчины дико сужаются. Его лицо было в нескольких дюймах от ее лица, рот широко распахнут, зубы блестят от слюны. Но это были человеческие зубы. Он задыхался — она сжала его так сильно, что он не мог вздохнуть.

«Дубина», — подумала она про себя. В сражениях с вампирами она забыла все, что знала о подчинении людей. Она могла причинить серьезные повреждения этому парню, чье единственное преступление заключалось в том, что он был смертельно напуган. Она выпустила его, а помощники шерифа протиснулись мимо нее, чтобы надеть на него наручники и обыскать на предмет оружия.

— Это не преступник, — сказала она, прикрывая лицо рукой, горя от стыда. — Это уцелевший.

Наверху, на улице, она осмотрела свои повреждения. Всего лишь синяк на животе, но он болел и к утру обещал стать желто-фиолетовым. Ну, решила она, его можно приплюсовать к порезу ладони и ране от лопаты на плече и обозвать ночной работой.

— Слушай, фотографии может сделать кто-нибудь еще, — сказала Клара. — Я отвезу тебя домой.

Кэкстон кивнула, но с Битумен Холлоу она еще не до конца разделалась.

— Кто он? — спросила она.

— Помощник управляющего из книжного магазина, — ответила Клара. — Он успокоился, как только мы достали его из люка. Насколько мы знаем, он единственный уцелевший из всего городка.

Клара гневно нахмурилась.

— Он говорит, что не помнит, как оказался в люке. Помощники сейчас им занимаются, делают виртуальный запрос на идентификацию через ноутбук шерифа.

На вампира, которого они убили, данных не нашлось. Что, если они опознают по внешности одного из тех, других? Это будет хорошим подспорьем, как раз таким, какое им и нужно.

— Я хочу, чтобы все, что они найдут, было отправлено на мой компьютер, ладно? — попросила она.

— Да, конечно, — уверила ее Клара. — Я отошлю тебе полный отчет и свои фотографии, если скорости твоего Интернета хватит.

Кэкстон кивнула. Полиция штата испытывала новые портативные компьютеры, у которых память и беспроводной Интернет были больше и лучше, чем в ноутбуках патрульных машин.

— Я их приму. А пока, — сказала она, потеряв переносицу, — увези меня отсюда.

— Сейчас, только предупрежу шерифа. — Клара умчалась, оставив Кэкстон лелеять свой новый синяк.

Когда она вернулась, галстук был у нее снят, а верхняя пуговица форменной рубашки расстегнута.

— Поехали, — сказала она. — Можешь поспать в машине.

23

В машине она спать не смогла. Машина Клары была переделкой «форда краун виктория», как практически все полицейские машины в мире. Она была очень похожа на машину самой Лоры. Она была создана для того, чтобы обеспечивать полицейского всей необходимой информацией для выполнения работы. Передняя панель была утыкана приборами: индикатор для радара-детектора, неизбежный ноутбук на возвышении для проверки номеров, видеоманитофон, который записывал все происходящее, как в машине,

так и снаружи, с видом от переднего бампера. Многочисленные рации болтали и кудахтали с различными интервалами. Сиденье не откидывалось из-за пуленепробиваемой перегородки за головой, которая прикрывала водителя и пассажира на переднем сиденье от задней части авто. Машина была рабочим местом, а не спальней. После пятнадцати минут безнадежной попытки расслабиться Лора схватила себя за волосы и дернула со всей силы, слишком уставшая, чтобы даже разговаривать. Клара окинула ее взглядом.

— Я знаю, что тебе нужно, — сказала она и вскоре затормозила.

Она въехала на стоянку возле одноэтажного здания с белой рождественской гирляндой, растянутой по карнизу. Это была небольшая закусочная. Яркий, веселый свет лился из всех окон вместе с приглушенными звуками музыкального автомата, игравшего какие-то жуткие песни в стиле кантри. Они вошли внутрь, заняли пару барных стульев, и Клара заказала две «Короны» с дополнительным куском лайма.

— Ты сейчас ни за что не сможешь заснуть. Ты взведена, как пружина.

Кэкстон знала, что это так. На самом деле она не любила пиво, но тут не отказалась. Пьянчуга из нее был никудышный, она была утренней пташкой и ни разу в жизни не сидела в баре до закрытия. И все же с холодной мокрой бутылкой в руке, ощущая на губах привкус лайма, она вдруг поняла, как давно ей не хватало простого, хорошего настроения, которое приходит, когда сидишь в баре, окруженная друзьями. Наверное, она не бывала в таком месте с тех пор, как встретила Диану.

Пятидесятидюймовый плазменный телевизор в дальнем конце бара транслировал футбольный матч. Кэкстон и телевизор смотрела не часто, но яркий свет и постоянное движение приковывали ее взгляд. Она совершенно не интересовалась футболом, но сейчас он казался вполне нормальной игрой, и это успокаивало ее.

Медленно опускались, расслабляясь, ее плечи. Медленно, понемногу, становилась мягче ее поза, и она нагнулась вперед на стуле.

— Так, — сказала она, — уже лучше.

— Эй, глянь-ка, — воскликнула Клара, указывая на телевизор.

Местное вещание прервалось выпуском новостей. Было всего десять часов. Они начали с видеосъемки из леса, полной мелькающих огней, с репортером, то и дело оглядывавшимся назад с широко раскрытыми глазами и плотно сжатыми губами. Кэкстон и понятия не имела, что там происходит, пока не увидела свое лицо, бледное и призрачное, выплывшее из темноты в поток света от видеокамеры.

— Включите звук, ладно? — попросила Клара бармена.

— Не помню никаких камер, — протянула Кэкстон, поняв, что видит картину убийства вампира. Ее последствия, если точно.

— ...Должен сказать, все еще не дают взглянуть на тело, — пробубнил репортер, — тут просто пахнет тайной, будто служба судебных приставов что-то покрывает. У нас до сих пор нет информации о так называемом вампире, и это спустя двадцать четыре часа. Власти даже скрывают его имя.

Двадцать четыре часа? Неужели прошел всего один день? Кэкстон прижала ладонь к губам. В телевизоре ее лишенное эмоций лицо отвернулось от света. Лора смутно припоминала раздражающий свет, но тогда она совершенно не понимала, что это журналисты, которые были там все время, пока ее допрашивали. Схватка с вампиром так шокировала ее, что она была словно в ступоре.

— Сегодня днем мы получили сведения от источника в полиции Пенсильвании, при условии, что мы не будем разглашать его личность. Он говорит, что подозреваемому вампиру не сделали предупреждений и не дали ни единого шанса сдаться властям. Уверен, эта история в ближайшие дни еще только будет раскрываться. Диана?

— Спасибо, Артуро, — сказала диктор. Она выглядела спокойной и легкомысленной. — Будь готов раскрыть нам новые подробности...

— Вы это хотели услышать? — поинтересовался бармен.

Когда Клара кивнула, он выключил звук и переключил на реалити-шоу про гламурных

моделей, работавших в лавке мясника.

— Ух ты, знаешь, ты скоро станешь знаменитостью, — воскликнула Клара. — Все новостные каналы захотят взять интервью.

— Это при условии, если я проживу достаточно долго, — сказала Кэкстон себе под нос.

— Что? — переспросила Клара. Но, так и не дождавшись ответа, покачала головой. — Ух ты! Так какой он, этот вампир?

— Большой. Бледный. Зубастый, — ответила Лора.

— Как мне нравились вампиры в колледже! Мы с подружками надевали плащи и игрушечные клыки и снимали себя на видео, гипнотизируя друг друга своим сексуальным видом. Блин, я была такая хорошенькая в роли вампириши!

— Сомневаюсь, — ответила Кэкстон.

Клара взметнула брови с оскорбленным видом.

— Не пойми меня неправильно. Бьюсь об заклад, ты выглядела супер. Но если ты была действительно похожа на вампира, тогда — нет. Они лысые, как бильярдный шар, это раз. А эти заостренные мелкие зубы? Поверь, в реальности они тебе совсем не понравятся.

Клара хлопнула по стойке.

— Вампиры тоже сексуальные! — залихватски возвестила она всему бару. — И хватит гробить мои девичьи фантазии! Я не против, если они лысые. Говорю тебе, пока мы сидим в этом баре, все, что касается вампиров, — это сексуально. Очень, очень сексуально.

Кэкстон улыбнулась помимо воли.

— Правда? — спросила она.

— Да, черт подери!

Клара потянулась и схватила Лору за предплечье.

— А большие крутые охотники за вампирами еще сексуальнее!

Они обе расхохотались.

Это было приятно, смеяться так спокойно, так дружно.

— Ты ведь считаешь ее сексуальной? — потребовала она ответа у бармена.

Ее пальцы все еще оставались на руке Кэкстон, не делая при том ничего предосудительного. Клара даже не смотрела на нее, просто потягивала пиво из бутылки, но руку не убирала.

— Ага, считаю, — ответил бармен, наблюдая за тем, как гламурные модели делают сосиски с помощью промышленной мясорубки.

— Сейчас вернусь, — сказала Кэкстон, освобождаясь и слезая со стула.

Рука Клара вернулась на стойку бара. Кэкстон понеслась в уборную, где принялась плескать воду себе в лицо. Ух ты, подумала она. Ух ты. Рука Клара была не просто теплой. Она была горячей, очень горячей. Она знала это всего лишь иллюзия, но все равно, ух ты. Она уже давно не чувствовала ничего подобного. Она очень скучала по этому ощущению. Очень скучала.

Когда она вышла из кабинки, Клара стояла возле платного телефона. У нее была улыбка до ушей, а в глазах не отражалось ничего. Она старалась вести себя спокойно и агрессивно одновременно. Кэкстон вспомнила этот танец, даже его движения. Клара опустила взгляд и шагнула влево в тот самый момент, когда Лора сделала шаг вправо. Она точно знала, каково это — чувствовать эту мелкую дрожь, этот страх, который чем дольше держишь в себе, тем больше он становится. И надежда, которую ты заталкиваешь все глубже, иначе она накроет тебя с головой, и которая все равно вырывается наружу.

Хорошую песню играл музыкальный автомат. Лора не могла вспомнить ни имени певца, ни названия песни, но песня была хорошая.

Ей не хватало этого ощущения: когда трепещет под ложечкой, а по затылку бегут холодные мурашки. Она так скучала по этому, что, когда Клара подняла руки, она шагнула прямо ей в объятия и закрыла глаза, когда эти руки коснулись ее лица, горячие маленькие пальчики, которые обвели гладкую линию ее подбородка. Кэкстон едва успела вздохнуть, прежде чем до ее губ дотронулись мягкие губы Клара, влажные, нежные, идеально теплые.

Вот чего ей не хватало больше всего: этих первых, испытующих поцелуев. Самый первый вкус женских губ. Клара стала двигать губами, и Лора осторожно подняла руки, чтобы не касаться Клариного лица, но нежно, очень неясно, разорвать контакт.

Глаза Клары были влажными, на губах застыл вопрос.

— Ты не... — прошептала она.

— Я не одна, — ответила Лора.

Повязка на плече взмокла от пота.

— Мне нужно домой. К ней.

Клара кивнула и шагнула вправо, давая Кэкстон пройти. В то же самое время Кэкстон решила шагнуть влево. Они едва не столкнулись друг с другом, и этого было достаточно, чтобы сломать напряжение. Обе с облегчением расхохотались. Кэкстон оплатила счет, и они залезли обратно в машину департамента шерифа. По дороге до дома Кэкстон говорили мало, но легкая улыбка все это время играла на губах Клары. Когда она остановила машину перед фасадом дома, они посидели немного, слушая, как воют в загоне собаки. Обычно ее борзые вели себя тихо, но Кэкстон это не встревожило. Просто так они реагировали на присутствие незнакомых.

— Люблю собак, — призналась Клара. — Что за порода?

— Спасая борзых, — ответила Кэкстон, словно признавалась в преступлении.

У Клары загорелись глаза.

— Может, познакомишь нас?

— Конечно... может быть, потом, — ответила Кэкстон.

Она была вся красная. Только распахнув дверь машины и почувствовав холодный воздух на щеках, она поняла, что всю дорогу сидела, залившись румянцем. Неудивительно, что Клара подсмеивалась над ней.

— В общем, спасибо, что подбросила, — сказала она. — Еще, хм, увидимся.

— Не волнуйся, — сказала ей Клара. — Я могу немного подождать, прежде чем вонзить мои клыки в твою шейку.

И, смеясь, уехала.

Кэкстон накормила собак — Диана опять забыла, даже миски для воды стояли пустыми — и пошла в дом. Разделась на кухне и рухнула в постель, зарываясь под покрывала, прежде чем замерзнуть. Тело Дианы под пуховым одеялом было острым и угловатым, но Лора скользнула рукой вдоль живота любовницы и сжала одну из грудей. Диана зашевелилась во сне и Лора принялась покусывать ее ушко.

— О, Тыквочка, не сегодня, — прошипела Диана. — От тебя кошмарно пахнет.

Учитывая раны в плече и на ладони, подумала Кэкстон, это и правда так.

Она надолго засела в душе, поигрывая спиральным медальоном, который дала ей Веста Полдер, глядя, как клубится и завивается вокруг нее пар. Она пробыла там до тех пор, пока наконец, слава богу, не начала дремать. На то, чтобы вытереться и забраться в постель, у нее ушли последние силы. И она заснула, даже не успев этого понять.

24

Утром Лора немного поиграла с собаками. На улице было холодно, но вольеры отапливались хорошо, поэтому она задержалась у них, позволив собакам прыгать вокруг, щелкая зубами у лица и волос, в манере, в какой борзые выражают свою привязанность. Они были прекрасны, а текущие линии их тел — совершенны. Уилбур, у которого было только три лапы, но поистине прекрасный палево-голубой окрас, все крутился и крутился у ее колен, словно пытался завязаться узлом, прежде чем шлепнуться ей на скрещенные ноги. Лора почесала у него за ушами и назвала хорошим мальчиком. Лола, итальянская борзая, которой уже подобрали хороший дом севернее Нью-Йорка, все прижималась носом к двери, но стоило только Лоре открыть дверь, как собака отскакивала назад, прочь от клубов морозного воздуха, щелкая зубами, и с лаем вставала на задние лапы, борясь с ветром.

Когда Диана нашла ее тут, погруженную в игры с борзыми, Кэкстон уже практически пришла в себя. Диана только усмехнулась, будто застала ее с рукой, засунутой в банку с печеньем. Она протянула Кэкстон ее КПК и исчезла, не сказав ни слова.

Пришел новый e-мэйл от Су_C@lcsd.paus, то есть, сообразила она, от Клары. Лора открыла его дрожащими руками: что, если Диана уже его видела? Что, если Клара позвонила бы, а не прислала письмо и Диана ответила? Но это лишь приступ паранойи. Потому что, во-первых, она не сделала ничего предосудительного. Во-вторых, она остановила Клару прежде, чем что-то по-настоящему произошло. В третьих, в Кларином письме не было ничего компрометирующего. Это было одно из самых деловых посланий, которые ей доводилось читать, и в нем не было ничего, кроме отчета из ведомства шерифа о Битумен Холлоу. Не было даже сердечного приветствия.

По правде говоря, Лора почувствовала легкое разочарование. Заигрывание Клары было для нее проблемой, но все же... это было так приятно. Лора выкинула из головы мысли о ней и принялась изучать рапорт. Он был сух и беспристрастен, и она попыталась сохранить это ощущение, отказываясь вникать в страхи всех тех, кто погиб прошлой ночью в сонной деревеньке. Большая часть рапорта основывалась на показаниях очевидца — помощника управляющего из лавки христианской литературы, того самого, который ударил ее большущим распятием. Как только он успокоился, он продемонстрировал отличную наблюдательность. Он видел, как вампиры вышли на главную улицу городка, оба были одеты в черные плащи с воротниками, поднятыми так, чтобы прикрыть их рты. Если они пытались сойти за людей, то не стоило и беспокоиться. В Битумен Холлоу, где все знали друг друга в лицо, они выделялись, как два бугра на ровном месте. Первой, обреченной ими на смерть, стала девочка-подросток Хелена Сандерс. Один вампир поднял ее с земли, а второй оторвал рукав ее куртки и вонзил зубы в руку, как сказал выживший, «словно в кукурузный початок». С этого момента дело приняло омерзительный оборот.

Не было ни единой попытки защитить городок. Никто даже не стал отбиваться, несмотря на то что под прилавком кофейного магазина нашли заряженную охотничью винтовку, а у женщины (жертва номер четыре), которая заведовала почтовым отделением, в машине был найден пистолет и лицензия на его ношение. Полиция добралась до городка, когда было уже слишком поздно. Этому Кэкстон не удивлялась. В таком маленьком городке не было собственного полицейского управления, вместо этого жители полагались на местного шерифа.

Большую часть рапорта Лора пропустила. Общее число жертв составляло четырнадцать человек, и ей совершенно необязательно было знать, как они погибли.

Четырнадцать. Два вампира, атаковавшие Битумен Холлоу, были полны сил. Их потребность в крови могла быть легко удовлетворена — им нужно было максимум по одной жертве на каждого. Но они вырезали деревню целиком. Лора вспомнила Питера Лэрса, который намеренно переедал, чтобы набить себя кровью и потом накормить своих стариков, включая Жюстину Малверн. Новые нападавшие (рапорт именовал их «исполнитель один» и «исполнитель два», так в полиции называли тех, кто совершал действия против жертвы) наверняка обжирались для того, чтобы накормить Малверн. Но для того, чтобы восстановить ее, требовалось четыре вампира. Во всяком случае, она благополучно лежала за каменными стенами госпиталя «Арабелла».

Насколько Лоре было известно.

Холодок пробежал у нее по спине при мысли о том, что вампиры могли напасть на пустынный санаторий, и уже сейчас Малверн могла оказаться на свободе, хотя Аркли, наверное, перезвонил бы ей и рассказал об этом.

Если только они не атаковали и не убили Аркли.

Лора быстро накормила и напоила собак и вернулась в дом. Ей не хотелось в припадке паранойи хвататься за оружие, но она знала, что именно так и следует поступить. Сведений о государственной лечебнице на Домне «Арабелла» в телефонном справочнике не было, и она даже не упоминалась в базе данных полиции штата, к которой Лора имела доступ через

Интернет. Пока Кэкстон переодевалась, она позвонила в Бюро тюрем, чтобы получить телефон, но там сказали, что подобный запрос должен проходить по официальным каналам. Человек на том конце провода даже не подтвердил, что такое место вообще существует.

— Послушайте, есть риск для жизни людей. Я знаю все про это место. Я была там. Это больница всего для одного пациента, Жюстины Малверн, она вампир.

— Успокойтесь, барышня, — ответил служащий. — Мы не занимаемся больницами, наше дело тюрьмы.

Лора еле сдержалась, чтобы не наорать на него. Он сказал, что передаст ее сообщение. Повесив трубку, Кэкстон ворвалась в спальню.

— Ди-и-и!.. — закричала она. — Ди! Мне нужна твоя машина.

Диана была в гостиной, она лежала на диване и смотрела телевизор. Рука, в которой она держала пульт управления, спустилась на пол и наполовину зарылась в пушистый ковер.

— Ты мне снилась прошлой ночью, — сказала она.

Кэкстон с шумом вошла.

— Ты была привязана к столбу, и римские солдаты хлестали твою обнаженную спину. Кровь струилась по твоим бедрам длинными красными потеками, похожими на шоколадный сироп. Не думаю, что сегодня тебе следовало бы ехать куда-то.

Кэкстон сжала кулак и сунула в карман. У нее не было времени на споры.

— Мне очень, очень нужна твоя машина.

— Зачем? Может, у меня сегодня будут дела.

— Серьезно? — засомневалась Лора.

Обычно Диана ездила за покупками в другой день. Большую часть недели ее машина стояла без дела на парковке.

— Слушай, это жуть как важно. Правда, иначе бы я не попросила.

Диана пожалала плечами и уставилась в телевизор.

— Ну хорошо, если тебе угодно держать меня пленницей в моем же собственном доме.

Кэкстон задержала дыхание, раздумывая. Потом выдохнула медленно, снова вдохнула. Ключи Дианы висели на крюке в кухне, сразу возле кладовки, где Кэкстон хранила пистолет. Она взяла и то и другое. Воздух на улице разве что не хрустел. Она запахнула куртку на груди и прыгнула в маленькую красную «мазду» Дианы. Лора сняла шляпу и хотела положить ее на пассажирское сиденье, но там, на вечно заляпанной обивке, были разбросаны остатки ланча из «Макдоналдса», в том числе и половина гамбургера.

Узкое заднее сиденье было полно банок с краской и нераспакованных упаковок с кистями и валиками, несмотря на то что Диана ничего не рисовала уже полгода. Она посвятила себя безымянному проекту в мастерской.

Кэкстон пристроила шляпу на открытой банке с краской, которая засохла до консистенции твердого пластика, и стала надеяться на лучшее. Выезжая задом со стоянки, она подправила зеркала и через несколько минут уже направлялась к Домне «Арабелла». По дороге она погоняла радио по каналам в поисках выпуска новостей. В Ираке был очередной взрыв самодельного взрывного устройства, какой-то скандал в гольф-клубе — Кэкстон спортом не интересовалась и никогда не понимала, о чем там они говорят. Новостей о нападениях вампиров на заброшенные туберкулезные лечебницы не было, как не было и траурных горнов, возвещавших о федерале, погибшем при исполнении, однако отсутствие новостей вовсе не подбодрило Лору.

К тому времени, как она доехала, уже перевалило за полдень. Накрапывавший дождь кончился. Солнце подмигивало с мокрой листвы, усеявшей шоссе, а узкая дорога, которая вела к лечебнице, превратилась в месиво. Маленькая «мазда» едва не застряла, но у Кэкстон за плечами были годы практики вытаскивания машин из дорожных ям. Она остановилась на лужайке под безликой статуей Здоровья, или Гигиены, или кем она там была, и ощутила небольшое, совсем небольшое облегчение оттого, что ее собственная патрульная машина была припаркована на том же самом клочке травы. Простой ночью Аркли приехал на Домну «Арабелла». После того как он заявил, что хочет ехать один, он, должно быть, отправился к

Малверн.

Тут ей стало ясно, что он, взглянув одним глазом на Битумен Холлоу, понял, что вампиры наелись до отвала и той же ночью предпримут атаку. Но почему же он уехал один, оставив ее?

Конечно же, потому, что он ей не доверяет. Ибо она повела себя как тряпка, когда получила удар лопатой. Ибо не могла смотреть, как он будет пытаться оживить мертвого. Аркли решил, что она будет ему помехой.

Офицер службы исполнения наказаний, сидевший в приемной, узнал ее, но все равно заставил зарегистрироваться. Увидев его, Лора поняла, что ее наихудшие опасения не сбылись: Малверн все еще была под замком.

— Что тут произошло прошлой ночью? — спросила она, кладя ручку на листок регистрации.

— Произошло кое-что чрезвычайное, — ответил он, выпучив глаза.

— Кое-что? Что конкретно?

Он пожал плечами.

— Я в дневную смену работаю. Чтобы тут — и ночью? Ни за какие коврижки!

Лора хотела задать ему еще кучу вопросов, но решила, что тут должны быть осведомители и получше. Она попробовала найти палату Малверн по памяти, но заблудилась, и ей пришлось вернуться. В конце концов она пошла обратно по своим следам, свернула налево, а не направо и увидела пластиковый занавес, который закрывал палату. Большая часть огромного санатория была погружена в темноту. Если бы она не побывала здесь раньше, она могла бы проплутать и несколько часов.

Лора прошла через пластиковую загородку, и там, конечно же, был Аркли, терпеливо сидевший в кресле. Он выглядел вполне прилично, хотя, кажется, с тех пор как они виделись в последний раз, не принимал душ.

Малверн нигде не было видно, но крышка ее гроба была закрыта. Кэкстон направилась напрямик к Аркли.

— Ну, как вы, нормально?

— Разумеется, патрульный. У меня был прелестный разговор со старой приятельницей.

Он постучал по крышке гроба. Ответа не последовало, но Кэкстон решила, что Малверн благополучно лежит там.

— Почему бы вам не присесть?

Кэкстон кивнула. Она огляделась, но Хазлитта не увидела. Наверное, он спал весь день.

— Я подумала... Я знаю, это звучит безумно, но мне пришла в голову вот такая идея. Простой ночью вампиры, вырезавшие весь Битумен Холлоу, до отвала напились крови. Я решила, что они нападут на это место, ведь они собирали кровь для нее. Но кажется, выводы у меня получились дурацкие.

— Ничего подобного, — ответил Аркли. — Они действовали именно так, как ты подумала. По крайней мере, пытались.

25

Простой ночью, пока Лора целовалась в баре с хорошенькой девчонкой, Аркли дрался как лев. Рассказал он об этом совершенно спокойно, без упреков. И ни разу не пожалел, что ее тут не было.

Аркли только разок глянул на трупы в Битумен Холлоу, чтобы понять: беда не за горами. Он знал, сколько человек растерзано и сколько вампиров ответственно за это. Мысленно произвел расчет. Вспомнив, как Лэрс кормил своих предков, Аркли аж передернулся от отвращения; он понял, что вампиры дожидаются подходящего момента. Двое не могли удержать количество крови, необходимое для ее полного восстановления, но они, по крайней мере, могли дать ей возможность передвигаться своим ходом. Они придут сюда той же ночью — в этом Аркли был уверен. Поэтому он взял патрульную машину и

немедленно двинулся к Домне «Арабелла».

— Без меня, — сказала она с обидой.

— Дашь мне закончить рассказ или спорить будем? — поинтересовался он.

Он прибыл в лечебницу к девяти. Предупредил офицеров о том, что должно произойти, а потом отправился в палату Малверн. Он нашел ее еще больше разложившейся по сравнению с тем, что было в последний раз, когда он запретил подкреплять ее кровью. Сидеть она не могла и теперь полулежала в своем гробу. Большая часть кожи слезла с ее черепа, а единственный глаз был сухим и воспаленным. Одна рука лежала у нее на груди, другая безжизненно свисала из гроба, а пальцы с отросшими когтями лежали на клавиатуре ноутбука. Аркли решил, что она просто отбросила ее туда в припадке отчаяния, но указательный палец задрожал и ударил по клавише «Ъ», а потом сник, словно это легчайшее усилие полностью вымотало ее.

Появился Хазлитт, судя по поведению чем-то сильно огорченный. Он объяснил, что Малверн набирала в среднем по четыре знака в минуту. Доктор дал Аркли прочитать то, что она уже успела напечатать.

*Лишь капля одна твое есть исцеление
Капля капля одна лишь*

— Аркли, вы ее убиваете, — сказал федералу доктор. — Я был бы не против, если бы она умерла. Я был бы не против, если бы она жила хоть вечность. Но такая жизнь хуже смерти.

— Если ей так хочется выжить, значит, ей придется беречь силы, — сказал Аркли. — Может, вам лучше убрать от нее этот компьютер.

Вид у Хазлитта был такой, словно его ударили.

— Это ее единственная связь с внешним миром, — продолжал настаивать он.

Аркли, пожав плечами, пропустил этот аргумент мимо ушей. Он отослал доктора домой в десять вечера, хотя Хазлитт дал понять, что хотел бы остаться со своей пациенткой. Аркли заверил его, что будет оберегать ее всю ночь.

Оставшись в ней наедине, в сопровождении редких постукиваний старческим ногтем по клавиатуре, Аркли вытащил свой пистолет и положил его на кардио-монитор, вне досягаемости Малверн. Впрочем, шанса воспользоваться им ему не представилось.

Вампиры, двое оставшихся из рода Малверн, окружили его в два часа ночи. Их щеки горели румянцем, а тела излучали ощутимое тепло. Они появились бесшумно, один — через главный вход в палату, другой — из синей тени комнаты. Аркли не видел, как они вошли, но ожидал их.

Один из вампиров попытался загипнотизировать особого представителя. Другой двинулся через комнату быстро, как молния, вытянув руки, чтобы вцепиться Аркли в плечи, с широко разинутым ртом, приготовившись откусить голову. Но оба замерли на середине атаки, увидев, что Аркли держал в руке.

Прежде чем они появились, он предпринял некоторые предосторожности, воспользовавшись хирургическими инструментами, которые были в палате.

Пилой для кости и парой кусачек он удалил часть грудной клетки Малверн. Молодой, сильный вампир практически моментально исправил бы повреждение, но Малверн умирала от нехватки крови и была слишком стара, чтобы вообще почувствовать, что он делает. Примитивная хирургия обнажила сердце Малверн, холодный сгусток черных мускулов, который лег в руку, как кусок угля.

Когда двое вампиров появились перед ним, он слегка сжал сердце. От легчайшего прикосновения оно начало крошиться. И, несмотря на всю ее слабость, Малверн нашла в себе силы откинуть голову, разинув зубастый рот в беззвучном крике.

Вампиры застыли на месте. Они переглянулись, словно молча совещаясь о том, что делать дальше.

— Предлагаю вам несколько вариантов, — сказал им Аркли.

Он так и не взглянул в глаза ни одному из них, хоть и был убежден в том, что способен противиться их воле, но не захотел искушать судьбу.

— Вы можете убить меня. Любой из вас может сделать это в секунду. К несчастью, последняя судорога в моей жизни пройдет по моей руке, и я сотру это сердце в порошок. Можете стоять тут всю ночь и ждать, когда у меня устанет рука, но у вас осталось только четыре часа до того, как взойдет солнце. Далеко ли остались ваши гробы?

Они не ответили. Они стояли там, красные глаза следили за ним и ждали третьего варианта.

— Можете уйти прямо сейчас, — сказал он, пытаясь придать голосу рассудительности. — В этом случае все останутся целы.

— Почему мы должны тебе верить? — спросил один из них.

Его голос был груб и сочен от крови, переполнявшей его горло.

— Ты убил нашего брата, — сказал другой, вонзая слова в воздух. — Ты можешь убить ее, стоит только нам уйти отсюда.

— Если я убью ее, мне придется предстать перед судом как убийце. Впрочем, мне это совершенно безразлично, — пояснил он, собираясь пожать плечами, но от этого жеста его рука пошевелилась бы и выдернула сердце Малверн у нее из груди. И в тот момент, когда это произошло бы, вампирам не было бы смысла оставлять его в живых. — Но если я умру сегодня, то и ее заберу с собой.

Вампиры растворились, не сказав ни слова, исчезнув так же быстро, как и появились.

Убедившись, что их больше нет, Аркли обошел охранников в лечебнице. Они сделали, как он приказал им. У вампиров не было нужды в крови — они и так были переполнены ею, — и, когда офицеры охраны не оказали им сопротивления, те просто прошли мимо. Во всей лечебнице ни у кого и волосок с головы не упал.

Когда Аркли вернулся в палату Малверн, он обнаружил, что она напечатала на своем компьютере новую строчку:

Мальчики мои мальчики хватайте его

К счастью для Аркли, ее потомки не получили этот приказ, и теперь было уже слишком поздно.

— У вас, — протянула Лора, после того как он закончил рассказ, — ни капли крови во всем теле нет. Только ледяная вода.

— Я рад, что ты так думаешь. Пока они тут стояли, я был уверен, что мне придется сжать кулак.

Он улыбнулся, но не этой своей снисходительной улыбочкой и не той, которую посылал подружке своего напарника. А нормальной, человеческой улыбкой. На его лице она казалась неуместной, но все же не такой уж отталкивающей.

— В конце концов взошло солнце. Она втянула руку, и я закрыл крышку гроба. Вот такие дела.

— Не надо было вам меня оставлять. Мы могли бы сразиться с ними вместе, — упорствовала Кэкстон.

— Не могли бы. В них было столько крови, что и базака не оставила бы на них и царапины. В этом как раз причина того, почему они едят перед боем. И обратная сторона этого есть тоже. Они несли эту кровь ей, чтобы исторгнуть все на Малверн, облить ее с ног до головы, точно так, как делал Лэрс той ночью на лодке. Теперь им придется употребить ее самим. Это сделает их сильными, но и ослабит тоже. Сегодня вечером, а может, и завтрашней ночью еда им не понадобится.

— Значит, вы не стали звать меня, потому что решили, будто я помешаю вам. Вы решили, что я разрушу ваш план.

— Я решил, — сказал он ей, — что ты ранена. Может, закончим на этом? Я не спал всю

ночь.

Кэкстон вскипела, но спорить с ним сейчас передумала.

— Прекрасно. Вы со мной расстаетесь, это просто прекрасно. Я возвращаюсь домой, к своим собакам.

Аркли только головой покачал.

— Нет, специфику обязанностей мы тебе поменяем, но ты все еще в команде. Будешь координировать работу детективов, разыщешь мне некоторые имена, места проживания мальчиков милой Малверн. Тебе всегда найдется чем заняться.

— Ну, спасибо, удружили.

— Не вредничай. Мало у кого есть способности, чтобы охотиться на вампиров, патрульный. У тебя есть для этого все. И если раньше получалось неважно, это еще не повод невзлюбить себя. Эй, — он посмотрел на гроб, потом снова на Лору и приподнял брови, — хочешь взглянуть?

26

— Нет, — ответила она, но уверенности в этом не было.

Она даже не была уверена в том, отказывается ли она. Хотела ли она остаться в этом деле? Хотелось ли ей узнать еще что-то новое о вампирах? Каким гадким и отвратительным мог быть мир на самом деле?

— Это все равно что наблюдать за гусеницей, превращающейся в бабочку. Мерзко, но увлекательно, если только желудок крепкий.

Лора уже была готова сказать «нет». Она собиралась сказать «нет» и отвернуться.

— Так у нее начинается каждое утро, она трансформируется, словно личинка в куколке. Ее телу приходится меняться, чтобы восстановить ущерб, который она получила накануне.

Он поднял крышку.

— Вот что значит бессмертие.

Нет. Просто нужно сказать «нет», и он опустит крышку. Она с этим делом, с вампирами, покончила. Он хочет, чтобы она занималась бумажной работой, вот и отлично.

Но Лора шагнула к гробу. Аркли откинул крышку, и она заглянула внутрь.

Кости Малверн лежали вразброс на обивке гроба. Огромная нижняя челюсть отвалилась от верхней части черепа. Сердце, выглядевшее как сгнившая слива, лежало в грудной клетке, отдельно от всего остального. Оставшиеся ткани превратились в слизистую кашицу, заляпавшую шелковую обивку гроба, покрывая тазовые кости и часть позвоночника. Месиво это лужицами скопилось в углах гроба и заполняло одну из глазниц. Лоскуты того, что казалось обуглившейся кожей, плавали в жиже, а посреди всей этой мерзости сгрудились какие-то мелкие загнутые частички, похожие на обрезки ногтей. Запах был очень, очень силен, он практически валил с ног. Лора наклонилась немного вперед и присмотрелась к «ногтям». И тут ей удалось разглядеть маленькие крючочки и кольца, дробившие крошечные тельца.

— Личинки, — ахнула она.

Ее лицо находилось в нескольких дюймах от скопления личинок. Она отдернула голову, еле сдержав крик. Теперь, увидев их такими, какие они были, сложно было притвориться, будто это что-то другое. По коже побежали мурашки, ее так и отталкивало от гроба. Губы исказились в гримасе ужаса.

— Одно из величайших чудес эволюции, — сказал ей Аркли с видом абсолютно серьезным. — Если, конечно, ты сможешь выйти за пределы собственных предрассудков. Они поедают мертвое, оставляя без внимания живое. Их ротовые отверстия созданы так, чтобы они могли выживать на пище только определенной вязкости. Они так подчинены совместной работе по поеданию отмерших тканей, что можно сказать, будто у них общая пищеварительная система. Разве это не изумительно?

— Господи Иисусе, Аркли, — ответила она, борясь с подкатившей тошнотой, — вы

своего добились. Прикройте ее, пожалуйста.

— Но ты еще столько всего не видела. Хочешь посмотреть, как она вернется к жизни до заката? Хочешь посмотреть, как восстановятся ее ткани, округлятся глаз, забьется сердце?

— Просто закройте. — Она обхватила живот, но от этого стало только хуже.

Лора попыталась дышать ровнее.

— Ну и запах.

— Какой-то не такой, верно? Естественные объекты так не пахнут.

Лора услышала, как хлопнула за спиной крышка гроба. Стало немного легче.

— Личинкам-то все равно, но вот собаки как почуют его, так начинают выть, а коровы перестают давать молоко, если она пройдет мимо них. Иногда и люди его замечают. Что-то кажется в ней не так, что-то неправильно. Но конечно же, к тому времени, как они сообразят, в чем дело, она уже успеет вскрыть одну из артерий на руке и высосать всю кровь из тела.

— Вам это нравится, так ведь? — потребовала она ответа. — Вам же просто в кайф заставить девчонку почувствовать себя на ее месте.

Кэкстон отступила в дальний угол комнаты, как можно дальше от гроба.

— Вы себя от этого крутым чувствуете.

Тут он издал долгий, почти нескончаемый вздох. Лора обернулась. Радости на его лице не было. И, насколько она могла видеть, не было в нем и желания причинить ей боль. Просто усталость.

— Вы воспитывали меня, чтобы я стала вашей заменой, той, кто бы боролся с вампирами после того, как вас не станет.

Он покачал головой.

— Нет, патрульный, нет. Я никогда не рассматривал тебя в качестве кандидата на свое место. Я не стану дурить тебе голову. Я поступаю с тобой так потому, что ты была честной со мной.

Она кивнула через силу. В этом споре ей никак не выиграть. Это было все равно что спорить с отцом. Он тоже был хороший мужик, только правило гласило: в его доме прав всегда он. И когда она стала взрослеть, помнить об этом становилось все труднее.

Господи, подумала Лора, почему она в последнее время так часто вспоминает о своем отце? С тех пор как вампир, теперь уже мертвый вампир, загипнотизировал ее, она стала часто думать о нем. А Весте Полдер она рассказала о своей матери. Чтобы рассказать Диане о родителях, потребовались месяцы. Аркли же удалось вытянуть это из нее в рекордные сроки.

Хватит. Это уже чересчур. Она думала так, когда видела, как погиб первый вампир. Но теперь это и в самом деле было так.

— У меня тоже есть кое-что, что вам стоит увидеть, — сказала она, и Аркли выжидающе посмотрел на нее.

Этот спор его нисколько не волновал, ибо он знал: это расследование его и он прав.

«Ну что же, хорошо», — подумала Лора, зная, что вспылит позднее, когда его не будет рядом. Она вытащила КПК и нашла письмо Клары. Открыла две картинки, присланные вложениями, и разместила их одну возле другой.

— Вот что рассказал нам очевидец из Битумен Холлоу, — сказала она.

Аркли нагнулся ближе, чтобы рассмотреть две картинки на маленьком экране. Лора уже изучила их раньше и знала, что он увидит. Картинки были смонтированы в программе виртуального фоторобота, которая позволяла управлению шерифа создать цветные комбинированные портреты исполнителей № 1 и № 2. Как и все подобные портреты, они были неточные и выглядели квадратными и странными, скорее похожими на монстров Франкенштейна, чем на вампиров. Цвет лица и вовсе был неправильным, потому что в наборе идентификатора не было цвета для мертвенной бледности, как не было и красных глаз (какой-то темно-карий — это было лучшее, что он смог дать), и уж конечно, ничего похожего на абрис челюсти вампира и его зубов.

И все же портреты сразу заделали Аркли.

— Да. Это они, — сказал он, поднимая взгляд. — Это хорошо. Это нам пригодится.

Кэкстон кивнула.

— Я тоже так думаю. Да, слушайте, еще у нас есть особая примета одного из них.

Художник-криминалист зарисовал длинные треугольные уши исполнителя № 2. Очевидец настаивал, что у исполнителя № 1 были нормальные человеческие уши, только сверху они были другого, почти черного цвета.

— У него другие уши.

— Потому что он обрезает их ежедневно, — согласился Аркли.

— Он — что?

Федерал взял КПК и поднес его к самым глазам.

— Уши — это постоянная угроза разоблачения. Некоторые вампиры, молодые, стараются прятать их, пытаясь выглядеть как можно более похожими на людей. Лэрс делал это, чтобы камуфлироваться. О других я читал, что они делают так из отвращения к себе. Они снова хотят выглядеть как люди. Они будут носить парики и контактные линзы и даже класть румяна на щеки и носы, чтобы выглядеть более похожими на нас.

— Но чтобы каждый день... этот парень отрывает себе уши каждый божий день?

Аркли пожал плечами.

— Каждую ночь. К закату, когда он просыпается, они у него отрастают снова.

Это заставило Кэкстон вспомнить о личинках в гробу.

— Наверное, некоторые из них ненавидят себя. Ненавидят себя и то, что они делают.

— Кто знает. В кино нам внушают, якобы они живут глубокой и насыщенной внутренней жизнью, вот только я не верю. Думаю, сидят они всю ночь напролет и думают о крови. О том, какая она вкусная и как им плохо, когда ее нет. И как достать новую так, чтобы тебя не обнаружили и не порешили. И о том, долго ли еще им будет не наплевать, обнаружат их или нет.

Кэкстон внезапно почувствовала холод. Обхватила себя руками.

— Как торчки, — сказала она.

В колледже она была знакома с несколькими девчонками, которые употребляли героин. До того, как они сели на наркотики, это были личности с мыслями и чувствами. Но когда они изменились, их личности полностью подчинились их потребностям.

— Как торчки, которые никак не могут завязать.

— Между ними есть разница. Торчки в конце концов умирают.

27

— Тут что-то произошло прошлой ночью, правда? Такое, что могло плохо кончиться? — спросил сержант Такер, уставившись на них через столешницу. Последний раз, когда Кэкстон его видела, он сидел, закинув ноги на стол, и смотрел телевизор. Теперь он нагнулся вперед, его глаза оглядывали коридоры, шедшие в четырех направлениях от его поста.

— Простой ночью здесь на дежурстве было двадцать три офицера службы исполнения наказаний, но ни от кого я не смог добиться ясного ответа. Один парень видел движущиеся тени, будто в комнате зажгли множество свечей, но они мелькнули и исчезли. Другой точно видел вампира, идущего по лужайке, бледного, с кучей зубов, лысого как колено, но у него был приказ даже не заикаться тому уроду о задержании.

— Это был мой приказ, — подтвердил Аркли.

Такер кивнул.

— А потом в два сорок ночи температура в больничном крыле упала на семь градусов. Вот у меня тут записано на компьютере. Сначала было шестьдесят два, потом стало пятьдесят пять.¹ В полтретьего снова поднялось до шестидесяти. У меня есть видеозапись чего-то бледного и размытого, движущегося по бассейну так быстро, что даже корректор

¹ По Фаренгейту.

изображения не помог разглядеть.

Такер прищурился.

— Если бы вас тут не было... Если бы тут были только мои люди...

— Я тут был. И все это время ситуация была под контролем.

Такер пристально изучал лицо Аркли, потом отвел взгляд и поскреб свою коротко стриженную голову.

— Да ладно. Чем еще могу вам помочь?

Кэкстон протянула ему свой КПК, и Такер уставился в изображения на экране.

— Это вампиры, которые были тут прошлой ночью, — объяснил Аркли. — Я хочу знать, похожи ли они на кого-то из людей в моем списке?

Такер застучал клавиатурой.

— Так, значит, список всех, кто работал тут за последние два года. Не могу сказать, что признаю кого-то из них, но давайте глянем.

Он развернул монитор так, чтобы всем было видно. На экране появился перечень имен, и Такер стал щелкать по всем подряд, показывая фотографии.

— Какая хитрая у вас база данных, — восхитилась Кэкстон.

Такер поджал губы и защелкал мышкой по именам.

— Она такой и должна быть. Не знаю, каким вам видится это место, но для меня это исправительное заведение. И я управляю им, как любой другой тюрьмой, — то есть веду очень строгую отчетность того, кто вошел и вышел отсюда.

— Вот, — сказал Аркли, — стой и сдай немного назад.

Такер так и сделал, и вскоре они уже смотрели на изображение некоего Эфраина Закапы Райса, электрика из Бюро тюрем, который прибыл на Домну «Арабелла» в прошлом году.

— Я помню этого парня, немного. Его прислали заменить несколько люминесцентных ламп и поставить синие лампы в больничном крыле, как хотел Хазлитт.

Мороз прошелся у Кэкстон по спине. Аркли нахмурился.

— Итак, он был достаточно близко, чтобы общаться с ней. Достаточно близко, чтобы получить по наследству проклятие.

Кэкстон хотела было задать вопрос, но тут вспомнила кое-что. Она ведь больше не причастна к этому делу. Она могла помогать Аркли в том качестве, какое он для нее сочтет подходящим, но отныне ее мысли и мнения не приветствовались. Она почувствовала странный укол разочарования, странный потому, что уж очень он был похож на то, что она чувствовала, когда ее целовала Клара. Словно она видела совершенно новое, захватывающее проявление жизни, зная при том, что ей никогда не доведется его изучить.

— Признаю, сходство есть, но это не ваш парень, — сказал Такер, возвращая ее к действительности.

— Это еще почему? — поинтересовался Аркли.

— Ну, он был только в больничном крыле, около часа. И всего лишь вкрутил несколько лампочек, а пока он это делал, я послал с ним троих офицеров службы исполнения наказаний. Если бы он попытался сделать что-то, они бы размазали его по полу — мы тут на Домне «Арабелла» не муму гоняем. И никто ни разу не был замечен разбрызгивающим кровь, слюну или что-либо мокрое.

Аркли кивнул, но было совершенно ясно, что Райса он со счетов не сбросил. Кэкстон уставилась на два изображения, одно — на ее КПК, другое — на мониторе компьютера. Между вампиром и электриком наблюдалось отдаленное сходство лба и носа. Но впрочем, было одно принципиальное различие.

— Он латинос, — сказала Кэкстон.

Фотография на компьютере изображала Райса с лицом насыщенного цвета ореховой скорлупы. Вампир, конечно, был бел, как снег.

— Другие, — протянул Аркли, — тоже делали эту ошибку. Другие, которые сейчас в гробу лежат. Когда вампир поднимается из могилы, его кожа теряет пигмент. И не имеет значения, кем он был раньше — черным, японцем или эскимосом, кончат они белыми. Ты

сама видела, — сказал он Кэкстон, — что вампиры вовсе не кавказцы. Они альбиносы. Этот, — он постучал пальцем по монитору, — один из них.

Такер не стал терять время и отправил в печать досье Райса. Кэкстон сбегала к принтеру, чтобы забрать распечатки.

— Дай-ка мне его ПМЖ, — попросил Аркли, имея в виду последнее место жительства. — Мы выгнали их из охотничьего домика. Им потребуется новое место для укрытия, и, наиболее вероятно, они вернутся туда, где им комфортнее.

Лора с легкостью нашла информацию, но покачала головой.

— Многоквартирный дом в Вилланова. Им это не понравится, так ведь? Слишком много шума, слишком много шансов быть замеченными, когда они появляются и пропадают.

Аркли кивнул.

— Больше тут ничего нет. Райс годами жил в одном и том же доме, по крайней мере, с две тысячи первого года. Слушайте, давайте я позвоню, может, удастся выяснить что-нибудь.

Может быть... может быть, если ей удастся добыть какую-нибудь важную информацию, Аркли не будет считать ее такой неумехой. Она обругала себя за то, что его мнение важно для ее самооценки. Что еще более глупого она могла натворить? Спокойно. Лора вынула свой сотовый из кармана и набрала один из номеров экстренной связи, который был одновременно номером управляющего многоквартирным домом. Когда она представилась полицейским офицером, управляющий стал сама любезность. Она выяснила все необходимые детали и отключила телефон.

— Ну и? — спросил Аркли.

— Эфраин Райс был милым парнем, одиноким, ни жены, ни подружки, ни родственников, которые навещали бы его. Управляющий домом решил, что он, наверное, был нелегальным иммигрантом, но доказательств у него не было.

— Чтобы приехать сюда, ему как минимум потребовалась грин-карта,¹ — внес ясность Такер.

Кэкстон кивнула.

— Человеку, с которым я разговаривала, Райс нравится ужасно, потому что пару лет назад он бесплатно решил проблему с рубильниками в доме. От местной полиции он узнал, что Эфраин Райс погиб семь месяцев назад во время несчастного случая по месту работы. Он сказал, что хотел сходить на его похороны, но, поскольку никто не забрал тело, его передали на быстрое захоронение за счет штата на кладбище для бедных в Филадельфии. У него хранится коробка с некоторыми личными вещами Райса, говорит, ничего особенного, просто немного одежды и предметов туалета. Квартира была меблирована, и Райс, по всей видимости, ничего из обстановки не покупал.

— Скорее похоже на призрак, чем на вампира, — высказался Такер.

Кэкстон пожала плечами.

— Из того, что я слышала, он производил впечатление жутко депрессивного человека. Кажется, единственное, на что он жаловался, так это на усталость. Управляющий домом предполагает, что он пропускал по несколько рабочих дней, особенно зимой. Судя по почте, которую он получал, он читал множество мужских журналов: «Плэйбой», «Эф Эйч Эм», «Максим», но никогда не ходил на свидания, словом, никаких проявлений социального поведения, кроме просмотра фильмов.

Аркли кивнул, будто все встало на свои места.

— Виртуальное ничтожество, о котором никто и не вспомнит, пропади он вдруг. Расскажи, как он умер.

— Несчастный случай на производстве. Он задел провод под напряжением или что-то в этом роде и умер от остановки сердца еще до того, как прибыла «скорая». Это то, что рассказал мне управляющий. — Она просмотрела распечатку, которая была у нее в руке. — Это случилось на электрической подстанции возле Кеннет-сквер.

Она еще раз глянула на бумагу.

¹ Вид на жительство в США.

— Давайте я еще раз позвоню.

Аркли стоял как вкопанный, пока она обзванивала офисы подстанции. Такер принялся раскладывать на компьютере «солитер», который ему пришлось закрыть, когда меньше чем через минуту она повесила телефон.

— Вам это понравится, — сказала она.

Брови Аркли взлетели наверх, к кромке волос.

— На подстанции он не работал. Он помогал ее разбирать. Подстанция была столетней давности, ее закрывали. Большинство местных зданий все еще стоят, но они законсервированы. Это означает, что окна домов забиты фанерой, а на дверях — висячие замки.

— Вампир может сорвать замок голыми руками, — сказал Аркли.

Его лицо начало расплываться в широкой улыбке.

— Вы сказали, они очень любят развалины. Не пора ли нам в дорогу? У нас осталось не так много светлого времени суток, но мы, по крайней мере, присмотримся к этому месту и, может, получим ордер на эксгумацию тела Райса.

Улыбка сползла с лица Аркли.

— Мы? — переспросил он.

Кэкстон уже собиралась ответить, но телефон зазвонил снова. Она подумала, наверное управляющий домом вспомнил еще какие-то детали, но это был не он — звонок был из штаб-квартиры полиции штата, из офиса комиссара.

— Патрульный Лора Кэкстон, — ответила она, поднося телефон к уху.

Когда помощник комиссара закончил излагать свое сообщение, она снова выключила телефон.

— Нам приказано немедленно явиться в Харрисбург, — сказала она.

— Нам? — еще раз переспросил Аркли.

— Нам, вам и мне. Комиссар требует нас к себе. Сказали, это срочно.

28

Когда они приехали, комиссар стоял в дверях — вот уж нехороший знак. Означал он одно: комиссар только и ждал, когда они окажутся в его руках. Они вошли в его кабинет и сели за стол. Воздух в комнате был горячим и застоявшимся, и Кэкстон пожалела, что нельзя расстегнуть верхнюю пуговицу форменной рубашки и ослабить галстук, этого бы ей не простили. На то и дресс-код, чтоб его соблюдать. Аркли сел, приняв свою странную позу, его сросшийся позвоночник не позволял усестись более комфортно. Аркли изо всех сил старался сделать вид, будто это самое обычное совещание, возможно, попытка разработать новую стратегию. Пока Кэкстон изнемогала от жары в неприятном молчании, комиссар возился за столом, не говоря ничего, занимаясь только бумагами и пленками записей.

Когда он закончил, с края стола свесились пять цветных распечаток, сантиметров двадцать пять на сорок. Портреты патрульных, снятых, вероятно, в день, когда они окончили академию. На них были шляпы со шнурками, затянутыми под подбородком (на следующий день, как знала Кэкстон, они будут носить их, перекинув шнурки за шею). Он выглянул из-за бумаг и посмотрел поверх ее плеча так, будто там уже виднелось светлое будущее.

— Хотите знать, как их звали? — спросил комиссар, дав им достаточно времени, чтобы рассмотреть портреты. — Это Эрик Штросс. И Шэйн Геркимер. И Филипп Тойнби. И...

— Меня оскорбляют ваши намеки.

— Я еще ни на что не намекал! — взорвался комиссар.

Он наклонился в кресле вперед и вцепился в один из оленьих рогов, превращенных в подставку для ручек и карандашей.

— Эти пятеро погибли прошлой ночью. Это было подразделение «Н», все они ответили на вызов с просьбой прислать подкрепление. Их смертям нет оправдания. Они должны были знать, как вести себя в рискованных ситуациях. То есть они не знали, чего им ждать. Они не

получили необходимой информации и погибли, ибо никто не сказал им, что они столкнутся с вампиром.

Кэкстон была сбита с толку. Она понимала: не ее дело высказываться сейчас, оба мужчины ждут, что она будет молчать все время допроса, но удержаться не смогла.

— Мы тоже не знали, когда вызывали их, — попыталась оправдаться она, но Аркли поднял руку вверх, прося помолчать.

Он посмотрел на собеседника с видом, что готов слушать дальше.

Комиссар издал горлом низкий рык.

— И давайте не забывать о тех двоих патрульных и местном полицейском, которые охраняли охотничий домик. Они погибли потому, что просто сидели на крыльце.

Кэкстон покачала головой. После предупреждения Аркли она не будет говорить, но она обязана была изобразить на лице непонимание.

— В тот лагерь я послал двух своих лучших следаков, — продолжал комиссар, глядя на нее так, словно хотел увидеть ее реакцию. — Это были горячие головы из Бюро расследования, отличники академии, охотники с рождения, ребята, выросшие в горах, — эти парни ходили на медведя с луками и возвращались с триумфом. Они своими руками сделали лабаз в ста ярдах от лагеря, хотели дожидаться того, кто вернется на место преступления. По крайней мере, таков был у них план до тех пор, пока этот ваш Аркли не вызвал их и не сказал, что они в совершенной безопасности могут посидеть на крыльце, где любой их может увидеть. А теперь они мертвы.

Лора перевела взгляд на Аркли. Он только кивнул. Должно быть, он позвонил им по телефону, пока она сидела с Вестой Полдер. Но зачем? С чего он взял, будто крыльцо было самым безопасным местом для патрульных? Как минимум он должен был подозревать, что немертвые вернутся обратно.

— У меня и их фотографии тут есть, — сказал комиссар, швырнув на стол несколько листов. — Хотите взглянуть?

Аркли поежился в кресле и прочистил горло, прежде чем начать говорить.

— Я не совсем понимаю, к чему вы клоните, но зато я знаю, что именно вы упустили. Вы не учитываете того, полковник, что мы боремся не с гангстерами, не с террористами и не с наркодилерами. Мы боремся с вампирами.

Комиссар перебил его.

— Думаю, я в курсе...

Аркли оборвал его.

— В средние века вампиры могли жить десятилетиями, не встречая сопротивления, питаясь по ночам людьми, чьей единственной защитой были щеколды на окнах и замки на дверях, и всегда, всегда, нужно было оказаться дома, до того как сядет солнце. Когда нужно было убить вампира, путь для этого был только один. В те времена не было ни ружей, ни, уж конечно, отбойных молотков. Охотники на вампиров собирали все способное передвигаться мужское население. И толпа шла на вампира с факелами, копьями и дрекольем, если надо. Очень многие погибали во время первой же атаки, но в конце концов остальным удавалось навалиться на вампира.

Он остановился и поднял палец вверх.

— Позволю себе уточнить: они в буквальном смысле наваливались на вампира, не давая ему убежать, прижимая его своими телами, подставляясь под его зубы, если нужно. Те, кто делал так, обычно погибали, когда вампир пытался освободиться. Довольно часто вампир все-таки освобождался, и все начиналось сначала. В конце концов наши предки брали верх, но только изрядно потеряв в численности. Мужчины — и мальчишки — в этих толпах не увиливали от своих обязанностей. Они понимали, что их ужасающие, горькие потери были единственным способом защитить их деревни и семьи.

Кипящий от злости комиссар вылез из-за стола и шагнул вперед так близко от Кэкстон, что ей пришлось сдвинуть колени, чтобы дать ему пройти.

— Я воспользуюсь этой историей, когда буду произносить речь на групповых

похоромах на следующей неделе. Уверен, это утешит семьи. Это поможет им понять, почему их детей пришлось кремировать, прежде чем кто-либо успел попрощаться с ними. Это поможет им понять, почему вы считаете возможным швырять их младенцев волкам.

Аркли поднялся, словно собираясь уходить.

— Мы покончим с этим прямо здесь и прямо сейчас, — сказал ему комиссар.

Аркли был выше. Ему пришлось опустить голову, чтобы сказать:

— У вас, как бы то ни было, нет полномочий приказывать мне.

И он и в самом деле повернулся, чтобы уйти.

— Стойте, маршал, — остановил его комиссар.

Аркли замер, но головы не повернул. Линия его спины была ровной. Он выглядел вовсе не как человек со сросшим позвончиком, он выглядел как тот, кому пристало держать меч в одной руке и знамя — в другой. В жарком замкнутом пространстве офиса он казался огромным и властным. Он выглядел как человек, который мог сражаться с вампирами. Кэкстон изумилась. Сможет ли она когда-нибудь хоть приблизительно стать похожей на него, иметь такую уверенность в себе.

— У меня есть полномочия приказывать ей, — сказал комиссар.

Аркли развернулся на месте.

— Я прямо сейчас отзываю патрульного Кэкстон от этого дела. Хотите со мной померяться силами? Я предъявлю ей обвинение в использовании запрещенных боеприпасов. Ха. Вот тут-то я вас сделал.

Аркли замер в абсолютной тишине, глядя сверху вниз на комиссара. Кэкстон не понимала, что происходит. Она была ничем и никем, разве что была способна делать телефонные звонки по поручению федерала. Но эти двое вели себя так, будто она может быть предметом торга. Что известно комиссару? Он знал что-то относительно мотивов Аркли, которые до сих пор были загадкой для нее.

— Она же вам нужна позарез, так? Я это понял, когда мы с вами встречались в последний раз. Я предлагал вам бывших морпехов и парней из отдела особых расследований, но вам понадобилась лишь маленькая девчушка из дорожного патруля. — Улыбка комиссара превратилась в щель, прорезавшую блестящее красное лицо прямо посередине. — Она особенная. Она какая-то особенная и поэтому нужна вам.

Аркли ждал, пока тот закончит. Потом прокашлялся, посмотрел на Кэкстон (взгляд был непостижимым) и сел обратно.

— О чем вы на самом деле меня просите? — сказал он наконец. — Выкладываете. Я человек занятой.

— Я хочу защитить своих патрульных, — ответил комиссар.

Его поведение неопишимо изменилось — он выиграл, и он знал это.

Он присел на край стола. Они с Аркли могли показаться двумя закадычными друзьями, выяснявшими, кто будет платить за ланч.

— Вот и все. Я хочу, чтобы вы дали мне делать мою работу. Всем, кто вовлечен в это расследование, нужны телохранители, так ведь? Еще два вампира должны быть убиты, но мы больше не можем терять сотрудников. Все должно быть сделано как по-писаному, с использованием наших наработанных приемов. Моих лучших приемов. Я не позволю больше использовать моих ребят как пушечное мясо.

У Кэкстон отвалилась челюсть.

— Очевидцы все рассказали мне о вас, Аркли. Я уже звонил вашему начальству в Вашингтон. Им было очень интересно услышать, как просто вы дали моим парням умереть, одному за другим, пока сами тянули время и скрывались в тени. Мои патрульные понятия не имели, что противостояло им, а вам плевать на это. За двадцать с лишним лет работы в силовых структурах я ни разу не слышал о таком...

— Заметано, — сказал Аркли.

— Я... вы... Постойте. Что вы хотите сказать? — Комиссар начал заикаться.

— Я хочу сказать, что согласен на ваши условия. Все остальное — вся эта чушь про

использование патрульных в качестве пушечного мяса и угрозы позвонить моему начальству несущественны. Плевать мне на то, что, по-вашему, произошло за последние две ночи. Я был там, а вы — нет. Как бы то ни было, если вы намерены держать патрульную Кэкстон в качестве заложницы, я соглашаюсь на ваши требования.

Голова Кэкстон в жарком офисе пошла кругом.

— Вы это обо мне? — переспросила она.

Что-то здесь было не так.

29

Аркли поднялся снова, и на этот раз он собирался уйти. Кэкстон просто чувствовала это.

— Еще вопросы? — спросил он.

Комиссар кивнул.

— О да. Я хочу знать о каждом вашем шаге. У меня так много вопросов, что отныне вы будете чувствовать себя как секретарша.

Аркли улыбнулся своей самой страшной, собирающей все лицо в складки улыбкой. Ее он использовал, когда хотел, чтобы кто-то почувствовал себя незначительным.

— Ну, сэр, я планирую набег на логово вампиров завтра на рассвете. Это мой следующий шаг. Мне потребуется некоторая поддержка на местности, и я думаю, ваши патрульные подходят для этого как нельзя лучше. Предпринимайте любые меры безопасности, какие вам угодно, — противогазы, кевларовые бронежилеты, что хотите, но пусть они будут готовы и ждут на станции, ближайшей к Кеннет-сквер, в четыре тридцать утра завтра. Патрульному Кэкстон там быть не нужно.

Он повернулся, чтобы посмотреть на нее, и послал ей улыбку нового типа. Эта выглядела немного грустной.

— Вы, барышня, можете выспаться. Вы мне здорово помогли, выяснив место, где скрывается Райс.

У нее хватило ума кивнуть и пожать ему руку. Он ушел, не попрощавшись, — ну, она этого и ожидала. Но ей нужно было выяснить у него еще кое-что.

Комиссар дал ей увольнение на весь оставшийся день. Сначала Лора припустила на автостоянку в надежде поймать Аркли, пока тот не уехал. Ей нужно было узнать ответ на вопрос, который она не могла задать в перегретом офисе. На парковке Аркли расписывался за свою собственную патрульную машину без номерного знака, чтобы не зависеть от ее автомобиля. Он, казалось, разозлился, когда увидел ее, но, по крайней мере, не уехал, пока она стояла там и ждала его.

— У меня есть право знать, — сказала она ему. — Вы сразу же сдались у комиссара в офисе, как только он попытался забрать меня из дела. Вы такой крутой, а стали прикрывать меня.

Она попыталась добавить самоуверенности в свою речь, но все равно это выглядело так, будто она сама сомневалась в своей пригодности как человеческого существа.

— Что во мне такого важного? Почему вы не можете отпустить меня?

Сначала она поверила в то, что, по его словам, она, прочитав его рапорт, была лучше всех подготовлена к борьбе против вампиров. Позднее она подумала, что он, должно быть, растит себе преемницу. Когда он привез ее к Полдерам, она поверила, что он действительно хочет сохранить ей жизнь и на самом деле беспокоится о ее безопасности. Но потом, после ее провала в охотничьем лагере, он хотел отослать ее. Она уже ничего не понимала, ни того, почему он дорожит ею, ни того, почему он ею пренебрегает. Почему он пытался защитить ее, но ему было наплевать, когда она была ранена.

— В ту ночь, когда я взялся за это дело, — сказал он спокойно, — в ночь, когда мы встретились, мертвый шел за тобой до твоего дома.

Что это означало, она тоже не поняла.

— Я помню, — ответила Лора.

— Ты ввязалась в это дело еще до меня. Ты — часть его. Вампиры знают о тебе и чего-то от тебя хотят. Я был бы дураком, если бы выпустил тебя из виду.

Она вспомнила, что он рассказывал о Хазлитте. Если кто-то решился стать твоим врагом, дай ему то, чего он хочет. Вампиры хотели ее. Они охотились за ней, чтобы сожрать ее так или иначе. Поэтому она могла болтаться в их зубастых пастьях, лишь бы Аркли смог подобраться к ним достаточно близко, чтобы дотянуться до их глоток.

— И это... все? — выдохнула она.

Сердце упало в груди. Все то время, пока она пыталась совершенствоваться, чтобы впечатлить его, было потрачено впустую.

— Это все, — сказал он.

Он открыл дверцу машины и забрался внутрь. Лора дала ему уехать.

Она была приманкой для вампиров. Вот и все, чем она была.

Она смотрела, как он уезжает. Она и понятия не имела, куда он направляется. Может, он сам хотел проверить подстанцию возле Кеннет-сквер или эксгумировать Эфраина Райса. А может, просто не хотел оставаться рядом с ней, может, боялся, что она начнет злиться.

Конечно, она была зла. И смущена. И печальна. И испугана. И лишь совсем немного спокойна.

Спокойна, ибо наконец выяснила, зачем она ему понадобилась при расследовании дела о вампирах. Теперь она знала, в чем можно поспорить с Аркли.

Она забрала свою машину и поехала по направлению к дому. Ее переутомленную голову немного успокаивал шорох шин по асфальту и звук работавшего двигателя. Она часто жмурилась и терла глаза, будто собиралась заплакать, но не плакала. Она даже не понимала, с чего бы ей вообще плакать. Из всех эмоций, боровшихся внутри нее, ни одна не была сильна настолько, чтобы потребовать такого выхода эмоций.

Ей хотелось есть, и она понимала, что будет плохо, если мысль о еде станет соревноваться с остальными мыслями. Лора притормозила у одного злачного местечка возле Ридинга, где делали хорошие сырные сэндвичи, и заказала себе «горе луковое», то есть сэндвич с луком, плавленым сыром и традиционными приправами. Она присела в маленькой кабинке со своим сэндвичем и диетической колой и принялась жевать. Это было здорово, но мысли ее были далеко, и вскоре язык перестал различать вкус. Она съела уже почти половину своего обеда, прежде чем остановилась на действительно важной мысли, той, которая вогнала ее в панику и заставила вскрикнуть.

Она зачем-то нужна вампирам. Что же в ней такого особенного? Немертвый, который в первую ночь шел до ее дома, был послан с какой-то миссией. Но с какой? Просто напугать ее? В таком случае им это удалось. Но она и мысли не допускала, что вампиры могут тратить время на то, чтобы просто нагнать на нее страху.

Она мысленно вернулась назад в поисках хоть малейшей зацепки, которая могла бы объяснить интерес вампиров. Она думала о случаях, над которыми работала прежде, но ничего не получалось. Она работала в дорожном патруле — что это могло значить для Малверн и ее выводка? Лора попыталась вспомнить автомобильные аварии, которые она видела, найти хоть какую-то связь, но ничего у нее не выходило. Она отправила нескольких человек в тюрьму за вождение в нетрезвом виде и за хранение наркотиков. Она ловила их, арестовывала, давала против них показания в суде. Нарушители были несчастными, надломленными людьми, которым пить или вкалывать себе наркотики хотелось сильнее, чем остаться на свободе. Никто из них не сопротивлялся чересчур сильно, и никто ни разу не взглянул ей в глаза, отправляясь в тюрьму. Как могли несколько пьяных бизнесменов и обдолбанных подростков иметь хоть какое-то отношение к Жюстине Малверн?

Значит, должно быть что-то личное. Но что? Она была не из тех, у кого много врагов. Впрочем, друзей у нее тоже было мало — это заставило ее вспомнить об Эфраине Райсе. Ничтожество, так назвал его Аркли. Кто-то с ненастоящей жизнью. Умри он, никто и не вспомнит. У Кэкстон была жизнь, хоть и посредственная, но, правда, в ней были белые пятна.

Ее родители умерли, а у нее не было ни братьев, ни сестер. У нее было несколько друзей в отряде, но встречались они редко. Когда они пили пиво с Кларой Су, это было первое посещение бара за долгие месяцы. Клара... Клара удивится, если узнает, что она пропала, но ненадолго. Диана будет подавлена, морально убита, но переменой в ее жизни в период после Кэкстон будет лишь то, что она вернется к своей матери-алкоголичке. Если единственный человек, который определял твою жизнь, не жил по-настоящему, то что же говорить о себе самой? У нее были собаки, которые будут очень скучать без нее, но собак Лора в расчет не брала.

Малверн искала четвертого кандидата, кого-то, кого можно добавить к ее выводу. Каждая клеточка тела Кэкстон кричала в этот миг. Она посмотрела на мешанину из сыра и лука на своей тарелке и почувствовала, как тошнота подкатывает к горлу. Неужели Малверн хочет... может... превратить ее в вампира?

Она вернулась в машину и бросилась домой. Ей хотелось забраться в тепло и безопасность, хоть ненадолго. Она наверняка проспит до завтрашнего утра, решила Лора, и пусть другие, более профессиональные люди едут на подстанцию.

Она знала дорогу домой как свои пять пальцев. Она могла ехать туда, наполовину засыпая, часто так и бывало. И все же когда она подъехала к своей парковке, она внезапно почувствовала, словно никогда не видела этого места. Будто в собственном доме она была гостьей.

Противны природе, не уставал повторять Аркли. Вампиры были осквернением самой природы. Так вот, значит, каково чувствовать это? Быть окруженным жизнью, теплом и комфортом и чувствовать, что ты чужой этому миру?

Она начала парковаться, но резко остановилась, ибо что-то услышала. Удар, звук бьющегося стекла, будто разбили окно. Она расстегнула кобуру и медленно, со всеми возможными предосторожностями шагнула на траву лужайки. Спереди дома ничего не было видно, поэтому она завернула за угол, по направлению к вольеру и сараю Дианы.

Обломки разбитого оконного стекла усыпали боковой дворик, длинные треугольные куски прислонились к стене дома. Кто-то одетый в толстовку с капюшоном, кажется мальчишка-подросток, стоял возле разбитого окна, положив руки на пустую раму. Казалось, он разговаривает с кем-то в доме.

— Стоять, — рявкнула Лора.

Парень повернулся к ней. Обрывки плоти свисали с его лица. Это был мертвый. Лора, не задумываясь, разрядила пистолет, и хрупкое тело мертвого разлетелось в клочья. Куски повалились на землю. От исходившей от них вони слезились глаза. Тем не менее Лора подошла ближе, намереваясь обыскать его карманы, и тогда наконец у нее появилась возможность заглянуть в окно.

Там стояла Диана, обнаженная до пояса, и ее раскинутые руки, утрюмое лицо и голая грудь сплошь были покрыты алой кровью.

30

— Боже, о боже, Ди, что он сделал с тобой? — всхлипывала Кэкстон.

Она обтерла лицо Дианы мокрой губкой и обнаружила трехдюймовую рану, тянущуюся вдоль подбородка. Такую рану придется зашивать, если ее удастся доставить в больницу, прежде чем она умрет от потери крови. Лора выбрала из пореза наиболее крупные осколки стекла, но кровь только пошла сильнее. Она открыла комод, где они хранили ножницы и шпагат, и нашла рулон плотного маскировочного скотча. Не придумав ничего лучше, она отлепила кусок нужной длины и заклеила им порез.

Диана взывала от боли. Плотно зажмуренные глаза распахнулись, а колени взлетели к подбородку, поскольку она лежала в кухне на полу. Руки были обернуты старой футболкой, которая уже промокла от крови. Все ее тело спереди тоже было изранено крошечными ранками и большими порезами. Кэкстон позвонила в 911, и те уже отправили неотложку, но

кровь все лилась и лилась.

— Что он с тобой сделал? — снова спрашивала Кэкстон, размазывая кровь теперь по своему лицу, пытаясь вытереть слезы.

Если «скорая» не придет быстро, она потеряет Диану так же, как потеряла свою мать. Больше она этого не вынесет.

— Что он с тобой сделал?

— Кто? — проскулила Диана.

Она была под гипнозом или же в шоке, когда Кэкстон нашла ее, но теперь уже приходила в себя, и боль накатывала на нее волнами. Лора успокаивала ее, гладила по рыжим волосам, но кровь все не останавливалась. Лора не знала, что делать, как спасти Диану. Ей самой хотелось кричать.

— Кто? — снова спросила Диана.

— Немертвый, та тварь за окном, — выдохнула Кэкстон.

— Не было там никого... — Диана запнулась, взыв от боли. — Никого. Никого, только я одна... Кажется, я никак не могла проснуться, мне снился сон, а я не могла, не могла... — Она закричала снова, и Кэкстон схватила ее и прижала к себе.

Кэкстон плакала так сильно, что уже не видела, где есть кровь, а где ее нет.

— Мне снилось, что тебя давит этот... этот... этот тяжеленный камень, и твои внутренности вылезают наружу, и все в твоей крови. Я проснулась, но только наполовину и все видела твое тело, разодранное на куски, я все видела его, даже с закрытыми глазами.

— Шшш, — шептала Кэкстон, крепче сжимая Диану. Но потом испугалась, что если она сожмет сильнее ее раны, они снова могут открыться, и ослабила хватку.

— Я пришла сюда, — проскулила Диана, — в кухню, потому что услышала, как что-то разбилось, какое-то стекло. Я подошла к окну, а на нем трещина, сверху и вбок, а по трещине льется кровь. Я не могла видеть это, поэтому попыталась стереть кровь рукой. Но тогда крови стало еще больше, и когда я нажала на трещину, стекло разлетелось и оказалось повсюду.

Диана зарылась лицом в рубашку Кэкстон.

— Повсюду была кровь.

В спальне что-то ударилось о пол. Кэкстон подняла глаза, снова испугавшись внезапности произошедшего. Чей-то голос тихо выругался по-испански, голос был не человеческий.

В доме был еще один немертвый.

— Ди, я должна уйти на секундочку, — прошептала Лора. — Я должна кое-что сделать, все будет в порядке.

— Нет, — взмолилась Диана.

— С тобой все будет нормально. «Скорая» будет здесь через минуту. Просто делай все, что скажут врачи, а я сейчас вернусь.

— Нет, пожалуйста, пожалуйста, не бросай меня, — скулила Диана.

Но это было бесполезно. Кэкстон осторожно положила ее на спину на пол. Осмотрела скотч на щеке, увидела, что тот начал отклеиваться. Прилепила его снова. Лора вытащила пистолет и скользнула в прихожую, по направлению к спальне.

— Тыквочка, вернись! — вскрикнула Диана. — Мне больно!

Кэкстон знала, что нужно делать. Она шагнула в спальню. Немертвый, одетый в бейсболку и футболку с номером, стоял возле двери в туалет. Он опрокинул ночной столик, и радиобудильник, разбитый, лежал на паркете.

— Hostia puta,¹ — проскрипел незванный гость.

Он глянул из стороны в сторону, раскинутые руки упирались в стену. Было совершенно ясно: он прикидывал, что делать дальше. Он уже пересек всю комнату и находился недалеко от открытого окна. Он мог бы с легкостью удрать, бегай он быстрее.

Не успел он сделать и трех шагов, как Кэкстон сбила его с ног, и он упал на пол.

¹ Святая курва (исп.).

Немертвый вскрикнул, но Лора изо всех сил придавила его копчик и низ спины, поэтому он мог только дергать руками и ногами, словно пытался уплыть.

— Что ты с ней сделал? — спросила Лора как можно более холодным тоном.

Если она потеряет самообладание, она просто расколет ему башку, и на этом все кончится. Не то чтобы она этого не хотела, но информация была ей нужнее, чем месть.

— Говори, и я тебя отпущу.

— *La concha de tu hermana!*¹ — завопил немертвый, извиваясь под ней, пытаясь освободиться.

Лора была сильнее, и он, должно быть, понял это. Освободиться, не порвав при этом себя на куски, он не смог бы.

— Ты пришел за мной, так? Тебе нужна была я, но ты попытался убить Диану. Зачем? Зачем?

Она прыгала у него на спине снова и снова, пока немертвый не взвыл.

— Чтоб я знал, кто вы такая, дамочка! — завопил он по-английски. — Понятия не имею.

— Ты пришел сюда за мной. Говори зачем.

Немертвый затрясся как осиновый лист.

— Если я скажу хоть что-нибудь, он меня покровсает.

— Кто «он»? Вампир, Райс?

— Нет, блин, президент Буш!

Немертвый под ней закричал, застонал и оторвал корпус на дюйм от пола, поднимая при этом и Лору невероятным усилием воли. Но со стоном отчаяния он опять рухнул навзничь.

— *Me sago en Jesus y la Virgen*² убей меня прямо тут, и дело с концом, а?

Кэстон подумала об Аркли, о том, что федерал вытащил бы из него максимум информации. Она знала, что он стал бы пытаться немертвого. Он сделал бы с ним именно то, чего немертвый так боялся, оказался он в руках вампира. Немертвый боялся не столько забвения, сколько боли. Тогда она сказала Аркли, что не перенесет зрелища пыток.

Все так, но вот только тогда никто не пытался убить Диану.

Лора потянулась вниз и схватила немертвого за указательный палец левой руки. На ощупь он оказался каким-то не таким, совсем не человеческим. Кожи на нем вовсе не было, и очень мало мышц — все равно что взяться за сырое свиное ребрышко. Лора вывернула его изо всех сил, и палец оторвался от руки немертвого.

— *Соно!*³ — Немертвый издал вопль, исполненный чистой, ужасающей, совершенной боли.

Оторванный палец извивался у нее в ладони, словно сороконожка. Лора отшвырнула его прочь. Потом потянулась и схватилась за средний палец той же руки. Она дала немертвому секунду на то, чтобы прикинуть, что произойдет дальше, а потом, не сказав ни слова, оторвала и этот.

Когда он наконец заговорил, на левой руке остался только большой палец.

— Он велел нам прийти сюда и схватить того, кого я найду тут, вот и все, леди, прошу, хватит.

— Кто велел? Эфраин Райс?

— Да, он! Он велел схватить вас, вашу подружку-tortillera,⁴ ваших собак, кого угодно, кто будет тут. Он даже сказал как, через *hechizo*.

Лора схватила его за большой палец и поинтересовалась, что это за *hechizo* такое.

— Это заклинание, волшебное заклинание! Эй, леди, я рассказал вам все, что вы хотели, будьте милосердны, а?

1 Сестру твою за ногу! (исп.).

2 Срал я и на Иисусе Христе, и на Деву Марию! (исп.).

3 Сука (исп.).

4 Лесбиянка (исп.).

— Ты ее загипнотизировал? Ты загипнотизировал Диану, да?

Немертвый затрясся снова, но с каждой минутой он становился все слабее. Крови в нем не было, но боль, казалось, отнимает у него последние силы.

— Да, но оно работает только тогда, когда спишь и видишь сны.

— Почему к нам? Почему он послал вас в этот дом?

— Он нам этого не сказал. Он не посвящает нас в свои грандиозные планы. Он просто сказал «vamos»,¹ и я пошел. Хватит, леди, хватит. Я сказал все, что знал.

За стенами дома взвыла сирена. Кэкстон услышала, как захлопали двери и в дом вбежали люди.

— Хорошо, — сказала она.

Потом взяла пистолет и треснула им немертвого по затылку. Он тотчас же прекратил извиваться. Медленно, преодолевая сопротивление одежды, слипшейся там, где в складках засохла кровь, она поднялась с пола и убрала пистолет в кобуру. Потом дошла до кухни и впустила врача. Диана лежала на полу, свернувшись в клубок, горько плача. Ее кровь была повсюду.

31

Носилки пронесли мимо лица Кэкстон менее чем в десяти сантиметрах. Их на большой скорости втолкнули по главному пандусу входа в отделение скорой помощи, но Лоре казалось, будто они проплывали мимо сами собой, долго-долго, сквозь бесконечное пространство. Тело на носилках было всего лишь грудой окровавленного тряпья. Лора даже не видела лица. Но затем тело протянуло к ней руку. Кожа была обожжена и местами отвалилась. Густая свернувшаяся кровь запеклась между пальцами. Лора даже не могла сказать, мужская это или женская рука.

И все-таки она потянулась и дотронулась до нее. Пальцы обвились вокруг ее руки, но потом рука отдернулась, носилки взлетели вверх по пандусу. Кто-то крикнул, чтобы готовили плазму, и Лора зажмурилась и попыталась собраться с мыслями.

Она сидела в приемном покое уже несколько часов в полном бездействии — только бесконечная череда обезображенных тел проносилась мимо. Сидеть в приемной вообще-то не полагалось — тут был зал ожидания для таких, как она, где были телевизоры и куча женских журналов, — но должность копа имеет свои преимущества. Большинство из медперсонала «скорой» и медсестер даже не достаивали ее взглядом; они решали, что она, наверное, охраняет вход. На деле же это позволяло ей на пару сотен футов быть ближе к Диане. В операционную и послеоперационную палату ее не пустили бы. Приемный покой был самой ближней точкой, куда она могла добраться.

Та рука. Она, казалось, была чем-то из ее снов, но Лора знала, что она настоящая. Она прикоснулась к ней. Лора опустила глаза и увидела кровь на своих пальцах. Ее рука пахла чем-то вроде бензина и прочей дряни, запах, который она слишком хорошо знала. Запах настоящего серьезной автокатастрофы. Рука была настоящей, теплой и живой.

Не как у немертвого, которого она пыталась и прикончила на полу своей спальни. Не как у вампиров, которые явились, чтобы разрушить ее жизнь.

Кэкстон вздохнула и, скрестив руки, принялась ждать. Она попыталась читать журнал, но мысли шли вразброд. Образы и слова беспрепятственно влетали в ее голову.

Даже не мысли о расследовании, даже не воспоминания о Диане, просто странные крошечные обрывки мыслей. Она подумала, не скиснет ли молоко на кухонном столе. На кухне, должно быть, так же холодно, как на улице, поскольку окно разбито. Кто угодно мог легко забраться в ту дыру, которая была когда-то окном, — нужно позвонить кому-нибудь, пусть проверят дом, по крайней мере, может, забьют дыру фанерой. Если так, то можно попросить их войти внутрь и убрать молоко в холодильник.

Она никак не могла остановить поток мыслей. Но ничего не получалось. Только сон мог

¹ Иди (исп.).

вернуть мозги на место, но до сна было еще далеко. Эти банальные, бесконечно ничтожные мысли преследовали свою цель, такую же мучительную, как они сами. Они не давали ей думать о важном, действительно важном. О том, что ее пугало.

О том, что вампиры хотели ее смерти. Так хотели, что прислали своих слуг убить всех в ее доме. Всех. Немертвые перебили бы всех собак, наверное, просто для порядка.

О том, что Аркли отвернулся от нее. Она даже не могла рассчитывать на его помощь в защите от тех темных тварей, которые жаждали отнять ее жизнь. Он с ней покончил, у него были свои планы на нее, но ей не было предназначено стать активной участницей его расследования. Она думала: есть ли разница между теми людьми, которых гипнозом притягивают к разбитому окну... и теми, у кого химия мозга отказывает в один прекрасный день и они вешаются у себя в спальне? У ее матери была хорошая работа и куча денег. У нее была совершенно идеальная дочь, ради которой можно было бы жить, хороший дом, партнеры по бриджу, церковная община, званые обеды. Праздники. Семья. Каникулы. Отдых. Ее самоубийство стало совершеннейшей загадкой для всех, кто знал ее. Это на самом деле была ошибка, это просто должно было быть ошибкой.

У Дианы в жизни не было ничего, за что можно было бы цепляться. Работы не было, семья отвергла ее за то, кем она была. Ее партнерша старалась заботиться о ней, но просто у нее не было времени быть рядом с ней. Нет будущего. Искусство, которое никто не понимал.

Будь это суицидом, нашла бы ты извинения? Если бы ты была к нему причастна?

— Офицер, — сказал кто-то поблизости.

Он показался ей привидением, таким же, какое позвало ее в амбаре Ури Полдера. Идущий из ниоткуда бесплотный голос.

— Офицер, — снова позвал этот голос.

Кэкстон нахмурилась и повернула голову. Там стояла сиделка в запачканном кровью зеленом халате, женщина средних лет с седыми волосами, забранными в пучок на макушке. На ней были плотные перчатки вроде тех, в каких обычно моют посуду.

— Офицер, она пришла в себя, — сказала сиделка.

Кэкстон последовала за ней по коридорам, сворачивая снова и снова, поднималась по лестницам. Если ей придется возвращаться самой, она может и заблудиться. Они вошли в палату улучшенного обслуживания, с двумя кроватями. На одной лежала болезненно тучная женщина, ее ноги и бедра были в гипсе. На грудь была наброшена хирургическая накидка. На другой лежало что-то сшитое из разрозненных кусков.

Иисусе, поняла вдруг Лора, это же Диана.

— Ты выглядишь как чудовище Франкенштейна.

Диана попыталась улыбнуться, но швы на подбородке не дали широко раскрыть рот.

— Ты бросила меня... Тыквочка.

Кэкстон сняла шляпу и нагнулась, чтобы поцеловать Диану в распухшие губы. Тучная женщина на соседней койке брезгливо фыркнула, но Кэкстон давно уже научилась игнорировать этот звук. Она выпрямилась, чтобы лучше рассмотреть Диану. Со второго взгляда картина не улучшилась. Поблескивавшие скобы скрепляли одну сторону лица Дианы. Острые концы швов, черные и грубые, как конский волос, вылезали из тканей у нее на груди и плечах, а руки были обернуты белыми бинтами, но вид был такой, словно она надела кровавого цвета митенки.

— Ты бросила меня совершенно одну, — сказала Диана.

— Не разговаривай, Ди. Просто отдыхай. — Кэкстон потянулась и нежно дотронулась до скоб сбоку ее лица.

Они были настоящие, твердые, а лицо под ними было красным и воспаленным.

В палату вошел доктор. Кэкстон даже не взглянула на него. Она не отрывала взгляда от глаз Дианы и никак не могла уйти.

— Я хотел привести к ней кого-нибудь поговорить. Я знаю, вам это, скорее всего, не понравится, но не уверен, что у вас есть право меня останавливать. Короче... вы состоите в браке?

Нет, они не были в браке. Они этим не интересовались, поскольку никогда не афишировали себя перед законом. Но это не имело значения.

— Я не возражаю, — ответила Кэкстон.

Она потянулась к рукам Дианы, но они были так жестоко повреждены, что прикоснуться к ним ей не захотелось. Вместо этого она взялась за поручень спинки кровати. Диана запротестовала, но Кэкстон только тихонечко повела подбородком влево-вправо и шепнула:

— Тссс... Это только для разговора.

— Ей здорово повезло, учитывая все обстоятельства. Она легко могла погибнуть. Она потеряла много крови, а некоторые осколки стекла вошли очень глубоко. Мы подождем и посмотрим, не повреждены ли нервы у нее на руках. Порез на губе, скорее всего, потребует пластической операции, но даже тогда шрам останется.

Кэкстон держалась за поручень, ей казалось, если она его выпустит, ее унесет в какое-то темное море. Все не важно, говорила она себе. Диана жива. По крайней мере, будет жить до тех пор, пока кто-то снова не попытается убить ее. Может быть, в следующий раз Райс лично придет за ней.

— Я собираюсь вызвать охрану, чтобы наблюдать за этой палатой, доктор. Была совершена попытка убийства.

Слова, прозвучавшие из ее уст, показались смешными, словно она что-то сочиняла. Но это было на самом деле так, попыталась убедить себя Лора, это было на самом деле.

— Я останусь с ней до тех пор, пока не явится моя первая смена.

— Очень хорошо. — Доктор отошел, чтобы осмотреть тучную пациентку на соседней кровати. — Сейчас почти два часа, но я позвоню на пост и скажу, чтобы вам тут помогли устроиться.

— Два часа? — изумилась Кэкстон.

Она взглянула на часы и увидела, что он был прав.

— Черт. Ди, солнышко, — сказала она, — мне нужно идти.

— Пашему? — спросила Диана.

— Мне нужно попасть в одно место.

Это было то, что она решила за долгие часы ожидания в приемном покое. Это был ее следующий шаг.

32

Кэкстон все не могла взять в толк, как застегнуть бронежилет на поясе. Один из парней районной оперативной группы помог ей, плотно стянув его сзади и защелкнув пряжку. Он также помог ей надеть наколенники, защиту для подбородка и наплечники. Со шлемом она справилась самостоятельно.

— Ларри Рейнольдс, — представился ей парень и протянул одетую в перчатку руку.

Она пожала ее и назвала себя.

— Простите, что я со всеми этими штуковинами на вы. Я впервые надеваю снаряжение для уличных боев. — Она смущенно поежилась и потом призналась: — Вообще-то я дорожный патрульный.

— Ты была на том вампирском убийстве пару недель назад, да? Нам так сказали.

У Рейнольдса под глазами лежала черная краска, поэтому понять их выражение было трудно. Лора не могла определить, раздражен ли он оттого, что ему дали такую неопытную соплячку, как она, и тщательно это скрывал, или же он и в самом деле пытался быть дружелюбным.

— Не отставай от нас, держи голову ниже, и все будет нормально.

Тут пришел другой сотрудник РОГа и шлепнул Рейнольдса по верху его шлема.

— Держать голову ниже — это девяносто процентов работы Лари.

Рейнольдс притворно дал пинка по почкам этому новому парню, и они сорвались с места, хохоча и пританцовывая друг возле друга, ни дать ни взять борзые Кэкстон.

— Я — Де Форрест, я буду твоей стюардессой сегодня утром, — сказал ей новый парень.

Он взял захватом шею и плечо Рейнольдса.

— Надеюсь, вам понравится путешествие авиалиниями «Мясорубка».

Кэкстон понятия не имела, о чем он говорит, но на всякий случай улыбнулась. Чтобы оказаться приписанной к этому наряду, пришлось немало просить, и ей бы не хотелось, чтобы парней из РОГа раздражало ее присутствие. Когда пришла женщина в снаряжении для уличного боя и предложила ей кофе из термоса, она приняла его со всем возможным изяществом.

По правде говоря, кофеин был нужен ей так же, как и участие в этой операции. Она не спала ни минуты с прошлого дня, когда встала и поняла, зачем вампиры опустошили Битумен Холлоу. Руки у нее дрожали, и если она смотрела на что-то слишком близко или слишком долго, то очертания становились неясными и расплывчатыми.

— Они, конечно, инфантильны, знаю, но парни хорошие, — заметила женщина с кофе. — Де Форрест был пожарным, прежде чем перешел на эту работу. Там ему было скучно, говорит. Я предположила, что он просто хотел побаловаться с оружием, как большинство тех, кто оказывается в РОГе. Но он никогда — ни разу — не разряжал оружия, с тех пор как работает с нами, даже когда преступники стреляют в него. Рейнольдс ему в прошлом году плечо выбил, когда вытаскивали пятилетнего ребенка из-под трейлера, опрокинутого торнадо.

— Ну ничего себе, — ахнула Кэкстон.

— Я — Сьюзи Йесурога. Капитан Сьюзи, — сказала женщина и пожала руку Кэкстон.

— Лора Кэкстон. Патрульный.

Капитан Сьюзи улыбнулась.

— Я отлично знаю, кто вы такая. Нас всех проинформировали о случае с вампиром, которого вы с таким трудом одолели на триста двадцать втором шоссе. Комиссар заставил нас ознакомиться с деталями. Сегодняшняя вылазка будет чуть менее опасна, учитывая хорошие дневные условия и особые предосторожности, которые мы предпринимаем. Но я все равно рада, что вы идете с нами. Хотите начать?

Все четверо закончили надевать обмундирование, проверили снаряжение и оружие. Им выдавали карабины М4 — штурмовые винтовки военного образца с подствольным дробовиком. Кэкстон также взяла с собой свою «беретту», заряженную разрывными пулями. У остальных тоже было личное оружие: боевые ножи, револьверы, слезоточивый газ и дымовые гранаты. Судя по снаряжению, которое использовалось для операции, назначение у РОГа было самое узкое. Все вместе они вышли из раздевалки харрисбургской штаб-квартиры и спустились на парковку, отгороженную рядом деревьев. Темнота, тронутая глубокой, густой синевой приближающегося рассвета, легла на парковку шерстяным одеялом. Там их ждал Аркли, никакого бронежилета на нем не было, только его пальто. Оно было расстегнуто, и Лора увидела, что никакого оружия, кроме «глока» с тринадцатью пулями, у него тоже не было.

— Капитан, — сказал Аркли, когда они поприветствовали его. — Я еще раз выражаю свое желание оставить здесь вот это средство передвижения.

Он указал подбородком на огромный белый фургон, который занимал на парковке два места. Он был создан на базе многоцелевого автомобиля повышенной проходимости — «хаммера-М998», но был увешан оружием так, словно на нем предполагалось ездить по Тикриту,¹ а не по Скрэнтону.² Тяжелые металлические пластины были вмонтированы в двери, капот, крышу, а все окна были почти полностью загорожены, если не считать небольших щелей. Даже шины фургона были укреплены тяжелыми цепями. На крыше было приделано

¹ Город в Ираке, где некоторое время скрывался Саддам Хусейн, его «последнее убежище», как говорилось в американской прессе.

² Шестой по величине город в Пенсильвании.

то, что можно было принять за самодельную картофельную пушку.¹

— Должна признаться, он слишком шумит на большой скорости, — сказала Аркли капитан Сьюзи. — Вы боитесь, что мы разбудим вампиров?

Верхняя губа Аркли с отвращением изогнулась.

— Нет. Вампиры днем не спят. Они в буквальном смысле слова умирают каждое утро. Меня беспокоят мертвые.

Капитан Сьюзи только плечами пожала.

— Комиссар отдал мне свои приказания. Можете поговорить с ним, если хотите изменить план, но он до девяти даже в офис не приходит. А я уже отправляюсь в дорогу.

Аркли сузил глаза, но кивнул и с гордым видом отошел к своей патрульной машине без номеров, которая в сравнении с фургоном выглядела крошечной.

Один за другим роговцы забрались в бронированный фургон. Внутри было напихано столько оборудования, что четверым участникам команды с их облачением еле-еле хватило места. Рейнольдс сел за руль, а Де Форрестер взялся за оружие в буквальном смысле, потому что ехал он с дробовиком в руках. Капитан Сьюзи сидела с Кэкстон на заднем сиденье.

Из главного здания вышел человек в расстегнутой форменной рубашке и с небритым лицом. Кэкстон узнала коменданта стрельбища из отдела тестирования наименее смертоносного оружия, того самого, который снабдил ее патронами с крестообразной насечкой. Он откинул капот бронированного автомобиля и с минуту занимался двигателем.

— Старик никак не может оставить свою малышку без присмотра, — хихикнул Де Форрест, поворачиваясь в кресле, чтобы взглянуть на Лору, при этом шлем его уперся в подголовник кресла и съехал на один глаз. — Это он построил «Мясорубку», с самого первого штриха на бумаге.

— Я так понимаю, мы сидим в этой самой «Мясорубке»? — уточнила Кэкстон.

Рейнольдс фыркнул.

— Ага. Ну не для охоты же на вампиров она создавалась. Старик разработал ее для контроля над толпой, понимаешь, на демонстрациях, акциях протеста, восстаниях и прочем. А еще мы иногда зовем ее «Слабительным».

Кэкстон попыталась вникнуть в смысл сказанного, но усталый мозг никак не мог уловить его.

— Это еще почему? — спросила она наконец.

— Потому что, — объяснил Де Форрест, едва сдерживая смех, — когда едешь в ней на хиппи, то от них ничего, кроме какашек, не остается.

— Вот ведь грубияны! — возмутилась капитан Сьюзи, когда Де Форрест и Рейнольдс заржали, глядя друг на друга.

Она повернулась к Кэкстон.

— Я просто уверена, мне придется делать это еще раз сто на дню, но сейчас я в первый раз приношу официальные извинения за моих подчиненных. Рейнольдс, ты забыл, как пользоваться переключателем скоростей, или мы ждем, пока вампир сдохнет от старости? А ну, поживее!

— Слушаюсь, мэм! — рявкнул Рейнольдс, и бронированный автомобиль взревел со звуком падающих с горы булыжников.

Комендант стрельбища махнул им рукой и принялся застегивать рубашку.

Они двинулись по шоссе вслед за машиной Аркли, пустившись в долгую дорогу к Кеннет-сквер, которая тянулась вдоль границы Делавера. Бронированный автомобиль скрипел, из-за рева мотора невозможно было разговаривать, и в кабине ее бы не расслышали, но Кэкстон это не расстраивало. Она едва ли могла сложить в уме осмысленное предложение, не говоря уже о том, чтобы произнести его.

Чтобы заглянуть в смотровую щель окна, Лоре пришлось бы нагнуться прямо напротив двери, что означало подвергнуть свои кости непрерывной качке и тряске, ибо тяжелый

¹ Картофельная пушка — (англ. Air cannon или spud gun) — метательное или огнестрельное орудие, в качестве снарядов которого используются картофель, мандарины, яблоки, теннисные мячи и так далее.

фургон швыряло из стороны в сторону на малейших неровностях дороги. Впрочем, это бы она пережила. Она смотрела, как проносятся мимо пригородные луга, посеребренные морозом и темные от палой листвы. Когда они отъехали далеко от города, глаз Лоры отдыхал на правильной геометрии фермерских полей или на колышущихся, трепещущих ветках деревьев, низко склонившихся над дорогой.

Каждый раз, закрывая глаза, она видела череп и чувствовала извивающиеся кости пальцев, корчившиеся у нее на ладони. Она видела окровавленную Диану. Вспоминала, каково это, быть загипнотизированной вампиром, чувствовать, будто тебя затягивает смерть, словно воздух превратился в стекло, а ты застыла внутри его. Она потянулась и дотронулась рукой до амулета Весты Полдер через толстую синтетику и кевларовые листы бронежилета.

Когда солнце, похожее на осколок стекла лимонного цвета, начало выбираться из-за гор, ей стало немного лучше. Она поднимала оружие против твари, которая пыталась убить ее и которая едва не убила Дину. Аркли, когда услышал, что она просит разрешить ей участвовать в его рейде, высказался категорически против. И хотя он ни разу не озвучил ей свой запрет, ему казалось, что он выразился достаточно ясно. Он не хотел, чтобы она была втянута в это. Он не верил, что она справится.

Она рассказала ему, как пыталась оживить мертвого, как отрывала этому убудку пальцы, и Аркли в конце концов дал свое согласие. Он так и не сказал, что все в порядке, но прекратил так яростно настаивать, чтобы она осталась в стороне. Что она хотела, то и получила.

33

У Ланкастера им пришлось остановиться для заправки. Когда прыгающий, раскачивающийся фургон наконец замер, наступившая тишина и спокойствие повергли Кэкстон в шок. Она вылезла из «Мясорубки», чтобы размять ноги, и прислонилась к борту автомобиля вместе с капитаном Сьюзи, пока Де Форрест заливал бензин. Ему пришлось открутить с борта бронированный лист, чтобы добраться до топливного бака. На заправочной станции продавец смотрел на них печальным взглядом, словно каждое утро только и видел, что дорожных патрульных в полной боевой амуниции. В конце концов Кэкстон поняла, что он спит с открытыми глазами, сидя в своем кресле. Наверное, они были первыми посетителями в это утро.

Внезапно Де Форрест застыл, как раз в тот момент, когда Кэкстон подумывала, не разбудить ли продавца и не купить ли чего-нибудь перекусить. РОГовец закрыл кран и отошел от автомата. Он посмотрел на капитана Сьюзи и без слов указал на ряд деревьев за автострадой.

— Вон там, — сказал он.

— Вы тоже это заметили, Кэкстон? — спросила капитан Сьюзи.

Ледяные иглы страха пронзили ее сердце.

— Заметила... что? — уточнила она.

Лора всмотрелась в голые деревья, ища рваные лица мертвых, поразительно белую кожу вампиров или просто любое движение. Потом она заметила темные пятна, мечущиеся среди деревьев и планирующие на ветки, словно тени.

Улыбка чуть тронула ее губы, и она повернулась, качая головой. Сотрудники РОГа позади нее уже упали на одно колено, приняв позу для стрельбы, подняв и вскинув на плечо винтовки. Все были ужасно серьезны. Они были напуганы до смерти и все смотрели на нее.

— Это просто летучие мыши, — сказала Лора. — Они ночные животные, а солнце уже всходит. Они летят домой.

Она пожала плечами.

— Летучие мыши.

Капитан Сьюзи нахмурилась, опустила ствол, но боевую позицию не сменила.

— Так значит, опасности нет?

— Нет, — ответила Кэкстон. — У них с вампирами нет ничего общего. Это просто миф.

И вдруг она с изумлением поняла, что роговцы вовсе не досаждают на ее присутствие, они рады, что она едет с ними, ведь для них она была опытным охотником за вампирами.

И понадеялась, что успех миссии не будет зависеть от ее оценок.

К Кеннет-сквер они прибыли в то время, когда белые линии на дорожном покрытии засветились и будто бы поплыли на черном асфальте в рассветных лучах. Но вероятно, это мерещилось Кэкстон от недостатка сна.

Солнце взбиралось ввысь, а они двигались по маленькому городку, который, судя по карте, был в буквальном смысле квадратным.

— Чем это пахнет? — спросил Рейнольдс.

Кэкстон тоже заметила этот густой, землистый запах, который совершенно неожиданно превратился в абсолютно омерзительный.

— Это грибная столица мира, — пояснила им капитан Сьюзи. — Вы что, не знали? А пахнет той субстанцией, на которой выращивают грибы.

Де Форрет принялся.

— Дерьмом, что ли?

Капитан Сьюзи пожала плечами.

— Скажем так, навозом. Они складывают его в такие длинные сараи и держат там, пока он не перепреет. Эта часть штата пахнет так большую часть года. Мне пришлось жить тут поблизости. Придется привыкать.

— Придется привыкнуть к запаху преющего дерьма? — уточнил Рейнольдс, словно прикидывая масштабы проекта.

— Привыкнешь, и даже замечать не будешь, — сказала капитан Сьюзи. — Через пару дней привыкаешь ко всему.

«А к пыткам? — подумала Кэкстон. — К пыткам привыкаешь, когда добываешь информацию из своих врагов?»

Она боялась ответа.

Они миновали скопление железнодорожных путей, через которые «Мясорубка» неуклюже перевалилась, и оказались на месте — на подстанции. В убежище Эфраина Райса, если им повезло. Или не повезло.

Кэкстон проверила оружие, механизм, вытащила обойму и загнала обратно. Роговцы последовали ее примеру. Аркли притормозил у забора подстанции и вылез наружу.

— Что он делает? — изумилась капитан Сьюзи.

Федерал ответил сам. Сунув в ухо наушник, он коснулся крошечного микрофона, и рация в автомобиле крикнула. Де Форрест нажал несколько кнопок.

— Еще раз повторите, — велел он.

— Я говорю, что иду туда пешком, — ответил им Аркли. — Вы можете делать что хотите, но это место никак не подходит для военного парада.

— Это он так над вашим фургоном издевается, — заметила Кэкстон капитану Сьюзи.

Женщина нахмурилась.

— Да пусть он хоть над моим шнобелем издевается, но я наружу не полезу, на прогулку меня не тянет, — сказала она без тени улыбки.

Подстанция занимала около двух акров¹ земли и была окружена по периметру где кирпичной стеной, где сеткой-рабицей. В РОГе уцелели планы этого места. Годом раньше подстанция была списана местным поставщиком коммунальных услуг (новая подстанция — больше, лучше и безопаснее — уже была построена и введена в эксплуатацию), и бригады рабочих все еще разбирали ее. Это был не просто демонтаж — тут, внутри огромных трансформаторов, находились различные вредные химические вещества и соединения, заполнявшие основную часть оборудования подстанции, от элегаза² до жидких ПХД.³

¹ Акр — 1,404 га.

² Элегаз — гексафторид серы, бесцветный, нетоксичный, негорючий газ, используемый в электротехнике в качестве диэлектрика.

³ Полихлорированные дифенилы, группа ядовитых органических соединений, используемых в электронике как изоляторы.

Трансформаторы разбирали по кусочкам только профессионалы — инженеры-электрики, — в частности, такие как Эфраин Райс — до того как он погиб.

У владельцев подстанции Аркли получил разрешение на обыск территории. Они отдали ему ключ от навесного замка на воротах. Федерал думал, что Райс сменил замок, но ключ подошел. Аркли толкнул тяжелые ворота и вошел внутрь.

Рейнольдс завел мотор «Мясорубки», и та поползла вперед, оставаясь все время футах в двадцати пяти от Аркли. Федерал энергично двинулся вперед, словно знал, что искать. Они миновали узкий проход, по сторонам которого высились столбы линии электропередач, снабженные блоками изоляторов, придававшими им вид шпилей футуристических церквей. Дальше находились сами трансформаторы, глухие, прочные металлические будки, стоявшие идеальными рядами.

— Я думал, мы на вампиров охотимся, а не на чудовище Франкенштейна, — пошутил Де Форрест.

Никто не отреагировал.

— И зачем только нужно все это хозяйство?

— Оно понижает напряжение электричества, идущего с электростанции, — объяснила Кэкстон, — до уровня, безопасного для жилого дома.

Она прижалась лицом к бойнице в окне и попыталась разглядеть, что открылось взгляду Аркли.

Ничто не нарушало покой подстанции, кроме редких опавших желтых листьев, которые трепетали на ветру и кружились, гоняясь друг за другом.

Впереди, в конце ряда высилась будка со старым распределительным щитом. В ней когда-то находились самые настоящие рубильники, а может, даже и пробки — если устройство было достаточно древним. Это было одноэтажное здание из темно-коричневых кирпичей со сводчатыми окнами, которые почти не пропускали свет ни внутрь, ни наружу.

Наверное, это то самое место. Дальше был забор из рабицы. За ним открывалось бесконечное поле с торчавшими на нем сухими желтыми стеблями кукурузы восьми футов в высоту. Если Райс и скрывался на подстанции, то он должен быть в распределительной будке.

Аркли подошел к двери и толкнул ее. Что бы там ни было в этой будке, но ни один луч солнца не проникал внутрь. Аркли вытащил пистолет из кобуры и вынул из кармана пальто электрический фонарик.

— Я пошел внутрь, кто хочет — присоединяйтесь, — сказал в рации голос Аркли.

— Мы так не договаривались, — ответила по своему передатчику капитан Сьюзи. — Комиссар не этого хотел. Это же опасно.

— Солнце-то встало и мы в безопасности? Правда? Мы же теперь в безопасности? — неуверенно заметил Рейнольдс. — Встало же солнце. Вампиры ведь днем не вылезают?..

— Правда, правда, — ответила ему Кэкстон.

— А мне плевать, — заявила капитан Сьюзи, она посмотрела вперед, на Аркли, будто могла поймать его взгляд, сидя на заднем сиденье бронированного фургона.

Федерал шагнул в темноту. Никто из роговцев не шелохнулся.

— Маршал! — позвала капитан Сьюзи. — Маршал! Маршал, выходите! Доложите, что вы видите, доложите хоть что-то! Да говорите же!

— Особый представитель, — поправил ее голос Аркли.

Он оставался вне поля зрения.

— Тут и докладывать-то пока нечего. Обнаружено огромное количество паутины и ржавое оборудование. Стойте, я только что нашел дверцу люка. Я пошел вниз.

Кэкстон рванула дверцу машины и выскочила наружу, не вполне отдавая себе отчет в том, что делает. Капитан Сьюзи попыталась схватить ее, но Лора выскользнула у нее из рук. Она двинулась к распределительной будке, а из рации у нее в воротнике доносились вопли-приказы.

Лора уже практически дошла до строения, когда краешком глаза уловила какое-то

движение. Она повернулась, вскинув винтовку для выстрела, и снова увидела шевеление. По ту сторону забора определенно что-то двигалось. Лора глянула по сторонам и тут заметила, что кто-то прорезал в сетчатом ограждении дыру, достаточно большую, чтобы туда пролез взрослый мужчина. Она подбежала и вцепилась в сетку.

— Аркли, — позвала она. — Я нашла черный ход к подстанции. Тут кто-то есть.

— Кэкстон, — ответил он. — Возвращайся в этот гребаный фургон! Я ведь уже сказал тебе...

Дальше она слушать не стала. По кукурузному полю явно кто-то двигался. Это был человек... или даже несколько человек... или несколько немертвых. Она нырнула в дыру в заборе и тут же услышала шуршание, множественный скользкий звук, будто несколько тел проталкивалось сквозь сухие стебли. Она повернулась в том направлении, прикинув глазом к прицелу винтовки, и тут заметила их — шестерых или семерых немертвых, одетых в толстовки с капюшонами. Они что-то тащили по полю, что-то большое, сделанное из темного дерева с бронзовыми деталями.

Это был гроб.

34

Лора вскинула винтовку к плечу и быстро выстрелила три раза, но промахнулась. Впрочем, она и не рассчитывала на успех. Немертвые на месте не стояли, кроме того, их скрывала дюжина рядов кукурузы. Учитывая мощность оружия, которое она держала в руках, можно было бы выкосить половину поля, но выучка этого не позволяла. Винтовочная пуля могла пройти полмили, прежде чем упасть на землю. Не имея гарантий того, что в полумиле отсюда нет невинных прохожих, она не могла стрелять так, вслепую.

Значит, ей оставалось только наблюдать, как немертвые тащат гроб через кукурузу.

— Аркли, — сказала она в рацию. — Аркли, пожалуйста, дайте совет. Я заметила группу немертвых, они тащат гроб. Аркли, что мне делать?

— Кости, человеческие тела... ни малейшего признака недавних... куча пыли, — ответил он.

Лора поняла, что он говорит о подвале распределительного устройства и о том, что он там нашел. Должно быть, он ее не слышал, да и она сама еле могла разобрать, что он говорит. Вероятно, сигнал частично глушился слоем почвы между ними. Впрочем, это не имело значения. Немертвые уходили. Лора оглянулась назад и увидела, что бронированный фургон стоит неподвижно. Один из роговцев высунулся из распахнутой двери и смотрел на нее, открыв рот.

— Капитан Сьюзи, — обратилась Кэкстон по рации. — Мне нужно подкрепление. Они уходят.

— Мне приказано, что бы ни случилось, оставаться в автомобиле. Наша безопасность важнее, чем поимка вашего вампира. Это и вас касается, патрульный.

— Райс уйдет, если мы его сейчас не возьмем, — возразила Кэкстон. — Возьмем сейчас, днем, значит, сможем уничтожить его сердце.

— Вы сказали, что этих тварей около семи. Нас только трое. Сейчас же назад, Кэкстон. Если вы не выполняете приказы комиссара, тогда, может быть, мои выполняйте? Немедленно назад.

Кэкстон перевела взгляд с автомобиля на кукурузное поле. Она все еще слышала шуршание стеблей, но звук становился все тише и тише. Она не знала, что делать. Зато она знала, что бы сделал Аркли на ее месте. Это она знала точно.

Она врезалась в гущу тонких, как пергамент, листьев и бросилась догонять немертвых, скользя ботинками по жидкой грязи.

Желтые листья кукурузы скользили по шлему и хлестали незащищенные запястья. Толстые стебли мешали бежать, и Лора была уверена: если она вскоре не догонит немертвых, то споткнется и заработает вывих лодыжки, а может, даже перелом. Что за дурость, подумала

она, лезть самой только потому, что ей приспичило отомстить. После третьего падения, приземлившись ладонями в липкую грязь, она заставила себя сбавить темп. Так быстро, как она, мертвые двигаться не могут, правда? Нагруженные гробом, они просто не в состоянии развивать такую скорость. Она раздвинула стебли винтовкой, и та застряла, всего на секунду, но этого было достаточно, чтобы Кэкстон пошатнулась.

Тут захрипела рация.

— РОГ вызывает штаб-квартиру. Требуем немедленного уточнения приказа, — пробормотала та.

Звук был тонким и далеким. Лора знала: от капитана Сьюзи помощи ждать нечего, это тревожило, но остановить не могло. Она не имела права позволить им остановить себя.

Накатила усталость, проникая в самые кости. Она долго не спала, поэтому телу нельзя было доверять. Задышавшись, Кэкстон выдрала винтовку из кукурузных дебрей и повесила ее на плечо. В такой чаще она была только помехой.

Она замерла на месте, огляделась, пытаясь отдышаться и собраться с мыслями. Заблудиться в высокой кукурузе было просто. Она уже прикидывала, как же будет искать дорогу назад — никаких вех тут не было, а один ряд кукурузы ничем не отличался от другого.

Короче говоря, мысли эти ей спокойствия не прибавили. Цель была близко. Тряхнув головой, Лора вздохнула, наполняя легкие воздухом. Сдаваться она не собиралась.

Она пробежала вдоль одного из рядов кукурузы и скоро нашла то, что искала: полосу примятых растений там, где тащили гроб. Она двинулась вдоль межи, не разгибая спины, уверенная, что вот-вот доберется до цели. Вскоре она услышала шорох гроба, который тащили по сухому кукурузному сору, сплошь покрывавшему землю. Мгновение спустя не более чем в двух десятках футов от того места, где стояла она, Лора услышала шепот мертвых. Она не могла разобрать, о чем они переговаривались. Когда шуршание гроба прекратилось, она тоже остановилась.

— Вы видите ее? Есть хоть какой-нибудь знак? — прошипел один из мертвых.

Ответа не последовало.

Очень осторожно, чтоб не издать ни звука, она взяла винтовку на изготовку и медленно двинулась вперед, размеренно, практически бесшумно ступая по мягкой грязи. Впереди, за густыми стеблями кукурузы, она различила смутные фигуры. Еще шаг, и она раздвинула стебли стволом винтовки.

Через узкую щель она увидела просеку, место для кострища, устроенное посреди поля. На просеке было полным-полно мертвых. Они стояли вокруг гроба, повесив головы. Один из них встал на крышку гроба, вероятно пытаясь высмотреть Лору.

Она прицелилась и нажала на курок. Мертвый, стоящий на гробе, разлетелся на мерзкие куски и осколки костей. Остальные взвыли и в ужасе ударились в бегство. Один пронесся мимо нее, достаточно близко, чтобы протянуть руку и схватить его. Она дала ему уйти — у нее впереди было более важное дело. Она шагнула к кострищу и медленно повернулась, глядя, не отважится ли кто-нибудь из мертвых вылезти вперед. Не увидела никого. Пока Лора не убедилась, что рядом никого нет, она все заставляла себя не думать про гроб. И только потом она нагнулась, чтобы взглянуть поближе.

Гроб был прямоугольным — в отличие от шестиугольных сосновых домовин, которые использовали другие вампиры; Райс размахнулся аж на люксовую модель с точеными украшениями. Собранный из кусков полированного красного дерева, когда-то гроб был красив. До того, как его акр за акром протаскивали по липкой грязи, его медные ручки блестели. Теперь же дерево было запачкано темной землей так густо, что, казалось, один его конец зарыл в землю.

Лора шагнула ближе и положила руку на деревянную крышку, ожидая ощутить под ней присутствие чего-то злого, но ничего не почувствовала. Она вспомнила ощущение холода, которое пришло к ней возле Малверн, отсутствие человечности. Тут могло быть то же самое. Она облизнула пересохшие губы и попыталась сдвинуть крышку. Что-то ее держало. Ладно,

подумала она, в этом есть смысл. Вряд ли мертвым понравилось бы, если бы она то и дело открывалась, пока они тащили гроб. Лора обшарила края и нашла три гвоздя, державших крышку.

Она попробовала связаться по радиации, но та не отвечала. Неужели она забежала так далеко, что вышла из зоны приема? Это казалось невозможным. Она думала, что промчалась не более четверти мили. Она оглянулась по сторонам. Откуда она прибежала, ей не удалось вспомнить. Она была уверена: дорогу обратно ей не найти, но даже если бы она и могла это сделать, ей бы пришлось бросить гроб. Безопасный ход, умный ход, сделать это именно так, просто кинуться назад, попытаться связаться с РОГом в надежде привести к гробу других. Вот только задача эта, судя по всему, была невыполнимой. Стоит ей только отойти от гроба, как мертвые наверняка тут же вернутся за ним.

На мгновение у нее помутилось в голове, и ей снова пришлось сосредоточиться. Еще немного — и она просто уснет. Обязательно отосплюсь, как только Райс будет мертв, решила она. Как только она убьет его. Она вытащила из винтовки обойму и высыпала патроны. У пустой обоймы были острые края — как раз чтобы выломать гвозди. Скорее всего, обойма придет в негодность, а вместе с ней и винтовка. Но у Лоры все еще была с собой ее «беретта», которую она и положила на крышку гроба, чтобы схватить в любой момент.

Лора засунула край обоймы между крышкой гроба и его основанием и попыталась нащупать первый гвоздь. Она провела обоймой несколько раз под крышкой, и вдруг та выскочила из зазора, попав по тыльной стороне запястья и содрав на нем кожу. Мельчайшие капельки крови брызнули на крышку, и сердце у Лоры замерло в груди. Она ожидала услышать, как Райс заворочается внутри, если кровь позовет его. Но гроб остался неподвижным, будто там и вовсе никого не было.

Ее мало прельщала перспектива заглянуть внутрь и увидеть личинки, кости и распавшиеся останки вроде тех, которые были в гробу Малверн. И все же... Сердце Райса было там, высохшее и сморщенное до того, что его можно уничтожить голыми руками. Лора взялась за обойму и снова вогнула ее под крышку гроба. Налегла, и гвоздь выдернулся, дерево взвизгнуло, когда он вырвался наружу. Второй гвоздь вышел почти сразу, стоило только слегка нажать на него. Пот, скопившийся под шлемом, стекал у нее по вискам. Спину ломило, и Лора знала: стоит ей выпрямиться, как ее тут же пронзит болью. Оставался всего один гвоздь. Она еще раз просунула обойму под крышку, но, прежде чем продолжить работу, зажмурилась и подумала о Диане, беззащитной и окровавленной, лежавшей на полу в кухне. Мысль о том, как сильно ей хотелось уничтожить Райса, придала ей сил. Третий гвоздь выходил наружу кусками, так что ей пришлось раскромсать дерево, чтобы вытащить его. Крышка была открыта, Лоре оставалось только отбросить ее и заглянуть внутрь.

Какой-то глубинный страх обьял ее, и она остановилась на мгновение, мурашки бегали у нее по спине. Она встала, застонав от боли в затекшей пояснице. Взяла «беретту» с крышки гроба и огляделась в поисках обезображенных лиц, которые, наверное, выглядывали из кукурузы. Никого не было видно.

Сердце Райса. Нужно уничтожить его. Широко размахнувшись, она пинком снесла крышку гроба. Вскинула пистолет и нацелила его на красную шелковую обивку гроба.

Ничего. Гроб был пуст. В своем полусонном состоянии она слышала, как вампир язвительно хохочет над ней, захлебываясь от восторга.

И затем что-то полоснуло ее по ногам сзади, разрезав форменные брюки, и все тело пронзило болью. Она рухнула вперед, прямо в гроб. И произошло это все именно в тот момент, когда она уже поставила пистолет на предохранитель. Крышка гроба закрылась, и Лора замолотила ногами по обивке. Это была ловушка.

Свет просачивался в гроб в том месте, где она повредила крышку. Не случись этого, она бы лежала в кромешной темноте. Она рванулась, чтобы открыть гроб, но мертвые уселись

сверху, гогоча над ней. Она услышала, как они стали вбивать в крышку гвозди, снова накрепко заколачивая гроб. Никакого рычага, чтобы столкнуть их, у нее не было, она едва смогла перевернуться. Ноги горели в месте пореза. Немертвые решили похоронить ее заживо.

При мысли об этом, вообразив себя погребенной под шестью футами земли, Лора закричала. Она уже не чувствовала ничего, только свой пот и свой страх. Воздух в гробу стал более спертым. Каждый раз, когда она выдыхала, в нем оставалось все меньше кислорода. Скоро ли он закончится совсем?

Она крикнула опять, но все было без толку. Тех, кто мог ее услышать, ее ужас приводил в восторг. Но ей это уже было не важно — она закричала вновь и в отчаянной попытке освободиться ударила по обитой тканью крышке гроба.

Тут ее качнуло, и Лора поняла, что немертвые поволокли ее прочь от кострища. Тело больно стучалось о стенки гроба, когда его тащили по буграм и канавам, сломанным кукурузным стеблям и камням, полузарытым в землю. Сердце Кэкстон заполошно колотилось, а дыхание становилось все чаще и чаще. Она не могла противиться этому.

Она почувствовала, как перекачивается в дальнем конце гроба ее «беретта». Должно быть, она уронила ее внутрь, когда немертвые полоснули ее по ногам. Лора попыталась дотянуться до нее, но согнуться не удалось.

Узкое пространство лишний раз дало ей понять, какой крошечной была ее темница, и Лора закричала от осознания того, что не может сесть, не может даже подтянуть колени. Каждая мышца ее тела судорожно дергалась, словно чувствовала границы тюрьмы.

Гроб нырнул, будто его перетаскивали через какое-то довольно крупное препятствие, и пистолет врезался в лодыжку, причинив такую резкую боль, что темнота внутри гроба на мгновение приобрела зеленоватый оттенок. Это был обман зрения, рожденный измождением, паникой и физической болью. Лора попыталась вспомнить, поставлен ли пистолет на предохранитель и есть ли патрон в стволе. Если да, то пистолет был готов к выстрелу и мог разрядиться от любого толчка. Разрывная пуля вылетит из ствола со скоростью, превышающей скорость звука. Пистолет мог выстрелить в любом направлении, но большинство их проходило сквозь ее тело.

Еще одна причина, чтобы закричать.

Лора вытянула руку вниз, как только могла. Пальцы скользнули по твердому краю ствола, и она ощутила гладкость металла. Плечо зарылось в обивку, оперевшись в твердое дерево под ней. И Лора рванулась вниз, оттолкнулась, попытавшись обхватить колени.

Снова удар, резкий удар, от которого кости плеча сжались, и при этом Лора взвыла от боли, но «беретта» скользнула на полдюйма ближе. Лора зацепила ее кончиками пальцев и потянула к себе, миллиметр за миллиметром, ближе к ладони. Пистолет все пытался выскользнуть, но она не могла позволить этого. В конце концов он оказался у нее в руке. Тяжесть и мощь оружия помогли ей успокоиться, и дыхание стало немного ровнее.

— Есть! — воскликнула она, нащупав спусковой крючок.

Гроб остановился так внезапно, что Лору откинуло назад. Один из немертвых пнул крышку. Его голос, хоть и приглушенный, звучал раздраженно:

— Там все в порядке?

Лора попыталась на слух определить, откуда раздается голос. Это было трудно — акустика в гробу была ужасная, эхо раскатывалось по всему узкому пространству. Она прижала ствол пистолета к крышке гроба.

Немертвый захихикал.

— На твоём месте я бы расслабился. Ещё долго...

Она нажала на курок, и свет, жар и грохот заполнили гроб давящей волной, от которой кровь брызнула у нее из ушей. Она ослепла и оглохла, руки горели, и тут Лора поняла, какую ужасную ошибку совершила. Что, если взрывная волна от выстрела разорвала ей барабанные перепонки?

Зрение медленно возвращалось. Косой луч бледного солнечного света проник сквозь

идеально ровное отверстие в крышке гроба. Она увидела через него небо, желтые стебли срой кукурузы. Подстрелила ли она глумившегося над ней немертвого или нет, она не знала.

Вонь кордита наполнила ее ноздри, ее затошнило и захотелось перестать вдыхать этот запах, но тело взяло верх над разумом. Она глубоко вдохнула свежий воздух, проникавший через пулевое отверстие.

Долгое время ничего не происходило. Гроб не двигался. Она слышала, как бьется сердце, но звучало оно странно, глуше и медленнее, чем она ожидала. Потом она наконец услышала звук, далекий, чирикающий звук. Где-то в кукурузе пела птица. Барабанные перепонки уцелели.

Гроб снова начал двигаться, подсакивая и ударяясь о твердую землю быстрее, чем раньше. Она держалась изо всех сил, сунув пистолет в кобуру и вцепившись в обивку, чтобы не так швыряло из стороны в сторону. Скользящий шелк выскальзывал из пальцев, и вскоре они заболели от постоянного напряжения.

Шли минуты, долгие минуты, которые она могла отсчитывать, лишь медленно произнося про себя: «Оди-и-и-ин, два-а-а-а, три-и-и-и...» Она явно считала или слишком быстро, или слишком медленно, но никакого другого способа следить за временем у нее не было.

Ноги по-прежнему саднило, то ли от ран на икрах, то ли из-за того, что слишком долго были сдавлены в таком крошечном пространстве. Отчего конкретно — Лора не знала.

Через некоторое время немертвые подняли гроб и понесли его. Двигались они медленнее, чем когда тащили гроб по кукурузному полю, но Кэкстон не возражала. Трясти стало меньше.

Тьма сомкнулась над пулевым отверстием в крышке. Наверное, они заткнули дыру тряпкой. Лора осторожно просунула свой розовый палец в отверстие, стараясь не высовывать его чересчур далеко, дабы не дать немертвым шанса схватить его и сделать с ним что-нибудь ужасное. Она ничего не почувствовала, только холодный воздух. Она попыталась снова, и снова ничего.

Гроб внезапно накренился под очень острым углом, и Лора сползла вниз, при этом ее голову больно придавило к стенке. Она заерзала, пытаясь поднять руки над плечами, чтобы оттолкнуться от изголовья и снять давление с черепа.

Гроб снова поднялся и опустился. Потом опять и опять. Лора поняла, что происходит. Отверстие от пули стало темным, потому что они оказались внутри какого-то строения. А подъемы и падения означали, что немертвые тащат гроб по ступенькам.

Она попыталась считать их, но сбивалась со счета каждый раз, когда гроб ухал вниз. Спуск оказался долгим, и Лора не знала, сколько времени он продолжается. Ей казалось, будто она свободно парила в пространстве, а потом огромные пальцы крепко хватали ее, и гигантская призрачная рука неистово сотрясала ее тело.

Она сначала и не заметила, когда спуск прекратился. Немертвые поставили гроб без всякого предупреждения, дно скрипнуло на каменном или бетонном полу. Потом она услышала их шаги, эхо шагов, которое становилось все тише и тише, удаляясь от нее.

Потом все стихло.

Она снова и снова колотила по крышке гроба, надеясь услышать в ответ скрипучие голоса.

— Эй! — кричала она, мечтая, чтоб хоть кто-нибудь, кто угодно, ответил ей.

Да, она выстрелила в одного из них, но разве это не разожгло в них желания помучить ее еще?

— Эй вы, уроды! — кричала она. — Эй, это я вам, придурки безликие! Скажите хоть что-нибудь!

Но она слышала только собственный голос, больше ничего.

— Вы не можете просто бросить меня тут! — истерически закричала она.

Но она знала, что могут и, более того, именно это они сделали только что.

Кэкстон спала.

Ее тело все-таки сдалось, паника отступила, силы ее покинули, и сон обрушился на нее, как темные волны, бьющиеся о берег на планете, на которой никогда не бывает солнца. Внутри гроба ее дыхание стало легким, глаза закрылись. Она крепко спала.

Если ей что-то и снилось там, в темном забытии, потом она ничего не могла вспомнить. У нее было чувство, будто она катится во тьму, катится, летит через бесконечное, лишенное света пространство. Во сне страха не было, хотя ей казалось, будто она кричит, дрожа от ужаса, а пульс ее бешено стучит. Глаза Лоры распахнулись, она проснулась и замерла, тихо лежа на обивке гроба. Прокашлялась, моргнула и попыталась смириться с тем, куда она попала, пробудившись к жизни. Это было нелегко.

Крошечный лучик света просачивался сквозь дырку от пули в крышке гроба. Он был таким бледным и призрачным, что показался ей галлюцинацией, но чем дольше она смотрела, тем ярче он становился. Он плясал и колебался из стороны в сторону, и вскоре к нему присоединился звук, повторяющийся, шлепающий, шаркающий на два такта: шлеп-шлеп, шлеп-шлеп.

По камню ступали босые ноги. А свет качался из стороны в сторону и был теплого желтого цвета пламени свечи.

— Эй, — шепнула Лора, но горло у нее пересохло, пересохло до боли, будто оно было наглухо забито.

Кэкстон попыталась сглотнуть, но горло не прочищалось. Она все кашляла, кашляла, и тут шаги замерли. Лора затаила дыхание в надежде, что шарканье раздастся снова, боясь того, что ее оставят одну в этом гробу, хотя знала: кто бы ни издавал этот звук, какой бы кошмар ни подступал к ней, это не друг, не спаситель, это чудовище.

Шаги приблизились, свет стал ярче. Он передвинулся на одну сторону и замер на месте, словно тот, кто нес свечу, поставил ее на пол возле гроба. Кэкстон попыталась дышать как можно спокойнее.

Гроб качнулся из стороны в сторону, когда незримое чудовище схватилось за крышку. Оно не издало ни звука, ни хрипа, ни вздоха. Гвозди в дереве взвизгнули и вырвались. Крышка тут же отошла в сторону, воздух хлынул в гроб, а Лора зажмурила глаза даже от небольшой по яркости свечи. Она увидела над собой потолок, наверное, футов пятнадцати высотой, купол, сложенный из кирпичей, который поддерживали крепкие квадратные колонны. С обеих сторон она увидела стены погребца, уставленные стеллажами, полками, ломящимися от банок, картонных коробок и свернутых одеял. Она совершенно не понимала, где находится.

В поле зрения Лоры появилось бледное лицо. Лора надеялась, что это мертвый, но надежды были тщетны. Она увидела круглую, безволосую голову, треугольные уши, и лицо Эфраина Райса глянуло на нее сверху вниз. Глаза у него превратились в темные щелки, отливавшие красным в колеблющемся свете. Его рот был полон тошнотворных зубов. Лора почувствовала, что Райс только что проснулся, что он еще наполовину сонный, как и сама она. Неужели она пробыла в гробу целый день наедине со своими снами?

Райс был одет только в спортивные штаны. Его кожа была белоснежной, лишь чуточку тронутой оттенком розового, отчего вид был не здоровый, а лихорадочный. Он нагнулся ближе, пока лицо его не оказалось дюймах в восемнадцати от ее лица. Лора почувствовала то же отсутствие тепла или человечности, которое она запомнила, когда стояла возле Жюстины Малверн. На этот раз это ее не удивило.

Райс смотрел ей в глаза. Она попыталась отвернуться, но он схватил ее за подбородок и держал так уверенно и крепко, будто ее лицо было мертвое прикреплено к его руке. У нее ни за что не хватило бы сил разорвать эту хватку.

Глаза Райса расширились, и она увидела, что по его зрачкам скатываются кровавые слезы, словно кровь заменила в его теле любую другую жидкость. Она увидела, как стали

расширяться его зрачки, становясь все больше и больше, пока не заполнили собой половину ее обзора. Ее и раньше гипнотизировал вампир, но теперь это было ничто по сравнению с параличом, который наступал вслед за этим. Тогда главным было то, что все чувства ее словно омертвели и притупились. На этот раз она абсолютно ясно, почти до боли осознавала все происходящее. Что-то протянулось из его сознания в ее. Это что-то двигалось тихо, почти незаметно, но было абсолютно реальным. Все происходило в ее мыслях, конечно, но это сопровождалось физическим ощущением, очень неприятным ощущением проникновения.

Кэкстон никогда не насиловали. Правда, был в средней школе мальчишка, который не понял, что она имела в виду, когда сказала, что хотела бы подождать, сберечь себя. По правде говоря, она и сама себя не понимала и не знала, как остановить его, когда он совал свои руки ей под одежду и хватал ее, больно стискивая. Однажды после школы они пришли к ней домой, и он достал свой член и стал тереться им о тыльную сторону ее ладони, умоляя ее повернуть руку и потискать его так же, как обычно он тискал ее. От этой просьбы, от его отчаяния ей стало дурно, и она отдернула руку. Тогда он встал возле кровати и навис над Лорой. Она очень испугалась, ведь никого, кроме них, дома не было, а отец вернется только после шести.

— Отсоси, — сказал он, и его достоинство оказалось перед ней. — Отсоси.

Его голос был каким-то надломленным, резким и потенциально опасным.

Она разразилась слезами, жуткими паническими рыданиями, и пристыженный мальчишка ушел. Больше он никогда не разговаривал с ней. Это был последний раз, когда она пыталась сходить на свидание с мальчиком. Шестью месяцами позже она впервые втрескалась в девчонку и поняла наконец, кто она такая. И каждый раз теперь при мысли о парнях ее передергивало.

Впрочем, то, что делал Райс, было куда большим насилием, чем то, которое мог причинить какой-нибудь малолетний рукоблуд. Райс вторгся в ее самые сокровенные мысли, ее тайны, проник в самые потаенные и темные уголки ее души. Он читал ее, как книгу, роясь в ее воспоминаниях. Он нашел воспоминание о мальчишке и ее слезах, и Лора поняла, что оно его позабавило. Она чувствовала его так, словно он лежал сверху на ней, его холодную вощеную кожу, еле ощутимый жар крови, запах, окутывавший его. Она была совершенно в его власти. У нее не было воли сопротивляться ему, даже чтобы вырваться и попытаться сбежать.

Через некоторое время вампир закрыл глаза. Вторжение мгновенно прекратилось, но Лора все еще ощущала какой-то остаток присутствия Райса в своем сознании. От этого она чувствовала жжение в голове. Амулет Весты Полдер не сделал ничего, чтобы помочь ей. Вампир потянулся к гробу, вероятно чтобы вытащить Лору оттуда.

Ждать лучшего шанса она не собиралась. Она подняла «беретту» на уровень его сердца и выстрелила, еще и еще, с грохотом, разорвавшим тишину, и вспышки выстрелов были намного ярче свечи, будто в помещение проникло солнце. Отработанный газ за клубился, словно дым, у лица Кэкстон, и вонь от него была ужасной. В ушах, и без того поврежденных, зазвенело, а вампир зарычал, словно дикий зверь.

Она перестала стрелять, и Райс схватил одной рукой дымящийся ствол пистолета и отшвырнул его в угол комнаты. Ее выстрелы не причинили ему вреда. Лора вспомнила, что Аркли говорил ей: когда в нем столько крови, даже базука, скорее всего, не оставит на нем ни царапины. Впрочем, кое-что ей удалось. Часть его в ее сознании взорвалась от ярости. Лора знала: она вывела Райса из себя, она чувствовала, как изнутри ее жжет его гнев. Он протянул к ней руки, вытащил из гроба и швырнул о стену.

Лора врезалась спиной в деревянные полки, сухие и пыльные, которые сломались от удара. Стекланные банки посыпались ей на плечи, разбиваясь на полу. Боль одновременно привела ее в чувство и согнула пополам, и как только Лора полностью пришла в сознание, она тут же захотела его потерять.

Она решила, что Райс хочет убить ее. Он оторвет ей голову и будет пить из обрубка шеи. Или же просто сдерет ей лицо. Он мог убить ее множеством способов. Слезы брызнули

у нее из глаз, и ей не осталось ничего другого, кроме как бояться. Она даже не могла выкрикнуть имя Дианы, у нее не было времени побеспокоиться о том, что же подумает Аркли о той каше, которую она заварила. У нее не было сил больше ни на что, кроме страха.

Райс двинулся к ней на своих мускулистых ногах, выпучив от ярости глаза. Потом остановился на самой середине погребца и уставился на нее. Она понятия не имела, что он делает, но чувствовала, что ему больно. Через мгновение его тело содрогнулось в сильнейшем порыве рвоты, потом рот распахнулся, и сгусток свернувшейся крови выскользнул из него и пополз по подбородку.

Райс упал на колени, ударившись о пол сводчатого погребца со звуком, подобным раскату грома. Он кашлял и задыхался, выхаркивая старую кровь на мощный камнем пол. Он вцепился себе в грудь и жуткими ногтями раздирал кожу, оставляя поперек груди длинные красные полосы. Он неистово затрясся, а потом рухнул на пол ничком, повалившись в собственную блевоту.

Кэкстон только и смогла, что вздохнуть раз-другой, глядя, как он скорчился от боли. Часть Райса у нее в голове заходила визгом, и она зажала ладонями уши, но звук шел изнутри ее. От него нельзя было спрятаться.

В конце концов Райсу полегчало. Лора же не сдвинулась ни на дюйм. Он встал на ноги, обхватил ее поперек талии, вскинул на плечо и начал подниматься по ступенькам.

37

Райс не хотел убивать ее — по крайней мере не сейчас. Он все еще был полон непереваренной крови после опустошения Битумен Холлоу. Вздумай он выпить ее кровь, его одолела бы необратимая рвота.

Она ощущала это. Проникнув в ее мозг, Райс что-то оставил там, прежде чем отстраниться, какой-то отпечаток, образ самого себя. И теперь она могла чувствовать его мысли. Это были не слова и даже не образы. Хотя она могла чувствовать, как бьется его нечеловеческое сердце, бьется сильно, гоняя по кругу всю ту сгустившуюся кровь, и как ему плохо. В ней были теперь маленькие осколки, крошечные намеки и обрывки мыслей. Это была связь, и Лоре ее хватило, чтобы чувствовать его настроение и понимать какие-то мотивы его действий.

Он не собирался убивать ее, ибо ее кровь была бы пролита напрасно. Она вспомнила, как Хазлитт кормил Малверн. Он говорил, что кровь должна быть теплой и свежей. Если Райс убьет ее, то кровь пропадет даром. Выпить он ее не смог бы и хранить тоже.

Впрочем, было и еще что-то. Он не собирался убивать ее, потому что хотел от нее чего-то. Это пугало ее, но страх уже стал привычным. Теперь, если Кэкстон не боялась, она чувствовала себя как-то странно. Когда страх исчезал, ей казалось, будто чего-то не хватает.

Райс нес ее вверх по лестнице. Когда она спускалась по ней в темном гробу, она казалась бесконечной. Наверху перед ними открылось широкое пространство, огороженное со всех сторон высокими стенами. Бетонный пол был сплошь растрескавшимся, а снизу пробивались зеленые побеги.

Размеры и пустынность этого места навели ее на мысль о заброшенном заводе, и как только глаза привыкли к лунному свету, косо падавшему через высокие окна, Лора начала различать детали. С потолка в огромном количестве свисали цепи. Металлические матрицы и оборудование для литья загромождали пол, словно игрушки какого-то гиганта, уже выросшего, чтобы играть в них. Высокие окна были разбиты во многих местах, куски матового стекла были заменены фанерой или вентиляторами. В отдалении, на другом конце бетонированного зала, стояла коксовая доменная печь, остывшая десятки лет тому назад. Черпак шириной тридцать футов — огромная прочная чаша, которая вмещала когда-то сотни тонн расплавленной стали, — висел перед домной на толстой цепи, другая цепь была оборвана. Край ковша касался пола, увязнув в широкой волне застывшего шлака. Убежище Райса находилось на заброшенном сталелитейном заводе. Таких в Пенсильвании было много,

в основном около Питтсбурга, однако Лора не думала, что ее унесли так далеко. Она могла быть и во многих милях от кукурузного поля, где они поймали ее, и всего в нескольких сотнях ярдов. Лежа в гробу, Лора совершенно не могла определить расстояние. Мысли у нее разбегались в тщетной попытке понять, как далеко ее унесли.

По крайней мере, она была где-то там, где был свет и звук, и ум ее не блуждал во тьме. Она старательно изучала окрестности, болтаясь за спиной вампира. Райс с его немертвыми использовали только небольшой угол зала с растрескавшимся бетонным полом. Безликие прислужники разожгли костер, в котором горела всякая рухлядь: старые кресла, диваны с вылезшими сквозь прогнившие подушки пружинами. Немертвых было около пятидесяти, они собрались вокруг огня, глядя, как пляшут и мечутся языки пламени, хихикая между собой над какой-то мерзкой шуткой. Когда Райс приблизился, они сразу притихли. Райс швырнул Кэкстон в мягкое кресло, покрытое пятнами плесени, и присел на корточки у огня. Он не стал ни связывать, ни как-либо иначе ограничивать свободу ее движений.

— Если вы не... — начала Кэкстон, но тут же заткнулась, как только все повернулись и посмотрели на нее.

Все эти обезображенные лица выводили ее из себя, наводя на мысль о собственной смерти.

— Если вы не собираетесь меня убивать, то я бы хотела сходить в туалет, — сказала она.

Она ждала, что немертвые поднимут ее на смех, они так и сделали. От их визгливых, пронзительных издевательских голосов у нее запылали щеки, хотя на самом деле в туалет ей не хотелось.

— Мочись в свои грязные трусы, сука, — выкрикнул один из немертвых.

Его кожистая челюсть отвалилась в приступе веселья.

— Давай, вперед, я хочу на это посмотреть. Мочись в трусы! — Он выкрикивал это снова и снова, и к нему присоединились и другие.

Райс встал и схватил немертвого одной рукой за голову, а другой — за плечо. Он скрутил ему руки, и немертвый разорвался на две части. Райс кинул их в огонь. Пламя взмыло вверх, и изуродованное тело сгорело дотла, а по телам остальных прошла волна ужаса.

После этого всякое завывание прекратилось. Райс немного поковырялся в куче мусора и вернулся с ржавым жестяным ведром. Он кинул его Лоре, и она поймала его.

— Ну, спасибо! — ответила она и пошла прочь от костра.

Вампир даже не посмотрел на нее, когда она отошла по бетонированной площадке довольно далеко от немертвых. Ему это было не нужно. Она чувствовала его в своей голове и знала: больше ей от него не избавиться. Он был с ней даже тогда, когда она присела над ведром. Она закрыла глаза и попыталась отгородиться от него, но это было невозможно.

Она оставила ведро там, куда принесла, и вернулась к костру. На неотопливаемом заводе было жутко холодно, и она решила, что лучше уж смириться с мерзостью своего тюремщика, чем умереть от переохлаждения.

У костра ее ждал немертвый с пакетом фастфуда в руке. Она взяла его и только тогда поняла, как проголодалась. Она не ела весь день, и хотя раньше адреналин обманывал ее тело, заставив забыть о еде на некоторое время, но продолжаться бесконечно это не могло. Она открыла пакет и нашла там холодный гамбургер и помятую бутылку водянистого лимонада. Гамбургер уже был надкушенным. Лора не была уверена, достал ли немертвый эту еду из мусорки или же кто-то из них откусил кусок. Это не имело значения. Она съела бургер и залила сверху приторной газировкой. От жажды у нее потрескались губы.

Сделав дела первой необходимости, она снова забралась в кресло, обхватив себя руками. Что делать дальше, она не знала.

Усталость брала свое, и Лора быстро заморгала, чтобы разогнать песок в глазах. Спать ей совершенно не хотелось — ведь она проспала целый день. Но ощущение усталости вернулось вместе с волной апатии, от которой руки потяжелели, и она уронила их на колени.

Шея болела от тяжести головы.

Это все Райс, поняла Лора. Вампир проделывал какие-то трюки с ее сознанием. Может, он просто демонстрировал ей свою силу, а может, и в самом деле по какой-то причине хотел, чтобы она уснула.

Она подумала о немертвом, которого пытала и убила на полу своей спальни. Он сказал ей о чарах, с помощью которых они заставили Диану разбить окно. Оно работало только во сне, сказал он. Сны. Чтобы видеть сны, надо заснуть. Чего бы Райс ни хотел от нее, чтобы добиться этого, он воспользуется магией, а его магия работала только тогда, когда Лора была почти без сознания и не могла сопротивляться ей. Она угрюмо посмотрела на вампира.

— Я не хочу спать. Я хочу бодрствовать до рассвета, — сказала она. — Чтобы посмотреть, как ты растечешься лужей липкого дерьма.

Он ответил ей тем, что сила давления выросла вдвое. Конечности тянули ее назад, в кресло, тело само собой сворачивалось в клубок, веки слипались. Лора сопротивлялась, и у нее едва хватало сил отбивать магию, чтобы остаться в сознании. Но она знала: если он еще раз попробует проделать это, у нее не хватит сил сопротивляться.

Он все еще не сказал ей ни слова. Когда Питер Лэрс тащил Аркли в свое логово, он тоже не разговаривал с ним. Что это означает, Кэкстон не знала и сожалела об этом.

Райс на нее даже не взглянул. Вместо этого он встал на колени у костра и сунул одну руку в огонь. Мгновенная боль хлынула в него, а тело Кэкстон сжалось в ответ. Она чувствовала лишь малую часть того, что ощущал он, но и этого хватило, чтобы она задохнулась от мучительной боли. Когда он вытащил руку из огня, она потемнела от гари. Часть плоти на пальцах сгорела, обнажив под собой узкие кости. Через несколько мгновений плоть восстановилась, но гарь осталась, запачкав его белые пальцы. Райс подошел, глухо ступая, к Лоре и протянул пальцы к ее лбу и щекам. Лора попыталась отвернуться, но противиться ему было ей не под силу. Он мог удерживать ее совершенно неподвижной, так что она даже не могла пошевелиться.

Его руки пахли дымом и жареным мясом. Лора чувствовала нетерпение, с которым он сажей из-под ногтей рисовал на ее лбу сложные символы. Он писал на ее лице слово, поняла она, одно слово:

SUENO¹

Заставить ее принять проклятие не потребует большого труда. Достаточно и одного взгляда, одного случайного взгляда. Она слишком сильно сопротивлялась, и это затянулось слишком надолго.

— Какое еще проклятие? — спросила она.

Глаза Райса расширились. Очевидно, она не должна была услышать так много его мыслей. Он нахмурился и схватил ее голову обеими руками. Лора попыталась закрыть глаза, но он большими пальцами оттягивал веки, не давая им закрыться.

Его красные глаза вонзились в нее, словно сверла, буравящие мягкую древесину. Он отбросил прочь ее сознание так, словно сорвал с нее одежду. У нее не было сил сопротивляться. Она только и смогла, что пробормотать слабый протест, прошептав еле слышно:

— Нет...

Через мгновение она спала.

Тьма охватила ее, тьма намного более густая, чем та, когда она лежала в гробу. Опоры под ней не было, как не было ничего ни по сторонам, ни над ней. Лора лежала неподвижно, бездумно, безвольно. Потом что-то изменилось.

¹ Сон (исп.).

Во тьме внезапно появился свет. Единственная тусклая оранжевая искра теперь плыла в темноте вместе с ней. Она пульсировала и на мгновение вспыхнула яркой желтизной, будто Лора дохнула на уголек, но потом угасла до тусклой рыжины. Лора потянулась к ней, попыталась сохранить ее, живую, она знала: не сделай она этого, не сделай хоть что-нибудь, и искра погаснет, и Лора снова останется одна-одинешенька.

И искра ожила, когда Лора влила в нее свою волю. Она стала расти, разгораться, Лора почувствовала запах дыма и обрадовалась. Искра превратилась в уголь, потом в лужицу горячего сияния, и внезапно она выплеснула столько света, что Лора увидела, где находится.

Она была на заводе, в том месте, где заснула Искра, которую она, как ей казалось, лелеяла, горела в тридцати ярдах на дне обрушившегося ковша. Лора увидела: это был не просто маленький уголек, он лишь казался таким, ибо находился на большом расстоянии. Это было целое сверкающее озеро расплавленного металла, все увеличивающееся, пока она наблюдала. Оно ширилось, становилось глубже и вскоре перелилось через толстую стенку ковша.

Жидкий металл потек по канавкам, вырезанным в полу. Он заливал формы и заполнял огненными линиями трещины в бетоне. Он собирался в огромных пылающих горах шлака, остывая и чернея, но лишь для того, чтобы снова хлынуть волнами раскаленного металла, все льющимися и льющимися из ковша.

Красные отблески рдели на всех металлических поверхностях. Черный дым наполнил легкие Кэкстон, и она зашлась в кашле. Льющийся металл грозил поглотить ее, и ей пришлось взобраться на самый верх большой литейной формы, пока не сгорели ступни.

Облака красных искр наполнили воздух возле ковша. Столбы черного дыма затягивали потолок точно так же, как расплавленный металл огненным озером затягивал пол. Пекло только усиливалось: оно опалило Кэкстон брови и обожгло горло. Она почти не могла дышать.

— Нет, — удалось ей выкрикнуть, прежде чем удушливый дым заполнил ее легкие.

— Это неправда! Это все сон!

Впрочем, этот сон был совсем не похож на те сны, какие она видела когда-либо. Лора повторила:

— Это все в моей голове.

Это была правда, и она это знала. Но это не имело значения. Если она упадет в озеро расплавленного металла, она все равно сгорит. Ее кожа потрескается и слезет с мышц, волосы охватит пламя. Боль все равно будет невыносимой.

Жидкий металл все поднимался. Кэкстон схватилась за цепь, свисающую с потолка. Металлические звенья были такими горячими, что обожгли ей ладони, но Лора знала: если придется лезть по цепи, она ползет. Воздух вокруг ревел, горящее железо выделяло углеводород. Легкие Лоры стали сохнуть и рваться в груди, стоило ей только сделать вдох. Начавший таять пол стал уходить из-под ее дрожащих ног. Держать равновесие становилось все труднее, потому что из-за дыма она непрестанно кашляла пронзительным сухим кашлем, который только рвал ее легкие. Она снова схватилась за цепь, и металл так сильно обжег ей руку, что она рефлекторно отдернула ее и тут же потеряла равновесие. Ноги заскребли по земле, пытаясь найти точку опоры, а раскаленный металл хлынул, спеша дотронуться до ее ботинок...

...и она открыла глаза.

Лора проснулась.

Она лежала на полу, лицом вниз, прижавшись щекой к холодному цементу. На дальнем конце зала находился пустой и холодный ковш. Рядом все еще хихикали у костра немертвые. Как ей удалось уползти так далеко от них во сне, для нее было загадкой. Она услышала звук, похожий на льющуюся воду, и подняла глаза.

В дюжине футов от нее стоял Райс. Спустив штаны ниже ягодиц, он отливал на грудь старого ржавого металла, но выходила из него не моча, а кровь. Когда он закончил, он подтянул штаны и двинулся туда, где лежала она.

Сил встать у нее не было. Она даже была не в состоянии оторвать лицо от ледяного пола. Она видела только его бледные, белые ступни. Ногти на больших пальцах были толстыми и обломанными. Судя по виду, они могли воткнуться в тело не хуже ножей для резки мяса.

— Тебе меня не испугать, — удалось прохрипеть ей.

Лора думала, что ее горло обожжено — она все еще чувствовала запах дыма во рту. Но конечно, все это привиделось ей во сне.

— Когда-то ты был человеком. Ты был печальным маленьким человечком, который сидел дома и дрочил, разглядывая журналы с рекламой лифчиков...

Он оторвал одну из ног от пола и двинулся прочь, но потом вернулся и пнул ее в живот. Она не была к этому готова. Она почувствовала, что ее внутренности будто разжижаются, пытаясь одновременно и выплеснуться из горла, и выйти через прямую кишку. Она сжалась и каким-то образом удержала их.

— У тебя ничего не было и нет. Ты никто, — выкрикнула она. — А теперь ты стал еще ничтожнее. Ты противен природе. Ты таешь от солнечного света, ты...

Он занес ногу для нового удара. Лора вскрикнула, и он остановился, нога замерла на цементном полу, готовая ударить ее, если она скажет то, что придется ему не по вкусу. Она с радостью сказала бы что-нибудь, но понятия не имела, как найти правильные слова.

— Который час? — спросила она, пытаясь протянуть время.

Он снова пнул ее ногой. Это было все равно что попасть под машину, едущую на полном ходу. Она почувствовала, как ребра треснули у нее в груди. Боль хлынула наверх, в мозг, и внезапно она...

...открыла глаза и увидела черный дым, тянущийся к потолку. Она посмотрела вниз и опять увидела красное свечение расплавленного металла. Она снова оказалась во сне.

В те несколько минут, пока она не спала, ее альтер-эго из сна трудилось вовсю. Не обращая внимания на жгучую боль в руках, Кэкстон взобралась наверх по толстой цепи и повисла в десяти футах над поверхностью раскаленного металла. Обхватив цепь ногами и руками, она на минуту осталась там, где была, в безопасности, не зная, что делать дальше. На полу не было ни одного свободного пятка — жидкая сталь разлилась по всему заводу до самых литейных форм и инструментов, лишь край ковша еще оставался над поверхностью горящего, курящегося металла. Форма, на которой она стояла до того, превратилась в черное пятно посреди оранжево-красного кипящего моря внизу. Пламенеющее озеро все еще поднималось вверх — Лора видела, как оно взбирается по окнам, толстая линза тускло мерцающей лавы расплзалась по кирпичным стенам, а из ковша вытекало все больше расплавленного железа.

Делать было нечего, только лезть наверх. Лора попыталась проснуться. Она попробовала ущипнуть себя за бок что есть сил. Боль отозвалась у нее в животе, но больше ничего не произошло. Она стащила одну перчатку и бросила ее в поднимающееся море металла. Она с шипением ударилась о поверхность, занялась огнем и исчезла навсегда. Тогда Лора вонзила зубы в чувствительную перемычку между большим и указательным пальцами и сильно укусила ее. Потом еще сильнее. Так сильно, что пошла кровь.

Боль не разбудила ее. В отчаянии Лора закрыла глаза и представила, что всего этого не существует, она попыталась найти путь в мир бодрствующих только силой своей воли. И опять ничего не удалось.

Она подумала о холодном заводе, в реальности давно не работающем, где мертвые только и ждали, чтобы поиздеваться, а Райс продолжал жестоко измываться над ней. И удивилась: неужели она и в самом деле хочет туда вернуться? Неужели там было лучше, чем на горящем заводе из ее сна?

Отчаявшаяся, одинокая, едва способная видеть и дышать из-за дыма, она сжала горячую цепь и разрыдалась. Она больше этого не вынесет. Мир снов превратился в огненный ад. Реальность несла ей боль и пытки. Но был и третий путь, она знала.

Нужно было просто выпустить цепь из рук.

Она попыталась оттолкнуть эту мысль, не обращать на нее внимания, но та настойчиво возвращалась. Просто выпустить. Выпустить и падать, падать в бесконечность.

39

Она проснулась и увидела, что серебристый лунный свет заливает ей лицо. Она зажмурилась и села. Свет луны, просочившийся сквозь разбитые стекла высоких заводских окон, нарисовал на полу прямоугольник.

Кэкстон попробовала встать. Это было нелегко. Ее тело сводило от боли каждый раз, когда она пыталась сделать движение. Боль была такая, словно ее раздирали на части. Ноги были в тех местах, где немертвые порезали ее днем раньше. Голова была тяжелой, кроме того, ей все еще приходилось сморкаться, прочищать горло и выплевывать кровавую слизь. Но сколько ни продувала она нос и ни отхаркивалась, все равно в легких что-то оставалось.

Медленно, помня о поломанных ребрах в грудной клетке, Лора поднялась на ноги и огляделась по сторонам. Райса нигде не было. Немертвые со своим костром были на другой половине завода. Во сне она переползла, а может, ее перенесли подальше, и теперь она находилась вне зоны слышимости своих тюремщиков. Никто за ней не следил. И ничто не мешало ей сбежать.

Она почувствовала, словно ей окатили спину ледяным душем. Это было невозможно. Она получила помилование — почему-то вампир и его приспешники стали игнорировать ее. Или они думали, что она все еще без сознания и бродит по заводу как лунатик? Или они решили, будто она настолько слаба, что не сможет сбежать?

Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой, и Лора это знала. Наверное, какая-то ловушка. Но она прекрасно понимала, что ей необходимо использовать малейшую возможность, которая только появится, чтобы освободиться. Не спуская глаз с немертвых у костра, она бросилась к стене, где были свалены в кучу сломанные тележки — небольшие вагонетки, в которых когда-то перевозили слитки из одного конца завода в другой. Выщербленное дерево и ржавые колеса громко закрипели, когда она стала взбираться по ним вверх, но сделать это тихо никакой возможности не было. Груда закачалась у нее под ногами, но все же оказалась достаточно надежной, чтобы добраться по ней до нижнего края высоких окон.

Она отыскала приоткрытую створку, отверстие шириной с ее руку. Окно было затянуто проволоочной сеткой. Осколки разбитого матового стекла все еще висели на проволоке. Она осторожно стряхнула их и выглянула наружу.

Луна освещала сельский пейзаж, живую картину, на которой черные деревья гнулись и качались на холодном ветру. Прямо за заводом было ровное поле, когда-то, наверное, оно было парковкой или же сортировочным депо, но теперь заросло сорняками и не использовалось вообще никак. Несколько рядов пятидесятигаллонных нефтяных цистерн стояли забытые, проржавевшие насквозь прямо под ней.

Выход был только один. Лора находилась на высоте примерно двадцати футов. Даже если ей удастся как-то пробраться сквозь сетку, ей придется прыгать на неизвестную поверхность и надеяться, что при этом она не сломает ноги.

Что-то шевельнулось позади нее, и она запаниковала, едва не свалившись в груды сломанных вагонеток. Она обернулась и увидела посреди завода отряд немертвых. Они не смотрели на нее, хотя и должны были видеть, — но почему? Может, зрение у них было не таким хорошим, как у нее? Может, она их переоценила?

Кэкстон снова повернулась к разбитому окну. Это было хорошо, это помогало. Хотелось просто сделать глоток свежего воздуха. Она понимала, что через минуту ее обнаружат и снова усыпят. Но даже один только взгляд на залитые луной деревья стоил усилий.

Она глубоко вдохнула — и едва не задохнулась. Воздух снаружи был пропитан вонью преющего навоза. Она отвернулась от окна и постаралась не закашляться.

Немертвые тянули цепь, свисавшую с потолка. Цепь загремела, ударяясь об их

костлявые руки, и внезапно начала жить своей жизнью. Противовес стремительно полетел вниз, а цепь понеслась к потолку. К противовесу был привязан какой-то холщовый сверток.

Кэкстон не удивилась, когда мертвые перерезали веревку и она увидела человеческий труп, труп женщины плотного телосложения в коричневой форме водителя Объединенной службы доставки посылок. Она была очень бледна, это означало, что из нее высосали кровь. Одна из жертв Райса.

Немертвые осторожно положили ее на пол, расстегнули на ней одежду, но снимать не стали. Выглядело это так, словно они пытались устроить ее поудобнее, что было весьма странно.

Тогда вампир вышел из тени. Все это время он лежал не далее чем в двадцати шагах от нее на куче застывшего шлака. Надежда покинула Лору, она исчезла, как вода в канализационном сливе. Все это время, пока она лазила по сломанным тележкам и вдыхала вонючий воздух снаружи, он, наверное, следил за ней. Ну конечно же следил. Он же не дурак, чтобы дать ей свободно разгуливать.

Впрочем, на нее Райс даже не взглянул. Он подошел к трупу и дотронулся одной рукой до груди мертвой женщины. Его ладонь прижалась к тому месту, где было ее сердце. Он пристально всмотрелся в остекленевшие, невидящие глаза и забормотал что-то низким, рокочущим голосом.

Тело женщины стало извиваться, мышцы под одеждой задергались.

— Вернись, — приказал ей Райс.

Он звал ее — в буквальном смысле возвращая из смерти.

— Вернись и служи мне. Вернись и служи мне!

Судороги превратились в конвульсии, каблуки скребли пол, голова моталась из стороны в сторону. Она была словно рыба, выброшенная на сухое дерево причала. Тело закаменело в спазме, и кислый запах разлился в воздухе, похожий на запах за окном, но намного сильнее и острее. Когда женщина потянулась к своему лицу, из ее пальцев вылезли жуткие когти. Она медленно села и принялась сдирать кожу со щек.

Она стала кричать, когда полосы кожи начали сползать с ее лица, но она непрерывно вонзала ногти в лоб и щеки — что бы ни случилось, раздирание лица было важнее. Она собиралась содрать его полностью, кусок за куском. Так Кэкстон увидела рождение новой мертвой взамен тому, кого Райс бросил в огонь.

Райс почувствовал ее отвращение. Он повернулся, чтобы взглянуть на Кэкстон, и долгую минуту они просто смотрели друг другу в глаза. Кэкстон поняла, что он роется у нее в голове, будто в картотеке ее разума, все ищет чего-то и не находит. Вампир был расстроен, зол, возбужден, но как только она почувствовала эти эмоции в нем, он использовал физическую связь, которая была между ними. Ее тело стало корчиться, будто коснулось проволоки под напряжением. Райс отвел взгляд, и Кэкстон, тяжело дыша, обрушилась назад, на вагонетки. Глаза закрылись, и...

...она снова была на горящем заводе и по-прежнему цеплялась за цепь. Ей не верилось, что она все еще держится. Ей внезапно захотелось сдаться, захотелось очень-очень сильно. Она мысленно представляла, как это будет. Через несколько секунд ее тело пролетит через пустое пространство. Она столкнется внизу с поверхностью раскаленного металла. Кожа мгновенно воспламенится. Мускулы и плоть продержатся лишь на мгновение дольше. А потом наступит боль. Она была уверена эта боль будет не сравнима ни с чем, что ей доводилось испытывать прежде. Но только на мгновение. А потом... что? Забвение? Небытие?

Как же соблазнительно это было... как соблазнительно — бросить все. Еще раньше, прежде чем она оказалась заключенной в гробу, она задумывалась о своей жизни. О том, как она ничтожна. Работала на износ ради похвалы начальства, Аркли, ее покойного отца. А потом Диана, Диана, которую она так любила, Диана, которая угасала у нее на глазах. Диана, когда-то яркая, живая, сексуальная, а теперь проводящая на кушетке все свободное время. Кэкстон приедет домой и найдет ее там, завернутую в плед, смотрящую светские сплетни по

телевизору. Или даже глядящую в никуда, с глазами, даже не обращенными к экрану. Кэкстон поклялась спасти Диану, вернуть ее к жизни. Но терпела неудачу и понимала это. Если уж на то пошло, это Диана тащила ее вниз.

А ее собаки, ее борзые, эти красивые животные. Они будут скучать по ней. Они будут скулить, зовя ее. Но придет кто-нибудь другой, покормит их, станет ухаживать, и вскоре они ее забудут. Весь мир забудет Лору Кэкстон после непродолжительного формального траура. Если ее не станет, на самом деле ничего не изменится. Или же, скорее, изменится только одно: на счетах вселенской бухгалтерии исчезнет некоторое количество боли. Разве же это плохо? Если у нее есть возможность уменьшить боль этого мира, покончив с собой, то что же в этом плохого?

Все, что нужно сделать, это отпустить руки.

Она оторвала одну руку от цепи и почувствовала, что где-то там, за пределами сна, вампир Райс заулыбался. Она взглянула на свою руку. Он хотел, чтобы она выпустила цепь. Райс хотел, чтобы она положила конец этому сну.

Не важно. Не важно, кто этого хочет. Через секунду ее не станет, она исчезнет из этого мира, да и, в конце концов, какая разница? Какая разница, съедят ли вампиры половину всей Пенсильвании? Какая разница? Ее уже не будет здесь, чтобы почувствовать вину.

Она отпустила другую руку. Мускулы бедер задрожали от напряжения, ибо теперь им приходилось поддерживать вес всего тела. Она стала откидываться назад. Как легко. Как же легко, и это решит все ее проблемы.

Сильные пальцы схватили ее за левое запястье. Она закричала, ожидая боли, но пальцы просто держали ее, не вонзаясь в ее плоть. Они не давали ей упасть. Она попыталась повернуть голову, чтобы увидеть того, кто ее держал, но не получалось — голова не поворачивалась в ту сторону. Она видела только пальцы, как они меняют хватку, замыкаясь у нее на запястье, словно пара наручников.

— Рано тебе еще умирать, — сказал обладатель пальцев.

Голос был очень тихим, почти неслышимым из-за рева горящего завода. Но она могла поклясться, что голос принадлежал Аркли.

40

— Довольно! — закричал из ниоткуда Райс, и все остановилось — время, движение.

Кэкстон осталась одна. Исчез раскаленный металл, под ним оказался цементный пол завода. Сталь все еще заполняла несколько каналов в полу, испуская немного света, и доменная печь все еще дымилась, выплевывая огромные залпы красных искр. Зато жар стал если и не терпимым, то по крайней мере не убийственным, и воздух вокруг Кэкстон посвежел, теперь стало можно дышать без боли. Металл, выливавшийся из огромного ковша, замедлил течение и закапал. Лора спустилась по цепи вниз и встала на пол, не рискуя сгореть.

В одном углу завода скрипнула, открываясь на ржавых петлях, дверь. Лора неуверенно двинулась к ней, не понимая, что происходит. Она видела только ступени, уводящие в темноту, и больше ничего.

На дрожащих от усталости ногах она шагнула на первую ступеньку. Каменная ступень была холодной настолько, что пришлось поджать пальцы босой ступни. Проведя столько времени в обжигающем жаре горящего завода, Лора успела позабыть, каково это — чувствовать холод. Она сделала еще шаг и бросилась к металлическому косяку двери. Она была совершенно уверена в том, что, спустись она вниз достаточно далеко, и дверь захлопнется за ней с зубодробильным лязгом. А может, она захлопнется, когда Лора спустится всего на несколько ступенек, захлопнется, как мышеловка на ее и без того израненном теле. Она больше не допустит повторения такого кошмара.

— Лора, пожалуйста, иди ко мне, — сказал кто-то из темноты внизу с сильным акцентом центральных штатов.

Она сделала шаг, еще один и еще. Ловушка не захлопнулась. Наконец она различила какой-то сочащийся снизу желтый свет, он дрожал, словно пламя на небольшом сквозняке.

Она спустилась дальше и обнаружила, что комната прекрасно ей знакома. Узкое сводчатое пространство, стены, увешанные полками с банками, коробками и свернутыми одеялами. Это был тот самый погреб, куда принесли ее в гробу мертвые. Мерзкий ритуальный предмет все еще стоял там, теперь крышка была закрыта. На одном конце гроба стояла свеча в старинном подсвечнике. На другом конце сидел человек среднего роста и телосложения. Он был одет в толстовку с капюшоном (капюшон был откинут) поверх белой классической сорочки. Ею кожа была цвета ореховой скорлупы, а черные волосы собраны в тщательно причесанный хвост. Он улыбнулся ей, показав полный рот небольших ровных зубов, совершенно человеческих зубов, но она знала, кто это: Эфраин Райс. Это был Райс, такой, каким он был при жизни. Прежде чем умер и стал вампиром.

— Когда завод еще действовал, здесь хранились буро и известь. Вот чем тут пахнет, — сказал он ей.

Он похлопал по гробу рядом с собой, приглашая ее сесть.

Лора не чувствовала никакого запаха. Дым с горящего завода обжег ей дыхательные пути, и теперь она вообще не могла ничего учуять. Она не стала его поправлять, просто села рядом. На гробу было не так уж много места, чтобы сесть на расстоянии, поэтому она села, прижавшись к Райсу, бедром к бедру, рукой к руке.

— Я хотел поговорить с тобой напрямую, — сказал он ей, как только Лора устроилась. — Но она пыталась меня отговорить.

Кэкстон откуда-то знала, что он имеет в виду Малверн и что Жюстина Малверн устанавливала правила разговора. Должно быть, эти сведения передавались каким-то образом через ту часть Райса, которая была у нее в голове.

— Это должно происходить в тишине. Она даже называет это Безмолвным Обрядом.

— Ты контактируешь с ней... прямо сейчас? — изумилась Кэкстон.

«Да», — услышала она мысленно, но он только головой покачал.

— Я не могу тебе этого сказать.

Он, похоже, не был уверен, услышала она его или нет.

— Я не могу тебе ничего рассказать, пока ты не примешь проклятие.

— Тогда вообще о чем нам говорить? Я отказываюсь... делать то, о чем ты меня просишь, — сказала она ему.

Ей не оставалось ничего другого, как прямо заявить ему об этом.

— Тебе придется самому убить меня.

— Я ничего не прошу. Это должен быть твой собственный выбор. Ты должна сама согласиться стать одной из нас.

— Я не могу... Я видела Малверн... в ее гробу...

Позади нее раздалось шуршание шелка, и Кэкстон попыталась оглянуться, но сразу не смогла это сделать. Кто-то остановился у нее за спиной, но нет, ничего человеческого тут не чувствовалось. Наконец ей удалось повернуться настолько, чтобы увидеть женщину, которая присоединилась к ним. Женщина-вампир прижалась к стеллажам, словно цепляясь за свою драгоценную жизнь. Она была одета в длинное платье из пурпурного шелка, с шокирующим декольте и пышным кринолином. Напудренный серый парик возвышался на ее лысой голове, скрывая треугольные уши. На одном глазу у нее была черная шелковая повязка, а вокруг губ размазалась запекшаяся кровь.

Это была Малверн. Жюстина Малверн, такая, какой она, должно быть, выглядела, когда была полной сил, сытой вампиршей. Воплощение могущества и власти. Она не шевельнулась, не улыбнулась, не заговорила. Единственный ее глаз, не мигая, изучал Кэкстон. Но Лора видела истину, которая так хорошо скрывалась за этой внешностью. Малверн была в отчаянии. Она просила помощи и в то же время изучала Кэкстон, пытаясь понять, достойна ли та ее оказать.

— Мы нужны ей, Лора. Ты не можешь представить, как она страдает. Мы должны

помочь ей, и, чтобы сделать это, тебе нужно стать одной из нас. Ведь твоя жизнь так жалка, правда? Я не хотел быть жестоким.

Во время разговора его голос менялся. Центральноамериканский акцент становился грубым, превращаясь в рычание. Малверн исчезла без предупреждения, оставив после себя лишь запах крови, который повис в воздухе и слегка переменился, почти незаметно, в запах преющего навоза.

Кэкстон сначала не поняла, в чем дело, но потом медленно повернула голову, глядя на Райса. Сон закончился, и вернулась реальность. Ничего не изменилось. Она все еще сидела на гробе вместе с Райсом, и единственным освещением была мигающая свеча. Он хотел, чтобы она думала, будто все еще спит, — иначе к чему такой тонкий переход? Но если до этого он выглядел по-человечески и был полностью одет, то теперь на нем были только его тренировочные штаны, а кожа была белее мыльной пены. Она подняла глаза и увидела лысую голову и заостренные уши. И рот был полон мерзких зубов.

До этого он выглядел как личность, как человеческое существо, уникальное, единственное такое среди остальных существ этого мира. Теперь же он был похож на того вампира, которого она помогала убивать, на того, которого Аркли уничтожил отбойным молотком.

«Конгрейв», — услышала она у себя в голове.

Так звали мертвого вампира. Райс определенно не заходил раньше так далеко. Или же ему теперь все равно. Он был уверен, что ей придется умереть.

— Теперь все зависит от тебя, — сказал он, протягивая ей что-то тяжелое, странной формы. Она опустила глаза и увидела, что это пистолет. Ее собственная «беретта», если точно.

— Она думала, что ты, может быть, поймешь и захочешь помочь. Но это зависит от тебя. Подними и вставь ствол себе в рот.

Кэкстон нахмурилась. Ее рука без малейшего усилия подняла пистолет. Мышцы сократились, поднося оружие ближе к лицу. И она знала, что опустить его будет сложнее, чем сделать то, что он велел. Она попыталась вспомнить то чувство забытья, которое было у нее во сне. Она попробовала сосредоточиться на том шаге, который станет решением всего.

Ей хотелось сделать Райсу приятное. И она поразилась, осознав это.

Она всегда пыталась сделать приятное любой влиятельной фигуре в ее жизни — отцу, начальству из дорожного патруля, Аркли. Почему бы и не вампиру, который имеет над ней такую власть?

— Давай, Лора. А я сделаю остальное, ладно?

Он не прикасался к оружию.

— Большинство людей уже давно бы все решили. Когда я увидел ее в гробу, я решился тотчас же. Я знал, что она предлагает, и знал, что хочу этого. Это бессмертие, Лора, и оно заразительно! Это так здорово! Почему ты медлишь?

Но Кэкстон вовсе не считала, будто она медлит. Она думала, что как раз все идет хорошо. Ствол все поднимался, приближаясь к ее лицу. Рот приоткрылся, язык облизнул пересохшие губы.

Ее воля и воля Райса были сплавлены вместе. Она чувствовала его внутри, словно червя, зарывшегося в полушария ее мозга. Жюстина Малверн сделала с Райсом то же самое, поняла Лора, только одним взглядом, встретившись с ним глазами на один миг. Старая вампирша изнасиловала его одним только взглядом в тот самый момент, когда он пришел вкрутить электрическую лампочку. Теперь же он делал то же самое с ней, используя ту же самую силу. Он создал Конгрейва и того другого вампира, который ежедневно обрезал свои уши. Райс был в этом мастером. Откуда в ней еще оставалось упорство противиться ему?

Ствол пистолета коснулся ее губ. Она почувствовала холодный металл на чувствительной коже, как удар тока. Скосив глаза, она посмотрела на ствол. Еще несколько дюймов. Оружию оставалось пройти всего несколько дюймов, и тогда, она знала, палец нажмет на курок.

— Твоя мать тоже сделала это. Твой отец стал курить по три пачки в день, когда это понял, — выдохнул Райс.

Он был так близко к ней. Он не смотрел на нее.

— Твоя любовница уверенно идет к тому же. И я сделал это без колебаний. Это совсем не трудно.

Палец Кэкстон лег на курок. Задрожал, дернулся.

И тут по лестнице спустился Аркли, бесшумно ступая по ступеням. Он встал у нее за спиной и положил руку ей на плечо. Она не могла видеть его, но знала, что это он. Так же как и на горящем заводе.

— Ты не так слаба, как тебе кажется, — сказал он ей.

Это было лучшее, что она когда-либо слышала о себе. Хорошая прощальная мысль, прежде чем положить конец ее жизни.

«Вы не настоящий», — подумала она.

Но потом ее осенило: как он мог оказаться здесь, если она уже окончательно проснулась? Он являлся к ней во сне, но тут, в реальной жизни, его присутствие казалось совершенно невозможным.

И как только она подумала об этом, он исчез. Осталось только тепло его руки на плече. А ее собственные руки внезапно оказались очень-очень тяжелыми, и пистолет отстранился от губ. Он все еще был нацелен на нее, но теперь он лежал у нее на груди так, что если она выстрелит, то попадет себе в сердце.

— Нет, — крикнул Райс.

Он двигался быстро, слишком быстро, и она не успела. Пистолет отлетел от нее в угол погреба, рука заболела, как от удара.

— Нет! Нет, нет, нет. Joder?!¹ — простонал он. — Ну почему ты такая дура? У меня нет на это времени.

Он посмотрел на нее, и его кровавые глаза были полны ярости и ненависти. Он размахнулся, и Лора перекатилась через гроб, приземлившись на кучу мусора в углу.

41

Райс встал и схватил ее своей огромной ручищей за волосы. Он поднял ее, заглядывая в глаза, пока она не выпрямилась во весь рост.

— Я думал, все эти разговоры о полной тишине, это mierda,² но, похоже, это не так. Забудь все, что я тебе сказал, ладно? Забудь все, сядь здесь, и чтобы пальцем не шевельнула, пока я за тобой не вернусь.

Лора кивнула. У нее вообще больше не осталось силы воли. Если он прикажет ей встать на одну ногу и кудахтать, как курица, она так и сделает.

— Хорошо. Просто отлично, черт подери! Раз тебе угодно упрямиться, я тебя переупрямлю, регга.³ Начнем заново сегодня ночью.

Он в расстройстве потерял глаза и рот и отвернулся от нее. Она думала, что он заберет свечу и уйдет, оставив ее в темноте, поднимется по лестнице и бросит ее одну. Но его решение было, оказывается, намного проще. Он открыл гроб и залез в него, оставив ее смотреть на мигающий огонек свечи.

Там, снаружи, начинается утро, поняла она. Значит, ночь закончилась.

Первая ночь, во всяком случае. А сколько их еще предстоит ей, со снами о горящем заводе? Сколько еще ночей пройдет, прежде чем она застрелит себя, прежде чем в конце концов примет его проклятие? Из гроба раздался булькающий звук чего-то льющегося. Райс был совершенно уверен, что Лора не представляет опасности и не навредит ему, поэтому он оставил ее прямо тут, рядом с его разжижающимся телом. И он был прав. Она и пальцем не

1 Вот блин! (исп.).

2 Дерьмо (исп.).

3 Сука (исп.).

могла пошевелить. Чтобы проверить это, она посмотрела на свои руки, на большой палец правой руки. Она хотела пошевелить им, использовать всю оставшуюся силу воли на то, чтобы он хоть немного дернулся. Бесплодное усилие, но ей было необходимо совершить его, прежде чем просто сдаться. Если она сможет доказать себе, что даже это простое движение пальца ей недоступно, то к чему продолжать сопротивление? Она просто сделает то, о чем просил ее Райс. И она направила все свое желание на то, чтобы пошевелить пальцем, но, прежде чем ей это удалось, раздавшийся из ниоткуда голос напугал ее.

— Что, если у тебя получится? — спросил ее Аркли.

Он стоял на лестнице, но вне поля зрения. Впрочем, это был его голос.

«Что?» — спросила она мысленно, не способная открыть рот.

Она все еще могла мыслить.

— Что, если ты шевельнешь пальцем? — спросил он. — Что ты станешь делать после этого? Будешь продолжать бороться?

Вопрос был абсурдный.

«Вы не настоящий» — ответила она ему, как и прежде.

И, как и прежде, это сработало. Он испарился. Она почувствовала легкое удовлетворение оттого, что ей удастся, по крайней мере, контролировать свои галлюцинации.

Когда Аркли пропал, Лора вернулась к своим рукам, но у нее ушло много времени на то, чтобы вспомнить, что это она делает. Казалось, ей не удастся мыслить правильно, каждый раз, когда она пыталась удержать что-то в голове, это просто вылетало из нее. Она что-то собиралась сделать, вспомнила она. Что-то важное. Что-то жизненно необходимое, последний шаг. Она собиралась шевельнуть пальцем.

Она посмотрела на палец и решила:

«Ну ладно, если можешь шевельнуться, шевелись».

Палец сдвинулся. Всего лишь крошечный рывок, почти дрожь. Но он шевельнулся.

Она посмотрела на лестничный спуск, там ли еще Аркли, готовая посмеяться, спросить, что делать дальше. Но его там не было, конечно же, потому что его там вообще никогда не было. Он был не настоящий. Но на этом Лора не успокоилась. Что дальше? Что ей делать дальше?

Пошевелить рукой показалось ей хорошей идеей. Она попыталась сжать кулак. Медленно, очень медленно, ведь она так устала, но рука сложилась в слабый кулак.

Она почувствовала странную разновидность злости. На самом деле ей хотелось, чтобы рука не подчинилась. Теперь ей было некомфортно сидеть тут в ожидании, когда Райс вылезет из гроба. Но если она смогла сжать руку в кулак, значит, ей, наверное, удастся и встать.

— Ты должна сделать больше, — сказал ей Аркли.

Он вернулся, спрятавшись где-то совсем рядом, но там, где она его не видела. Его присутствие ощущалось в комнате, но Лора не могла сказать, где именно он был.

— Тебе нужно открыть гроб.

Она поднялась на ноги, долго провозившись при этом. Никакой нужды торопиться не было. Если бы Аркли потребовал от нее двигаться быстрее, она бы снова просто выкинула его из сознания, может, на этот раз окончательно. Впрочем, он не настаивал. Он не поддерживал, не высмеивал ее. Он молчал. Но все еще был тут.

Лора возилась возле гроба, пока не встала возле него. Одним быстрым движением она распахнула его. Она знала, что обнаружит там, но не до такой степени. Кэкстон увидела кости Райса, так же как и скелет Малверн, но там, где плоть Малверн ссохлась наполовину или четверть в вязкую бурду, гроб Райса был полон до половины полужидким месивом. Конечно, у него было намного больше плоти, чтобы разжижаться, чем у Малверн. Несколько длинных костей плавали сверху, а по ним ползали целые полчища личинок, цепляющихся за узловатые выступы. Череп был на дне, погруженный полностью, и Лора видела только его отвалившуюся нижнюю челюсть.

— Ты должна взять сердце, — сказал Аркли.

Она повернулась, ища федерала. Он был так близко, что она чувствовала тепло его тела. Точно так же, как чувствовала холодное отсутствие человечности в Райсе. Правда, Аркли она видеть не могла. Он был только в ее голове. Впрочем, она не стала бы утверждать это с такой легкостью. Скажи она хоть что-нибудь в этом роде, и он исчезнет. Но она была уверена, что его совет ей еще понадобится.

— Возьми сердце, — повторил он снова.

Лора принялась искать сердце, но его нигде не было. И возле хребта Райса оно не плавало, и со дна грудной клетки не выскакивало. Было что-то темное, что лежало на дне, на шелковой обивке гроба. Что-то чернело там, и это не было костью. Лора уже было потянулась, но остановилась. Она не знала, можно ли касаться разжиженной плоти.

— Ты же пошевелила пальцем, — сказал ей Аркли. — Ты же обещала себе, что сделаешь это, что продолжишь бороться. Другого пути нет.

Она закрыла глаза и погрузила руку в гроб. Жижка облепила руку, прилипая к волоскам на запястье и предплечье. Она почувствовала, как какая-то кость ткнулась в кожу, грубо и угрожающе. Личинки взбирались на кожу, залезая вверх по руке. Лоре захотелось кричать, но она все еще была слишком одурманена, чтобы издать хоть один звук. Будь она наполовину в гипнозе, понимала она, сердце ей взять не удалось бы.

Но даже в ее полусознанном состоянии она почувствовала, как пальцы сомкнулись на темном органе и беспрепятственно вытащили его. Бульон из органики, в который днем превращалось тело Райса, стекал с его сердца. Жижка капала Лоре на ботинки. Само сердце кишело личинками. Лора попробовала стряхнуть их, но не тут-то было — они прочно прилепились к нему. Какая-то жилка запульсировала у Лоры в ладони едва заметным ритмом. Он напомнил ей, что еще не все кончено.

Лора взглянула на стеллажи. Райс говорил, что когда-то в этом подвале хранились известь и бура, и теперь, наполовину придя в сознание, Лора на самом деле почувствовала их запах, щелочную кислинку, повисшую в воздухе. Но по каким-то причинам подвал был превращен в основной склад, и полки теперь ломились от всякой всячины. Там были банки, полные гвоздей, шурупов и прочей мелочи. Были припасы для лагеря, запасные свечи и коробки с протоколами по технической безопасности материалов, правительственными формулярами, которые объясняли, что за химикаты использовались на заводе и насколько они были ядовиты.

Она взяла самую большую банку, какую только нашла, и вылила ее содержимое в гроб. Порвала дюжину-другую формуляров и натолкала их в банку, позаботившись о пространстве для циркуляции воздуха. Когда-то она была в отряде младших скаутов и неоднократно ходила в походы, поэтому разжигать костер она умела.

Свеча, которой Райс освещал подвал, почти сгорела к тому времени, как Лора закончила приготовления. Чтобы зажечь самодельный фитиль, потребовалась секунда. Ярko-оранжевые языки огня охватили стенки банки. Бумага почернела и быстро превратилась в пепел, но у Лоры впереди было еще много работы, поэтому она все запихивала и запихивала бумагу внутрь. Потом она бросила в банку сердце.

Она думала, что ей придется поддерживать огонь несколько часов, чтобы сжечь влажное сердце. Мышечная ткань, особенно сердечная, с трудом поддавалась горению. Но к вампирскому сердцу это не относилось. Оно с таким же успехом могло быть сделано из парафина: оно моментально вспыхнуло, занялось синим пламенем, таким жарким, что стеклянная банка раскололась и пламя выстрелило в самый потолок.

Череп Райса всплыл на поверхность, распахнув челюсть в крике, который Кэкстон отчетливо слышала, протяжный, исполненный ужаса вопль. Вопль твари, горящей заживо, но не способной откатиться или убежать от огня.

Ну вот и все. Лора рассчитывала — или надеялась — на нечто более драматическое. Впрочем, через несколько секунд череп утонул в вязкой мути, упокоившись снова. Крик в голове смолк, но осталось что-то вроде одинокой ноты. Она так и не исчезала до конца, но ее поглотил шум в Лориной голове.

— Не жалей его, — сказал ей Аркли.

Она прокашлялась, пробуя голос.

— Не жалею. Этот сукин сын изнасиловал меня. Даже сейчас он внутри меня. Я рада, что он смог почувствовать это.

Лора опустила на колени возле горевшего сердца и смотрела, как оно сморщивается и распадается на куски. Когда не осталось ничего, кроме оранжевых углей, и крик стих, она подобрала тлеющий кусок сердца свернутым обрывком бумаги и кинула его в гроб. Разжиженная плоть внутри вспыхнула, как шаровая молния, и веселые змейки огня побежали по деревянной отделке гроба.

— Что думаешь делать дальше? — спросил ее Аркли.

— Поднимусь наверх, — ответила она, потому что теперь это было так просто.

Но перед этим она остановилась, чтобы отыскать свою «беретту». И та легко и очень ловко легла в ее руку.

42

Двое мертвых стояли возле двери в подвал. Они несли гроб, простой деревянный ящик, в котором когда-то лежали инструменты, вот только размерами он был как раз в рост человека. Гроб этот предназначался для Кэкстон, для ее возрождения вампиршей. Смастерили они его, когда она спала.

На одном из мертвых был хромированный кайзеровский шлем. Четырьмя днями раньше он еще был байкером, массивным крутым парнем, не равнодушным к коже и лубрикантам. Райс добрался до него, когда тот остановился у телефона-автомата. Кто теперь вспомнит, кому он собирался позвонить.

— Больше тянуть нельзя, — сказал он высоким и пронзительным голосом.

Он потерял свои костлявые руки, так что высохшая плоть хлопьями полетела с них.

— Солнце почти взошло.

Вторая мертвая покачала лишенной плоти головой.

— Солнце. Наверное, я никогда больше не увижу его. Я бы любые деньги отдала, только чтобы увидеть солнце, но теперь... Господи. Кто я? В кого он меня превратил? — сокрушалась она.

Ее голос звучал потерянно и не на шутку испуганно. Райс нашел ее, когда она перед рассветом совершала пробежку по пустынной сельской дороге, все еще покрытой ночным туманом. Она попыталась убежать, но Райс был быстрее.

— Это... это ад. Я в аду, наверное.

— Не торопись с выводами, — сказал ей байкер. — В этом есть и положительные моменты.

Немертвая повернулась, чтобы взглянуть на собеседника.

— Хорошие стороны? Провести остаток дней как мертвая уродина без лица, это, по-твоему, хорошие стороны? Я не могу есть, не могу спать. Мое тело разваливается у меня на глазах, в буквальном смысле разлагаясь от соприкосновения с воздухом. И что тут, черт возьми, хорошего?

— Ну, — ответил он ей, — больше недели это не продлится.

Тогда Кэкстон шагнула из тени с пятифутовым железным прутом в руках. Широко размахнувшись им, она снесла безлицую голову с шеи бывшего байкера. Жилистое тело медленно рухнуло на пол.

Лора повернулась лицом к женщине. Мертвая попятилась от нее, вытянув в мольбе руки. Еще миг — и она оказалась недосягаемой, и тяжелый прут в лучшем случае можно было только метнуть. Кэкстон кинула им в нее и вздрогнула, когда тот грохнулся со стуком на цементный пол, вблизи от цели.

Немертвая развернулась и бросилась прочь на подгибающихся ногах. Кэкстон кинулась за ней и с легкостью поймала. Она схватила женщину за руку, оторвала ее и швырнула в

дальний угол. Вторая рука оторвалась, стоило только потянуть за нее.

Немертвая заходила в крике. Наконец она рухнула на пол. Кэкстон пинала ее ногами до тех пор, пока крик не прекратился.

Она остановилась на секунду, чтобы перевести дыхание. Она стояла одна посреди темного завода. Вампир был мертв.

— Тебе еще нужно выбраться отсюда живой, — сказал ей Аркли.

Она остановилась, глядя на него. Он был рядом, вот в чем все дело.

— Весь этот шум привлечет сюда остальных.

Она кивнула, соглашаясь с ним. Она проверила «беретту». Оставалось три пули. А по заводу все еще бродили как минимум тринадцать немертвых. Сражаться со всеми одновременно она не могла. Больше чем одного-двух сразу ей не одолеть. Ей удалось справиться с байкером и легкоатлеткой только за счет эффекта неожиданности. Руки тряслись от ужаса и напряжения. Ей и прут-то железный нелегко будет поднять.

Ну ладно, подумала она, не можешь сражаться — беги. Проблема в том, что она не знала, в каком направлении ей бежать. Костер, горевший прошлой ночью, погас, и завод был погружен в полную темноту. На заводе должен был быть выход, дверь, ведущая в день, но Лора понятия не имела, где ее искать.

— Если не можешь определиться, иди к ближайшему заметному объекту. Это, по крайней мере, поможет тебе сориентироваться, — сказал ей Аркли.

Лора повернулась и пошла в глубь завода, к ковшу и доменной печи. Солнце слегка тронуло светом высокие окна, и Лора уже могла различать отдельные детали. Она видела достаточно хорошо, чтобы не спотыкаться о груды мусора и загромождавшие пол формы, доходившие ей до середины икры.

Она видела рваные лица, словно плывущие в сумраке, тела, проскальзывающие мимо нее в темноте. Чувствовала костяные руки, тянущиеся к ней. Одна из них коснулась ее бока, разрушающиеся мышцы руки немертвого сомкнулись на ткани ее рубашки. Лора резко выбросила локоть вперед, рука отлетела прочь, и тут же последовал пронзительный вопль.

Впереди нее показались красные останки того, что было лицом, и она подняла «беретту» и выстрелила в немертвого, который попытался схватить ее. Немертвый взорвался, разлетевшись на куски, а у нее осталось только две пули. Лора нагнулась, уходя от атаки другого немертвого, обегая горн сбоку. Впереди она заметила пару раскачивающихся дверей. Тонкая полоска синеватого света просачивалась между ними. Лора кинулась к дверям, вытянув руки, чтобы с разбега толкнуть их. Двери со скрипом распахнулись, и Лора вырвалась во внутренний двор, огороженный с двух сторон высокими кирпичными стенами. Желтая трава повсюду вылезала из земли. Лора увидела рабочие станки и старые стойки для инструментария, но выхода здесь не было. Она оказалась в ловушке.

Но над головой было голубое небо. По крайней мере, она была снаружи. Она почувствовала запах преющего навоза, присущий Кеннет-сквер, и поняла, что помощь находится близко от нее. Юго-восточный район Пенсильвании был довольно хорошо развит. Если только ей удастся выбраться с внутреннего двора, она будет свободна.

Но выхода не было. Никакого. Здесь был тупик. Стены со всех сторон были крепкими, без проломов. И слишком высокие, чтобы их можно было перелезть.

Двойные двери затрещали, и один немертвый высунул на воздух свою костистую голову. Лора подняла пистолет, и тот нырнул обратно.

— Аркли, — спросила она, — что мне делать?

Он не ответил. Наверное, у него идеи были не лучше, чем у нее. У нее оставалось два патрона, а преследовали ее примерно десять-двенадцать немертвых. Времени не было.

Кэкстон ухватила за грубый край деревянного стола — на деле это был всего лишь большой фанерный щит, прибитый к козлам, и подтащила его к дальней стене. Вскочила на него, но до верха стены оставалось еще футов семь.

Двойные двери вновь качнулись. Одна приоткрылась на дюйм, скребя по неровной земле. Лора глядела, словно снова находилась под гипнозом, не в состоянии шевельнуться.

Если все немертвые вылезут наружу, пусть даже у них только ножи и дубинки, ей конец. Всех она не перебьет.

— Они трусливы, — сказал ей Аркли.

Его голос был очень тихий.

— Что? — переспросила она, хотя и поняла его.

— У меня только две пули, — пожаловалась она, отлично зная, что он всего лишь у нее в голове. Он не был реален, он был просто ее инстинктом самосохранения.

Она выждала минуту, пока немертвые соберутся в кучу, а потом выстрелила оба раза прямо в щель между дверями. Она услышала пронзительные крики и множество взволнованных голосов. Неплохо. Кэкстон сунула пустой ствол в кобуру. Потом прыгнула вниз и схватилась за другой рабочий стол, а затем — за груды палок. Вскоре она воздвигла хрупкую пирамиду из дерева, которая выглядела так, словно вот-вот обрушится под собственным весом, а не то что под ней. Лора смерила взглядом шаткую кучу и подумала, что ни за что не сможет влезть на нее и прыгнуть вверх, чтобы схватиться за край стены.

Что скажет Аркли, она знала. Только попробуй разок, а потом, если свалишься и сломаешь шею, все уже будет не важно.

Обеими руками, немилосердно трясущимися, она втащила себя на самодельные подмости. Встала на ноги на верхнем ярусе, на перевернутой тачке. Поставила одну ногу на колесо, но оно крутанулось. Осторожно, трясаясь как осиновый лист, Лора залезла на тачку и метнулась к стене. Груда рухнула, оставив ее без опоры на высоте десяти футов.

Одной рукой нащупав верх стены, Кэкстон вцепилась в нее изо всех сил. Другой рукой Лоре удалось схватиться за стену. Оттуда она увидела, что внутренний двор с трех сторон окружали заводские строения. Четвертая сторона смотрела на сельскую местность. На дорогу, которая должна была куда-то вести. Она должна была привести ее в безопасное место. Но с той стороны до земли было пятьдесят футов. Лора заставляла себя не думать об этом, просто нужно было вытянуться, сколько руки позволят, и отпустить их.

Земля встретила ее очень жестко и очень скоро; у Лоры перехватило дыхание, а сломанные ребра «взвыли» от боли тонко и жалобно. Но все остальное было в порядке. По крайней мере, конечности были не сломаны. Лора вскочила на ноги и побежала по дороге, намереваясь остановить первую же попавшуюся машину.

Она была свободна..

Скейпгрейс

Его мысли красны, его зубы белы.

Саки. Средни Ваштар

(Перевод Е. Гужова)

43

Позади местного полицейского участка имелся душ со свежими полотенцами, хорошим мылом и всем необходимым. И неудивительно — начальником местной полиции была женщина. Кэкстон немного разочаровалась, не обнаружив ванны, впрочем, это было бы уже слишком. Она и так мылась намного дольше, чем это требовалось для того, чтобы стать чистой.

Раздеваясь, она обнаружила, что амулет Весты Полдер все еще висел у нее на шее, потемневший от пота и грязи. Она отчистила его, рассмотрела под лампой, но не увидела ничего нового. Это была простая металлическая спираль, холодная на ощупь. Помог он или нет, она понятия не имела. Наверное, именно так эти вещи и работали. Может, это была лишь психосоматика, а может, именно эта вещь и спасла ее от власти Райса. Лора подумала, что никогда этого не узнает.

К тому времени, как она закончила мыться, медики со «скорой» уже прибыли, чтобы осмотреть ее. Они сказали, что ей очень повезло, потому что ребра не сломаны, а только ушиблены и через неделю-другую прекрасно заживут. Прежде чем уехать, они смазали антисептиком и заклеили пластырями ее многочисленные порезы и синяки.

Кэкстон надела верхнюю одежду, которую одолжила ей начальница полиции, правда, она была ей немного великовата, и села в комнате отдыха, захватив желтый блокнот с отрывными страницами. Она начала записывать свою историю. Длинные рапорты у Кэкстон никогда не получались. Они будили в ней воспоминания о сочинениях, которые ей приходилось писать во время непродолжительного пребывания в колледже. И тем не менее она изложила историю так ясно, как только сумела, со всеми подробностями, какие смогла припомнить. И остановилась только тогда, когда приехала Клара.

Клара Кэкстон намеренно вызвала фотографа шерифа, чтобы та приехала и отвезла ее домой. Она позвонила Диане, в основном для того, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Диана все еще была в больнице и не могла приехать за ней. Кэкстон сказала себе, что Клара — это запасной вариант. Впрочем, как только Клара вошла в комнату отдыха, Кэкстон передумала из-за того, что почувствовала при ее появлении. Лора протянула перевязанную руку, и Клара взяла ее, шагнула ближе, замерла на секунду, а потом неуклюже наклонилась и поцеловала Кэкстон в макушку.

Тепло, вызванное неловкостью и другими чувствами, залило лицо и шею Кэкстон.

— Мы думали, ты погибла, — сказала Клара немного дрожащим голосом. — Мы искали тебя всю ночь. Кто-то позвонил мне вчера утром, ибо... ибо решил, мне важно знать, что ты пропала, и я сразу приехала и присоединилась к поисковой группе. Мы искали повсюду. Мы даже проверили тот завод, но он был закрыт. О господи, я сама осматривала это место, но ничего не нашла.

— Не вини себя, — услышала Кэкстон голос Аркли. — Они мастера по части маскировки своих убежищ. Они обладают чарами, чтобы сбивать с толку, особенно лунными ночами.

— Он настаивал на том, чтобы прийти, — сказала Клара.

Кэкстон нахмурилась. Только она хотела спросить, что Клара имеет в виду, неужели она тоже слышала голос Аркли, но тут сам федерал вошел в комнату отдыха и присел на край стола. До Кэкстон медленно стало доходить, что теперь он был не только в ее голове. Это был реальный Джеймсон Аркли, охотник на вампиров.

Видеть его было по-настоящему странно. Ведь она сделала его частью себя, частью своей личности, и это был единственный шанс выжить, оказавшись в плену у Райса. Он приходил, чтобы подсказать ей что-то жизненно важное и необходимое. Аркли же из плоти и крови, к примеру, не был тем, кого ей хотелось видеть.

Лора вздохнула. И все-таки ей нужно очень много рассказать Аркли. А ему — очень многое выслушать.

— Специальный представитель, — сказала она, — мне нужно отчитаться перед вами.

Его лицо скривилось, морщины побежали то в одном направлении, то в другом, словно он не мог решить, улыбнуться ему или нахмуриться. Наконец он остановился на болезненной гримасе.

— Я уже видел краткую версию. Ты убила Райса.

— Я дождалась рассвета и сожгла его сердце.

— Излишняя скромность почти так же плоха, как бессмысленное хвастовство.

Она воззрилась на него с лицом, лишенным выражения. То, что она сейчас скажет, будет для него важно.

— Он пытался сделать меня одной из них.

Никто не шевельнулся, не сказал ни слова. Никто не отважился нарушить тишину до тех пор, пока Аркли не вытянул руку и не потер затылок.

— Ладно, — выдавил он. — Расскажешь в машине.

Лора поблагодарила начальницу местной полиции, и они направились туда, где стоял

личный автомобиль Клары. Это был ярко-желтый «фольксваген», новенький «жучок» с цветочной вазой, встроенной в приборную доску. Она была очень похожа на саму Клару — крошечная, славная, абсолютно из другого мира, чем тот, в котором обитала Кэкстон. Из мира, в который она могла заглядывать, но в котором ей нельзя было остаться. Об этом позаботятся вампиры.

Кэкстон съезжилась на заднем сиденье, тогда как Аркли сел впереди, рядом с водителем. Его сросшийся позвоночник, объявил он, все равно круче ее ушибленных ребер. Она нагнулась вперед, между передними сиденьями, и рассказала ему о своем испытании. Клара вела машину не на запад, к Харрисбургу, а на юго-восток, к Кеннет-сквер. Никто не потрудился объяснить Кэкстон почему, а она была слишком занята, чтобы спрашивать.

— Он провел со мной Тихий Обряд, так, по крайней мере, его называют Малверн. Всего один из длинного списка их «молитв». Райс называл их *hechizo* — чарами.

Она не упомянула, как именно она узнала это слово, как она пыталась немертвого, отрывая ему пальцы. Она не хотела, чтобы Клара вообще когда-либо узнала об этом.

— Это заклинание или, может быть, какая-то разновидность физического воздействия. В любом случае это вторжение в сознание. Он через глаза засунул в меня какую-то часть себя, полностью подчинив себе мои сны. Он мог заставить меня заснуть против моей воли, и он то насылал на меня сон, то снова будил. Кажется, он показал мне картину ада. И вынуждал меня совершить самоубийство.

— Хм, — буркнул Аркли.

— Хотите что-то сказать? — поинтересовалась она.

Он оглянулся на нее, выпучив глаза, словно она забыла о субординации. Лора предположила, что она никогда прежде не разговаривала с ним таким тоном.

От этого ей самой захотелось хмыкнуть.

— Я изучил всех убитых мной вампиров, — сказал он ей. — Основа проклятия такова. В Европе каждое самоубийство воспринимали как грех. Им приходилось хоронить самоубийц на перекрестках, бытовало мнение, что, восстав, вампиры заблудятся и не найдут дороги домой. В другие времена, в других местах их хоронили с отрезанными головами, повернутыми задом наперед, или же с пулей в сердце.

— Серебряной пулей? — ахнула Кэкстон.

— Это миф, — сказали они с Аркли в один голос.

Еще один повод уставиться друг на друга.

— Проклятие заставляет отнять у себя жизнь. Как только оно ложится на тебя, эта мысль начинает на тебя давить. Ты думаешь, что стоит только умереть — и все проблемы решатся сами собой. Это последний шаг к изменению, необходимый шаг. Он очень упорно настаивал на этом.

— Скорее всего, Райс сам прошел весь этот путь, — заметил Аркли ровным тоном, просто отмечая факты. — И Лэрс, и Малверн до него.

Кэкстон покачала головой.

— Нет. Райсу вся эта мистическая чушь со сновидениями была не нужна. Он уже хотел умереть. Малверн заглянула ему в душу, и он сказал «да», именно так. На Конгрейва — того вампира, которого мы убили вместе, — ушло около трех часов, чтобы убедить его. Райс создал его и еще другого, с обрезанными ушами. Конгрейв был рабочим на стройке. Вот почему он выбрал то место для нападения. У него была степень магистра по музыке эпохи Возрождения, но он со своей степенью не смог найти работу и в итоге оказался рабочим на строительстве шоссе. Он ненавидел это, ненавидел всю свою жизнь. Райс на этом сыграл и убедил Конгрейва, чтобы тот вышиб себе мозги. Малверн было слишком тяжело превращать счастливых, здоровых людей в вампиров, поэтому она принялась искать настоящих неудачников. Людей, которым не за что держаться в жизни.

— Иисусе, — вздохнула Клара, — да я каждый второй день себя так чувствую.

Аркли даже не ответил ей.

— А другой? С обрезанными ушами. Ты знаешь его имя? — спросил он.

Кэкстон задумалась на секунду. Прикусила губу. Ей внезапно подумалось, что Клара очень доверяет ей и наверняка даже не попытается сопротивляться, если Кэкстон просто нагнется вперед, схватит рулевое колесо и резко вывернет вправо. Они ехали по лесистому краю высохшего русла, уходящего вниз примерно футов на тридцать. «Жучок» раздавит, как банку от лимонада, когда он ударится о камни внизу.

Она отодвинулась назад и сжала голову кулаками, гоня от себя эту мысль. Это была не ее мысль, впрочем как и множество других мыслей в ее голове. Это был Райс, та часть Райса, которая захватила ее мозг. Его проклятие все еще пыталось ее уничтожить.

— Скейпгрэйс, — крикнула она в ответ.

Ей пришлось бороться, чтобы Райс дал ей назвать его. Но стоило ей только произнести имя, как она уже знала всю его историю.

— Кевин Скейпгрэйс. Ему было шестнадцать. Высокий, но тощий, он слишком боялся школы, чтобы получать приличные отметки. Ребята в школе гоняли его. Один из них, старшеклассник, изнасиловал его в душевой кабинке после урока физкультуры. Кевин был абсолютно уверен, что это сделало его геем, и он не смог этого пережить. — Губы Кэкстон сжались в жесткой усмешке. — Когда Райс нашел его, он уже проглотил пузырек аспирина. Райс сидел с ним, пока мертвые грабили аптеку. Они принесли им пузырек с валиумом, и Кевин принял и его тоже. Но Кевин на самом деле не понимал, что ему предлагают. Он обвинил Райса в том, что и он его изнасиловал, и теперь ненавидит того, в кого превратился.

Лора подняла глаза и увидела, что Аркли смотрит на нее в упор. Клара глядела поверх плеча, и с ее взглядом было встретиться труднее. Оба были смущены, встревожены и немного напуганы.

— Это Райс тебе рассказал до того, как ты его убила? — спросил Аркли тихо, будто уже знал ответ.

— Нет, — ответила Кэкстон.

Внезапно ей захотелось, чтобы Клары тут не было. Она провела языком по губам.

— Нет. После.

Аркли терпеливо кивнул. Черт бы его побрал. Он заставил ее произнести это вслух. Он вынудил ее произнести это при Кларе.

— Но как это возможно, патрульный?

Кэкстон закрыла глаза.

— Потому что он все еще сидит в моей голове.

44

Клара везла их на электроподстанцию, ту самую, которую они первоначально приняли за логово Райса. Но сейчас это, должно быть, другое место, потому что теперь они ехали на машине вдвое меньше «Мясорубки», без снаряжения и практически без оружия. Кроме того, она знала: это место было пусто. Там не было никого, кроме призраков, разумеется.

Клара осталась в машине, когда Аркли и Кэкстон двинулись в дебри подстанции. День стал хмуриться, а в воздухе чувствовался сильный холод.

«Наверное, скоро снег пойдет», — подумала Лора.

Когда они миновали трансформаторные будки, Аркли дал ей минутку, чтобы запахнуть куртку поплотнее, и начал допрос:

— Ты можешь чувствовать его? Даже несмотря на то, что он мертв?

Лора поежилась, затягивая потуже воротник.

— Это трудно описать. Его кусок остался в моей голове. Я слышу мысли, которые, насколько я понимаю, принадлежат ему, а не мне. Я могу читать его воспоминания так, как свои собственные.

— Он велит тебе делать что-то? Ты слышишь его голос?

Она чуть не споткнулась на ровном месте.

Нет, она не слышит голоса Райса. Но слышала Аркли, даже когда его тут не было. Ей

казалось, она сходит с ума.

— Он... неактивен. Словно он там спит. Пока мне не понадобится что-то, что принадлежит ему. Тогда он просыпается, ну, например, когда вы спрашивали меня про Кевина Скейпгрэйса, и мы боремся. Пока выигрываю я.

У Аркли был такой вид, будто он вот-вот плюнет. Впрочем, он не плюнул, он был для этого слишком воспитан, насколько знала Лора.

— Когда покончим со Скейпгрэйсом и Малверн, я отвезу тебя к Полдерам. Они разберутся, как вытащить его оттуда.

— Серьезно? — не поверила Лора.

Предложение было почти великодушным, такого она от Аркли не ожидала.

— Когда Малверн не станет, да.

Она нахмурилась.

— Я думала, у вас есть предписание суда, гласящее, что вы не можете просто так убить ее. Ее нельзя казнить.

— Нельзя до тех пор, пока она не нарушит закон. Это нелегко — убить кого-то, если не можешь выбраться из собственного гроба. Если я сумею получить доказательства того, что она была в сговоре с Райсом и Конгрейвом, и, кстати, со Скейпгрэйсом, если я смогу повесить на нее Битумен Холлоу, думаешь, найдется в этом штате хоть один судья, который откажет мне в этой любезности?

Кэкстон нахмурилась. Она почувствовала, как множество разгадок встают на свои места, словно кусочки мозаики, выпавшие из коробки и идеально совпавшие друг с другом. До нее кое-что дошло.

— Так вот в чем все дело, — протянула она.

— Не упрощай.

— О, я думала, это ваша работа, где уж мне до вас. Двадцать лет назад вы решили, кто хороший, кто плохой. Чего бы это ни стоило, кто бы вам ни запрещал, но вы всегда хотели убить Малверн. Закончить работу, которую начали в Питтсбурге.

Он ее не останавливал. Она продолжала:

— Вы не можете смириться, что она выжила. Что у вас был шанс уничтожить ее, но вопреки законам химии она не сгорела так же быстро, как и остальные. Вам невыносима мысль, что вы потерпели неудачу. И когда суд рассмотрел ее дело, когда вам сказали, что вы не можете убить ее — это стало съедать вас заживо. У вас есть жена. Веста Полдер сказала, что у вас есть жена. А дети у вас есть?

— Двое. Сын в колледже, в Сиракузах.¹ Дочь учится по обмену.

— Во Франции?

Лицо его осунулось. Он даже не взглянул на нее — закатил глаза, словно пытался прочитать памятку, нацарапанную внутри его черепа.

— Нет. В Бельгии.

— Да, вам пришлось пахать для этого. — Лора была жестока, но рассудила, что Аркли в состоянии это перенести. — Это дело — все, что у вас есть. Это труд вашей жизни. Вот отчего вы так повернуты на нем. Вот почему никому не даете помочь вам, вы просто ни с кем не желаете делить лавры.

— Да, я в основном работаю один. Это помогает уберечь остальных людей от гибели. Если бы ты упокоилась вчера тем способом который был уготован для тебя...

Она оборвала его:

— На кого он там учится, ваш сын? В Сиракузах.

Он даже не попытался ответить. Не попытался упрекнуть ее. Он просто пошел дальше, по направлению к трансформаторной будке.

— Вы на все готовы, лишь бы прикончить Малверн, так ведь?

— Да, — ответил он. — На все.

Он рванул дверь трансформаторной будки так, будто хотел сорвать ее с петель.

¹ Имеется в виду г. Сиракузы, штат Нью-Йорк, университетский центр.

Включил фонарь и передал его Лоре. У него был свой фонарь. Они шагнули внутрь, практически в кромешную темноту. Только рассеянный желтый свет сочился через матовые окна, тусклый свет, не освещавший ничего. Кэкстон поводила лучом по массивным сооружениям из колец медной проволоки и лакированным деревянным переключателям толщиной в руку. Они были украшены резьбой, словно столбики кровати. Наверное, это были подлинные переключатели столетней давности, когда была открыта подстанция.

— Что мы тут забыли? — поинтересовалась Кэкстон.

Она посветила на пол и увидела на цементе крышку люка. Точно такую же, как на сталелитейном заводе. Спускаться вниз ей совершенно не хотелось. Абсолютно не хотелось.

— Что там внизу?

Аркли посветил фонариком ей в лицо.

— Это ты мне скажи, — ответил он совершенно спокойным голосом.

Может, это он мстил ей за расспросы о его личной жизни. А может, он и в самом деле хотел узнать.

— Значит, мы были правы? — уточнила она. — Райс в самом деле использовал это место как логово? Прежде чем перебрался на завод?

В основном это были догадки. Обо всем остальном нужно было спросить вампира у себя в голове. Лора вздохнула и закрыла глаза. Аркли сместил луч фонарика, и она оказалась в полной темноте. Она потянулась в самый дальний угол своего сознания... и почувствовала, как бледная рука хватает ее. Впрочем, это была всего лишь метафора, и Лора с легкостью выскользнула из призрачной хватки.

— Он провел тут много одиноких ночей. Думая. Планируя. Здесь он решил поймать одного из нас. Малверн идея не понравилась, но он решил, что это будет забавно. Он уже знал, что мы с вами ответственны за смерть Конгрейва.

Она открыла глаза, но все, что увидела, это цветные пятна, светящиеся контуры предметов. То, что видит глаз, когда нет других источников света.

— Он сказал Малверн, что хочет разделить нас и схватить одного из двоих. Это будет забавно, и это снова вернет им безопасность. Я думаю, что он, наверное, предпочел бы схватить вас, поскольку вы на самом деле тот, кто убил вампира.

— Продолжай, — сказал Аркли.

Он пошевелился, и его одежда зашуршала в темноте. Он поднял крышку люка, и Лора услышала раскаты эха, идущие снизу.

Она осветила фонариком ступеньки и заставила себя полезть вниз. Спустившись, она оказалась посреди широкого пространства, где воздух был сырой и пах плесенью, гниющими листьями и чем-то еще более мерзким, но более слабым. Она повела лучом и увидела тела.

Трупы... множество трупов. Это было еще хуже, чем в охотничьем домике. Здесь они свисали за ноги с потолка, руки болтались внизу, вода струилась по их пальцам на пол. Тела были привязаны к стенам, прибиты огромными металлическими скобами, которые заржавели от времени. Они прятались по углам, словно боялись света, будто вот-вот поднимут гниющие руки, защищаясь, если она приблизится. Они были связаны проволокой в разных позах.

В центре подвала гордо высились два тела. Они, совершенно очевидно, задумывались как жемчужина композиции. Это были две женщины, их бледная белая кожа была покрыта темными пятнами там, где после смерти скапливалась влага. У одной из них не хватало руки, но в остальном они были не повреждены. Волосы были содраны с их черепов. Они стояли, сжимая друг друга в интимном объятии, целуясь.

Нет, не целуясь. Кэкстон придвинулась, чтобы взглянуть получше. Они не просто целовались. Нижние части лиц были сплавлены вместе, губ и зубов не было, словно это были сросшиеся ртами сиамские близнецы.

— Поправь меня, если я ошибаюсь. Но я думаю, он хотел поймать тебя, именно тебя, — протянул Аркли. — Думаю, ты ею завела.

Зрелище не довело ее до рвоты. Блевать хотелось, но тело было не в настроении. Ее эмоции больше не принадлежали ей полностью. Райс этого не допустил бы. Ей хотелось

естественным образом отреагировать на столько смертей. Но Райс не давал. Он гордится тем, что сделал. И то, что чувствовал он, она чувствовала тоже. Зрелище тел возвращало его к жизни, совсем чуть-чуть. Он скорчился внутри ее, с восторгом снова глядя на свой старый дом.

— Мне нужно выйти, — сказала она Аркли.

Не потому, что ей хотелось сбежать от отвращения. А потому, что ей даже нравилось то, что она видела.

— Что он задумал? Каков должен был быть следующий шаг? — теребил ее Аркли.

Он хотел разбудить вампира, препарировать Кэкстон. Это отождествление ее с Райсом было просто еще одним инструментом для него. Он думал, что так ей будет легче вспомнить все планы Райса. И это помогло, хотя планы эти, как вспомнила она, относились к более раннему времени, когда он только впервые узнал о существовании Лоры Кэкстон.

Он выбрал ее. И за эту часть информации ей не пришлось сражаться. Райс хотел, чтобы она просмотрела именно это воспоминание, будто это была его любимая запись. Райс выбрал именно ее, патрульного штата Пенсильвания, Лору Кэкстон, что бы при этом он ни говорил Малверн. На самом деле ему не важно было устранить охотников за вампирами. Он желал ее, ее тело. Когда он узнал, что она лесбиянка, когда его немертвые добрались до ее дома и увидели ее спящей с Дианой (о боже, что они видели? Сколько ночей они стояли под окнами и смотрели на них двоих?), он стал сексуально озабочен.

Вампиры, теперь она это знала, не должны были воспринимать людей как сексуальные объекты. Это было все равно как если бы человеку захотелось трахнуть корову. Но Райс стал ею одержим. Ему вспомнились все те мужские журналы, которые он имел обыкновение читать, когда был жив. Ему всегда нравились подборки фото девочек с девочками. Они всегда заводили его. Он представлял их, вылизывающих друг у друга, отчаявшихся найти настоящего мужчину, который пришел бы и показал им, чего они лишены. Если бы он сделал ее вампиром, тогда бы, наверное, он смог ее трахнуть. Наверное, она сама захотела бы трахнуться с ним.

Этого воспоминания в конце концов хватило, чтобы ее затошнило.

— Выпустите меня отсюда, — закричала она.

Она заметалась, а тела смотрели ей вслед, их мертвые глаза были прикованы к ее лицу. Как они превозносили Райса! Или же боялись его, да, все они боялись его, это было последнее, что запечатлелось на их лицах, этот страх. Райсу это нравилось.

— Каков был его дальнейший план? — спросил Аркли.

Он остановился перед ступеньками.

— Он собирался создать новых вампиров? И ждать, пока снова не получит четверых, чтобы принести Малверн кровь? Где сейчас Скейпгрэйс?

Лора замотала головой.

— Выпустите меня отсюда, — потребовала она.

Кости. Кости мертвецов — это сама смерть. Смерть взывала к ней, ее собственная смерть, смерть других, убийства Райс потянулся в ее голове, словно хищный кот, расслабленный, довольный тем, что он сотворил. Но нет, не тем, что он создал в этом погребе. Тем, что он разрушил.

— Выпустите меня! Отвалите от меня, — взывала Кэкстон, не вполне уверенная, к кому обращается — к федералу или вампиру. — Оставьте меня в покое!

45

Оказавшись наверху, прислонившись к боку Кларино «фольксвагена», Кэкстон снова и снова терла лицо, пытаясь разобраться, что к чему. Ее тошнило, но ей казалось, что ее вырвет свернувшейся кровью точно так же, как Райса Ноги ее не держали, но она знала стоит только сесть — и подняться не захочется уже никогда.

— Единственная причина того, что я еще жива, — сказала она Аркли, — это то, что я

пришлась по вкусу одному вампиру. Не просто вампиру. А вампиру-извращенцу.

Она попыталась задержать дыхание. Ее тело сходило с ума, паниковало, заставляя учащенно дышать.

Вампиры, разумеется, не дышали. Они были мертвыми существами, и дышать им нужды не было. Живым же существам, патрульным штата например, дышать нужно было, и очень интенсивно.

— Его проклятие живо, — вздохнула она. — Его проклятие живет во мне.

Клара сунула ей в руки бумажный пакет. Кэкстон поняла, что та, должно быть, что-то говорила ей, но она ее не слышала. Она ничего не слышала. Она дышала, сунувшись в пакет, и медленно-медленно приходила в себя. Она почувствовала, как мир вокруг нее замедляет ход. Она почувствовала ветерок на коже, запах фруктов, кажется клубники.

Она убрала пакет от лица.

— Клубника? — спросила она.

Клара наморщила лоб.

— Клубника, и киви, и стакан йогурта без сахара. Как... как ты узнала, что я брала на завтрак?

Выражение ее лица граничило со страхом. Кэкстон отмахнулась.

— Я не ясновидящая. — Она смяла пакет в руках. — Просто у меня хороший нюх.

Они рассмеялись. Это помогло. Помогло невероятно, если честно.

— Дай мне знать, когда перестанешь паниковать, — заметил Аркли. — Тогда мы сможем снова спуститься сюда.

С закрытыми глазами Кэкстон могла притвориться, будто Аркли здесь нет. Будто он опять только в ее голове. Потом он заговорил снова, и иллюзия пропала.

— Я могу подождать до завтра. Я более чем уверен, что Скейпгрэйс все еще сыт, чтобы начать охоту сегодня ночью. Я бы сказал, уверен на восемьдесят процентов. Это означает, есть всего двадцать процентов вероятности, что он сегодня вспорет кому-нибудь глотку из-за того, что ты слишком испугалась, чтобы помочь мне.

Лора открыла глаза и увидела, что Клара стоит в двух шагах от федерала.

— Эй ты, засранец, — рявкнула она.

Клара Су была на добрый фут и, наверное, три дюйма ниже Аркли. И на сотню фунтов легче его.

— Да, я к тебе обращаюсь, — выпалила она. — Я не дам тебе еще раз сделать с ней такое, не в этот раз. Плевала я на то, каковы тут ставки.

— Лора, отзови свою собаку, ладно? Она неблагозвучно твякает.

Все тело Клары напряглось. Мускулы подобрались, и, судя по виду, она уже готова была пнуть Аркли в живот.

— Вы хотите ударить меня, помощник шерифа Су? Вы это намерены сделать? Я должен заметить, в зависимости от того, куда вы направите свой удар, вам может повезти, и вы даже прикоснетесь к поле моего пальто, прежде чем свалитесь на землю со сломанными руками.

Клара поиграла плечами и качнула головой из стороны в сторону.

— Не стойте вы протокола, — ответила она и внезапно сдалась.

Она не сдвинулась ни на дюйм, но ее поза и резко опустившиеся плечи говорили сами за себя.

— Если вы не собираетесь бить меня прямо сейчас, — ехидно заметил Аркли, — тогда прошу оставить нас наедине. Нам с патрульным есть что обсудить.

Клара кивнула и подошла туда, где у машины стояла Кэкстон.

— Ты не обязана делать то, чего тебе не хочется, — сказала она.

— Жаль, что не все так просто, — вздохнула Кэкстон.

Клара шагнула к ней и взялась рукой за подбородок.

Она нежно сжала его, а потом скрылась за вышкой коммутационного устройства. Вероятно, она все еще могла их слышать, но Аркли, похоже, было на это плевать.

— Я хочу помочь вам, — сказала Лора. — Правда.

Он подошел к ней, словно вовсе не слышал этого. Она мгновенно ощутила чувство вины. Она почувствовала себя как в детстве, когда отец наказывал ее, переставая с ней разговаривать. Она попыталась избавиться от этого чувства, но это было бесполезно. Лора обхватила себя руками, почти ожидая, что сейчас он шлепнет ее.

— Я сделаю все, о чем вы попросите. Кроме одного: я больше не полезу в эту дыру.

Он кивнул и подошел еще ближе. Достаточно близко, чтобы прикоснуться к ней, но он этого не сделал.

— Когда я была там, он всплыл на поверхность, будто хотел высунуть свой нос. Словно он хотел увидеть в последний раз свое творение. Это было жутко. Я чувствовала то же, что и он. Я не думаю, что мое тело ощущает разницу между моими эмоциями и его. Мне... мне очень жаль, но я не могу помочь вам в этом.

— Хорошо, — сказал он со вздохом.

— Нет-нет, все в порядке, — заторопилась она, чувствуя, что вот-вот сломается. — Райс говорил там со мной. Он говорил прямо у меня в голове. Может, не словами... но... но он был встревожен. Он все еще каким-то образом живет во мне.

Аркли кивнул.

— Ладно. Я, в общем-то, ожидал, что его призрак вселится в тебя.

— Вы ожидали... вы знали... откуда? Откуда вы можете знать, что со мной происходит?

— Я знаю, — отрезал он.

— Как? — Кэкстон искоса взглянула на него. — Как вы можете это знать?

Он подобрал камешек и с силой швырнул его в трансформатор за полтора десятка шагов от себя. Металлический ящик звякнул. От звука Кэкстон подпрыгнула.

— Питер Байрон Лэрс затащил меня в свое логово, одурманив гипнозом. Он не причинил мне вреда. Не отнял оружия. И не сказал мне ни слова.

Кэкстон уже думала об этом, когда читала его рапорт. Она знала о том, как жестоко и небрежно он разорвал в клочья целый отряд спецназа, и была немало удивлена тем, что вампир забрал федерала на реку, в лодку, все еще целым. Но там было объяснение.

— Он оставлял вас на закуску посреди ночи.

— Нет, не так. — Аркли прислонился к машине рядом с ней и скрестил руки на груди.

— Вы же не хотите сказать...

— Он только начал процесс, когда я убил его. Он даже близко не подобрался к тому, что сделал с тобой Райс. Я даже не понял, что этот бледный сукин сын трахнул меня. Но часть его прорвалась в мое сознание точно так же, как часть Райса засела в тебе. Не настолько, чтобы я мог чувствовать его там, нет. Но как раз настолько, чтобы периодически, наверное раз два в год, я мечтал о крови.

— Вам же не нужно...

Аркли повернулся, глядя на нее.

— По вкусу она, как медные монетки на языке. Горячая... горячее, чем ты ожидаешь, и сначала очень мокрая, но она сворачивается сразу, как только заполняет твой рот. Она слипается у тебя в горле, но ты проглатываешь ее, чувствуя, какая она тягучая и темная, там, на задней стенке горла, но ты проглатываешь через силу, чтобы заглотнуть снова, снова полный рот, и еще. Я так хорошо теперь знаю это. Ее сухость, сгустки на зубах.

Ей пришлось отвести глаза. Потому что все это звучало не так отвратительно, как рассчитывал Аркли. Это звучало почти... соблазнительно. Она не могла допустить, чтобы он увидел неприкрытое желание, которое, она знала, было написано на ее лице.

— Он помнит этот вкус. Он был мертв так долго, что больше у него ничего не осталось, только стремление насладиться этим вкусом. И оно так и не пропадает. И убей я себя сегодня, я не знаю, вернусь ли я как вампир или же нет.

— Но вы знаете, что я — вернусь, — сказала Лора. — Вы знаете, что я уже одна из них, хочу я этого или нет. И пути обратно нет.

— Этого я как раз и не знаю. Я, правда, надеюсь, что Полдеры знают способ изгнать это

проклятие из тебя, Лора. Впрочем, первый шаг, который надо сделать, это убить Скейпгрэйса и Малверн. Чтобы никто больше не делил с нами наших снов. Поэтому я хочу, чтобы ты спустилась в эту дыру, снова взглянула на эти тела и сказала мне, каким должен был быть следующий шаг.

Он с ворчанием вернулся в прежнее положение и встал перед ней. Он протянул ей руку, но Лора не приняла ее.

— Нет, — возразила она ему.

— Прошу прощения? — переспросил он.

— Нет. Я не пойду туда. Я не знаю, как избавиться от этого проклятия, но я знаю: если я спущусь туда, все станет еще хуже. Найдите мне другое задание, что-то еще, чем я могу помочь вам, и я все сделаю. Но только не это, не в эту комнату ужасов. Никогда.

46

— Господи, сейчас даже не День благодарения, а поглядите-ка на это, — ахнула Кэкстон, указывая в небо над их головами.

Похоже, наступила зима. Большие белые хлопья снега падали вниз, кружились в свете фар автомобиля, налипали на ветровое стекло. Небо стало водянисто-серым, прорезанным воздушными рифами облаков. Дорожное покрытие потемнело и засверкало от наста, и Кларе пришлось снизить скорость, чтобы удержать маленькую машинку на дороге. Сидя на заднем сиденье, Кэкстон никак не могла согреться. Клара включила обогреватель, но и этого было недостаточно. Лора обхватила плечи руками, сжавшись так, чтобы не касаться ледяных стекол, и тряслась от холода. Она была одной из них. Она была какой-то экспериментальной разновидностью вампира. Она вспомнила холод, который она чувствовала рядом с вампирами, особенно с Малверн, когда стояла возле высохшего чудовища, сидящего в инвалидном кресле. На какое-то время ей нужно было убежать от смерти и страха. Ей нужно было вернуться домой, к собакам, не думать ни о чем долгое время. Но перед этим, Впрочем, необходимо было сделать пару остановок.

Они высадили Аркли у отделения полиции. Кэкстон пришлось выйти из машины, чтобы занять место рядом с Кларой, ближе к обогревателю. Скрестив руки на груди, она попробовала поймать взгляд федерала, но он не обернулся, дошел до своего автомобиля и забрался внутрь.

Кэкстон метнулась обратно в «фольксваген» и захлопнула за собой дверцу. От холода ее пробирала дрожь, ее трясло, зубы стучали так громко, что она еле расслышала, как Клара спросила ее, все ли с ней в порядке.

— Я понимаю, вопрос глупый, — сказала Клара, не услышав ответа Кэкстон.

Маленькая женщина смотрела прямо в ветровое стекло. Дворники скользили вправо-влево, словно маятник, отсчитывающий время.

— Послушай, — сказала наконец Клара. — Почему бы тебе не поехать сегодня ко мне?

Кэкстон покачала головой. Ее всю колотило, поэтому она повторила на словах:

— Ты же знаешь, я не могу.

— Нет, не в том смысле. Мы не станем вместе спать. То есть ты будешь спать в моей кровати. Со мной, потому что у меня нет ни комнаты для гостей, ни даже нормальной кушетки. Но раздеваться не будем. Просто, мне кажется, это не самая хорошая идея, оставаться ночью в одиночестве.

— Ты даже не представляешь, насколько я сейчас одинока, — ответила Кэкстон.

Это прозвучало резко, и Лоре тут же захотелось извиниться. Но едва она открыла рот, чтобы сделать это, как сразу осеклась, увидев лицо Клары. Та слишком хорошо скрывала боль — и если бы Кэкстон признала то, что сейчас произошло, от этого Кларе стало бы еще больнее.

Клара завела машину, и они выехали на шоссе, ведущее на запад, по направлению к Харрисбургу. Прежде всего Лоре нужно было увидеться с Дианой. Ей нужно было взять ее за

руку и определиться со следующим шагом.

Они выключили радио и ехали в тишине. Кэкстон глядела, как все гуще становится снег, и жалела, что они не могут перенестись туда по мановению волшебной палочки. Она была уверена, что в больнице будет теплее. Однако у больницы «Зайдле» свободного места на парковке не было, и им пришлось отъехать на четыре квартала, прежде чем удалось найти незанятый пятак.

— Ты не обязана туда идти, — сказала Кэкстон.

Она хотела сказать это по-доброму, но Клара дернулась от этих слов, как от удара.

— Я хотела сказать, мне бы очень помогло, если бы ты пошла, но тебе необязательно это делать.

— Я и так зашла уже слишком далеко, — ответила Клара почти агрессивно, но на лице у нее играла легкая улыбка.

Кэкстон была готова на все, только бы восстановить мир между ними. Впрочем, она понимала, что на некоторое время ее жизнь станет намного сложнее, чем обычно. Они вместе вернулись в больницу, большую современную громадину, которая смотрела через реку на развалины моста Уолнат-стрит. Через главный вход Кэкстон не входила ни разу — Диану привезли через приемный покой. Поэтому она на какое-то время растерялась. В конце концов она отвезла Клару на лифте наверх и направилась по длинному коридору, полному красочных, но безвкусных картин.

— Послушай, это палата на двоих, и ее соседка не приветствует таких, как мы, — предупредила она Клару. — Это так, для сведения.

— Я постараюсь не целовать твою шейку, пока мы будем стоять возле койки твоей жестоко раненной подруги, — невозмутимо ответила Клара.

Смех забурлил у Кэкстон в груди, и она расхохоталась, освобождаясь от всех своих тревог, прижавшись к стене и закрыв на минуту глаза. Господи, как же ей нужна была эта разрядка.

— Спасибо, — сказала она, но Клара лишь пожала плечами.

Кэкстон постучалась и открыла с тихим скрипом дверь. Они вдвоем тихо прошли мимо ванной и общей комнаты, которую освещал только мерцающий свет телевизора. Тучная женщина спала, отвернувшись лицом к стене, и Кэкстон постаралась вести себя тише, чтобы не разбудить ее. Клара осталась ждать возле двери.

Кэкстон шагнула к кровати Дианы и ахнула. Кровать была пуста.

Она зажала ладонью рот и бросилась в коридор. Клара схватила ее за руку и принялась гладить по плечу.

— Они просто перевели ее. Правда, — успокаивала она. — Просто перевели ее.

Кэкстон пошла на пост медсестры и хмуро поглядела на женщину, заполнявшую форму в компьютере.

— Диана Перфлит, — крикнула она, поскольку медсестра даже не подняла глаз. — Диана Перфлит.

Медсестра медленно повернулась и кивнула.

— Я позвоню доктору. Минуточку.

— Просто скажите, куда ее перевели. Я — Лора Кэкстон. Мы живем вместе.

Медсестра кивнула еще раз.

— Я знаю, кто вы.

Она надела очки для чтения и заглянула в список телефонов.

— Прошу вас, присядьте и дождитесь доктора. Вам нужно поговорить с ним.

Садиться Лора не стала. Она шагала взад-вперед мимо поста, изучая награды и памятные таблички на стенах, взяла стакан воды, который принесла для нее Клара, но садиться она не хотела. Зачем садиться, если все равно придется встать. Доктор вышел из лифта в конце коридора, и она бросилась к нему. Это был не тот доктор, которого она видела раньше.

— Диана Перфлит, — сказала она ему.

— Вы мисс Кэкстон, я полагаю? — уточнил он.

Это был маленький индус с идеально уложенными волосами и очень выразительными глазами. Выглядел он так, будто никогда в жизни не улыбался.

— Я доктор Прабиндер. Присаживайтесь, если хотите...

— Господи, просто скажите, где она! Кто-нибудь скажет мне, где она?

— Возникло осложнение, — ответил доктор, и все вокруг стало мягким и тягучим. Пол рухнул ей на лицо.

47

Кэкстон сидела в морге. Тело Дианы лежало на каталке. Ни доктора Прабиндера, ни Клары поблизости не было. Она сидела одна в полутемном зале, окруженная со всех сторон передвижными перегородками. Как она тут оказалась, она не могла сказать. Словно она потеряла сознание, хотя это было не так. Она помнила, что спустилась с пятого этажа в подвал. Просто этот путь был столь нереальным, что она даже не потрудилась запомнить его.

Возникло осложнение, вспомнила она. Она встала и обошла вокруг носилок. То здесь, то там коснулась Дианы. Отдернула простыню, укрывавшую ее. По крайней мере, лицо Дианы было спокойным. Глаза закрыты, рыжие волосы вымыты. Губы были бледны, но в остальном она выглядела не так плохо. Кэкстон сдвинула простыню дальше и тут же пожалела об этом. Грудь Дианы смотрели в разные стороны. Ее грудная клетка была раскрыта, словно жадная пасть, а ребра были похожи на зубы, тянущиеся за куском мяса. Легкие и сердце лежали, съежившись на дне этой раны.

Возникло осложнение. Когда Диана разбила окно, она потеряла так много крови, что ей потребовалось пять единиц плазмы. Ей уже давали некоторое количество полноценной крови, потому что у нее начали проявляться признаки острой анемии — тело было теплым, а конечности холодными, и к тому же началась продолжительная опасная одышка.

Возникло осложнение. Вероятно, в одной из ран сформировался тромб, возможно, как реакция на переливание крови. Доктор Прабиндер не стал увиливать. Тромб попал в кровеносную систему Дианы и, наверное, несколько раз обошел ее тело, прежде чем застрять в левом легком.

Возникло осложнение. Легочный эмболюс, назвал это доктор Прабиндер. Когда он обнаружился, Диану, разумеется, немедленно направили в хирургию. Они попытались вырезать тромб. Но оказалось, что осложнение слишком большое..

— Я должен сказать, мисс Кэкстон, — произнес доктор, отдергивая одну из занавесок.

Клара стояла рядом с ним.

— Вам вообще не положено тут находиться, и, если честно, работникам морга нельзя было позволить вам видеть ее в таком виде...

— Это патрульный Кэкстон, — объяснила Клара.

Она показала свой значок.

— О, я... я не знал, — смутился Прабиндер.

— Доктор, это расследование убийства. — Клара убрала значок.

То, что она делала, было совершенно незаконно. Она вышла далеко за пределы своих полномочий. Так же как и Кэкстон. За ложь о расследовании убийства их обеих могли уволить.

Но Кэкстон не скажет, если Клара не проболтается. Она накинула простыню на грудь Дианы. Кровь почти сразу пропитала ее.

— Когда? — спросила Лора.

Все предложение целиком она была не в состоянии произнести.

Доктор сверился с КПК.

— Прошлой ночью, около четырех пятнадцати.

— Перед рассветом, — уточнила Клара.

Когда она сражалась с вампирами на заброшенном сталелитейном заводе, Диана

медленно умирала, и никто не знал об этом. С ней рядом никого не было. Кто знает, если бы кто-нибудь остался, может быть, этого можно было бы избежать. Возможно, если бы Кэкстон была тут, слушая ее неровное дыхание, она бы заметила какую-то перемену. Она бы позвала доктора. Они могли бы доставить Диану к хирургу намного быстрее.

По крайней мере, она могла бы держать ее за руку.

— Меня не было с ней, — проронила Кэкстон.

— Нет-нет, не надо, — запротестовала Клара.

— О, леди, я понимаю, не мое дело задавать вам такие вопросы, но разве допустимо, чтобы эта женщина принимала участие в расследовании смерти кого-то близкого? Разве тут не будет конфликта интересов?

— Она осталась одна, — проигнорировала его Кэкстон.

— Был кто-нибудь в ее палате вчера? Какой-нибудь посетитель? — спросила Клара.

Доктор непонимающе покачал головой.

— Нет, конечно нет. Мы не впускаем посетителей после семи, и в любом случае у палаты была охрана. — Он показал Кэкстон свой КПК. — Вы что, не знали про охрану?

Клара посмотрела на нее, потом на доктора.

— Я только недавно занялась этим случаем. Я все еще вникаю в суть.

— Так... понятно. — Прабиндер выпрямился и расправил плечи. — А теперь давайте проясним кое-что. Я, конечно, готов помогать полиции всеми доступными средствами. Но это моя больница и...

— Доктор, — сказала Кэкстон, впервые поворачиваясь к нему лицом.

И адресовала ему свой фирменный подозрительный взгляд. На Кэкстон не было ее формы, не было значка, а ее пистолет лежал в бардачке Клариного «фольксвагена». Но это было не важно. Взгляд, вот что делает вас полицейским. Это идеальное равнодушие, потенциальная угроза, от которой большинство людей застывают на месте.

— Я должна знать, происходило ли вчера ночью что-либо необычное. Я хочу знать, если кто-то видел или слышал что-либо странное или сверхъестественное. Все, что угодно.

— Конечно, конечно, — заверил он ее.

Он смотрел на свои ботинки.

— Но в этой больнице есть травмпункт, и располагается она в центре большого города. Вы должны объяснить мне, я видел так много странного... — Его слова оборвались.

— Я говорю не о странных несчастных случаях. Я говорю о людях без лиц, которых могли видеть в коридорах. Я говорю о деятельности вампиров.

— Вампиры, здесь? — Он пробормотал что-то на хинди, что прозвучало как коротенькая молитва. — Я видел в новостях, что... слышал кое-что, да, и тела, которые прибывали... но, о боже, нет, ничего похожего не было прошлой ночью. Клянусь вам.

— Хорошо.

Кэкстон потянулась и взяла Диану за руку. Она была холодна как лед, но рука Лоры была такой же.

— А теперь нужен кто-нибудь, кто зашьет эту женщину. Я собираюсь похоронить ее. Вы можете это устроить?

Доктор Прабиндер кивнул и вытащил сотовый телефон.

— Придется подписать кое-какие бумаги, конечно, если вам не трудно.

— Разумеется, — ответила Кэкстон.

Она вытащила свой сотовый. Брат Дианы, Элвин, был в памяти ее телефона. Хорошо бы у него был номер и матери Дианы. Внезапно образовалось множество вещей, которые ей необходимо было сделать.

— Мне очень, очень жаль, — сказала Клара, потянувшись к ней, но Лора уклонилась от нее.

— Я ничего не чувствую сейчас, — попыталась объяснить Кэкстон.

Она не знала, то ли это горе слишком велико, или же она защищала себя от него, или же Райс контролировал ее эмоции. Для него смерть Дианы была достойна сожалений только в

том смысле, что вся эта кровь пропала впустую.

Помогало то, что предстояло сделать много звонков и отвечать на множество вопросов. Кому-то приходилось быть спокойным и ответственным.

Элвина дома не оказалось. Она оставила ему сообщение. Потом пришел кто-то и спросил ее о донорских органах. Она сказала им, чтобы забирали все, что смогут. Диану завернули и унесли. Потом вернули — ее внутренние органы оказались не лучшими кандидатами на пересадку. Она умерла уже достаточно давно, чтобы главные органы можно было использовать, а кожа и глаза не подошли по типу. Кэкстон еще раз позвонила Элвину. Потом пришел кто-то из центра трансплантации и потребовал ответа, кто, черт побери, она такая, почему распоряжается органами Дианы, даже не являясь ее родственницей. Объяснение затянулось. И наверное, впервые она пожалела о том, что они не позаботились оформить отношения официально. Это бы не дало ей никаких дополнительных прав, но зато могло избавить от множества неудобных вопросов. В конце концов она дозвонилась до Элвина, и он сказал, что может приехать прямо сейчас. Он привезет мать Дианы. Кэкстон захлопнула мобильник и убрала его. Повернулась и увидела Клару.

— Я долго говорила по телефону? — спросила она ее.

У нее было чувство, будто прошло намного больше времени, чем ей казалось. Впервые, она стояла посреди зала отдыха. Разве она не была только что в морге? Как бы то ни было, но теперь она переместилась в хорошо отапливаемый зал с большими окнами и удобными креслами и множеством читанных до дыр журналов. Наверное, это Клара привела ее сюда.

— Ну, я уже заказала ланч. Я взяла тебе сэндвич.

Кэкстон приняла протянутый пакет и открыла его.

Салат из тунца, белая рыба в белом майонезе на белом хлебе. Совершенно неаппетитно. Ей хотелось ростбифа, и она почувствовала почти детскую злость на Клару — ну почему она не заказала ростбиф? Ну почему бы ей не пойти и прямо сейчас не заказать большой сочный стейк с... с... с... кровью?

Она немедленно отогнала эту мысль и принялась за сэндвич с тунцом. Она не собиралась позволить вампиру жить паразитом за ее счет.

— Слушай, я еще не слышала, чтобы кто-нибудь говорил об этом, но, думаю, это важно. — Клара нахмурилась, поджала губы и наконец с расстановкой произнесла. — Надо ли нам что-то решить и определиться с кремацией?

Кэкстон быстро моргнула.

— Ты имеешь в виду, для Дианы? — уточнила она. — Конечно да. То есть больше мертвых нет. Да. Правильно. Кремация.

Но не успела она обдумать это, как тут же у нее вырвалось:

— Нет.

— Нет? — повторила нерешительно Клара.

— Нет. Ты же видела, сколько там крови. Ни один вампир не оставил бы в теле столько крови. Это просто несчастный случай, Клара. Просто тупой гребаный несчастный случай вроде тех, которые все еще происходят, понимаешь? Не всем везет быть убитыми чудовищами.

Клара кивнула, соглашаясь, потом открыла рот, чтобы сказать что-то снова. Но замерла, когда дверь позади нее с треском распахнулась. Огромный мужчина с тонкими и прямыми рыжими волосами, которые падали ему на плечи, ворвался внутрь. Он был одет в куртку из овчины и выглядел абсолютно сбитым с толку. За ним следовала женщина с крашенными в похожий тон волосами, впрочем, у корней виднелась седина. Ее лицо было сплошь покрыто красными пятнами, будто она плакала или пила. Вероятнее всего, и то и другое.

— Кто это, твоя новая подруга? — съязвила мать Дианы.

— Здравствуй, Рокси, — попыталась начать разговор Кэкстон.

Она взглянула на высокого рыжего мужчину.

— Ох, Элвин, мне так жаль.

Он кивнул огромной головой.
— Ага. Спасибо. Большое спасибо, — ответил он.
И огляделся вокруг, будто не вполне был уверен, где находится.
— Мне пора идти, — произнесла Клара.
— Господи, можете меня не стесняться, — глумливо фыркнула Рокси Перфлит Лоре. — Быстро работаешь, верно? Одна еще остыть не успела, как ты уже со второй крутишь.
Клара скользнула мимо них без дальнейших комментариев. Кэкстон усадила Перфлитов и принялась объяснять, что произошло.

48

Диана умерла. Это было легко признать, опираясь на реальные факты. Кэкстон могла держать в голове эту информацию, могла обдумывать, разбирать с разных сторон. Она могла вычислить последствия, бумажную работу, которая предстояла ей. Например, придется отказаться от всех журнальных подписок Дианы. Ей нужно будет изменить договор страховки — сомнительный набор документов, которые позволяли Кэкстон оплачивать медицинские счета Дианы из ее собственной государственной страховки.

Впрочем, это не объясняло того, что она чувствовала. Крошечные песчинки жизни Дианы не отражали того, что произошло. Диана умерла. Словно исчез один из цветов радуги. То, на что Кэкстон всегда полагалась, вокруг чего она выстраивала всю свою жизнь, прекратило существование.

Не боязнь одиночества и не потеря компаньонки беспокоили ее больше всего. А экзистенциальная дыра в ее представлении о мире. Диана ушла... навсегда... и это случилось очень быстро, за то время, которое требуется, чтобы произнести: Дианы больше нет.

Она пришла в себя по дороге домой, намного, намного позже, через час или два после заката. Рокси Перфлит приняла на себя положенные ей обязательства в больнице, убежденная в том, что лучше всех знает, как бы ее дочь хотела распорядиться своими бренными останками. Она отказалась допустить Кэкстон даже к планированию поминальной службы. Тело Дианы вернется в Боальсбург, где она родилась. Кэкстон тысячу раз слышала стоны и проклятия Дианы в адрес этого места, она миллион раз говорила, как она хотела уехать оттуда сразу, едва окончит школу. Но теперь ей предстояло остаться там навсегда.

За рулем — а Кэкстон была за рулем — ей нужно было сосредоточиться на вождении. Она следила за желтой разметкой на дороге и вскоре обнаружила, что глаза так и прилипли к ней, не в состоянии смотреть на что-либо другое. Она заставила себя проверить зеркала заднего вида и участок плохого обзора.

Диана умерла. Ей хотелось позвонить ей и поговорить о том, что произошло. Ей хотелось сесть на диван перед выключенным телевизором, всего на минуту, и поговорить о том, что все это значило для нее. Кому еще она могла доверить такие важные вещи? К кому еще она отправилась бы в первую очередь?

Дорога. Направо. Кэкстон глянула в сторону, когда навстречу ей с ревом пронесся грузовик с прицепом, мазнув по ее лицу светом фар. Она быстро заморгала, избавляясь от пятен перед глазами, и сосредоточилась на машине, спидометре и указателе уровня топлива. На чем-то, что удерживало ее здесь и сейчас.

Элвин, наверное, второй человек во всем мире, который еще меньше понял, что произошло, был настолько добр, что довез ее до штаб-квартиры подразделения «Н», где она оставила свою машину. Она так и стояла тут с тех пор, как Лоре было приказано подняться на борт «Мясорубки». Она подошла и коснулась металлической skóry патрульного автомобиля, будто он был особенной машиной, которая могла перенести ее во время, когда Диана была жива, а Лора еще не стала наполовину вампиром. Потом Лора обернулась, ибо почувствовала стоящего у нее за спиной Элвина. Его тело немного раскачивалось, то приближаясь, то отдаляясь, огромная масса, которая поворачивалась из стороны в сторону благодаря какой-то эмоциональной силе. Маячить, вот какое слово пришло ей на ум. Он

долго маячил перед ней, нахмурившись, и наконец заговорил.

— Она действительно любила вас, — сказал он. — Она клялась в этом. Когда я впервые узнал, что она розовая, я готов был ее в порошок стереть, но потом она сказала, как любит вас, и я решил, пусть так и будет. Я хотел сказать, сердцу не прикажешь. Никогда.

— Думаю, да, — ответила она, не совсем понимая, чего он хотел.

Обняться? Помянуть сестру?

— Спасибо, что подвез, — сказала она, и он кивнул.

Вот и все.

Она сморгнула набежавшую слезу. О боже, дорога... ей нужно следить, куда она едет. Она только что проехала мимо поворота. Она притормозила и посмотрела назад. Сзади на дороге не было никого. Медленно, шурша гравием, она сдала назад, пока не вернулась на нужный поворот. Потом она доехала до дома, больше ни на миг не теряя чувство времени. Заглушила двигатель. Фары погасли, и все погрузилось в темноту. Она сидела в остывающей машине и смотрела на темный дом. Диана, ожидая ее, всегда оставляла свет включенным.

Только скуление собак заставило ее пошевелиться. Она совсем забыла о них — как она могла? И все же забыла. Она забыла о собаках, а они не ели весь день. Пили из автоматической бутылки-поилки, но ничего не ели. Наверное, они умирают с голоду. Она даже не зашла в дом, а сразу бросилась к вольеру, схватив двадцатифунтовый мешок с кормом. Включила свет в вольере и ахнула.

Судя по виду, с собаками все было в порядке, но кто-то пытался разломать их клетки. Борзые лежали, свернувшись посреди согнутых и перекрученных прутьев, скуля, плача и воя в испуге и замешательстве. Кровь и нечто, что показалось полоской ткани, свисало с прутьев возле нее. Кэкстон шагнула ближе и дотронулась до поврежденной клетки. Это была не тряпка. Это была сгнившая плоть, оторванная в спешке. Тут был немертвый, и был не так давно. Ясно, он хотел убить собак, только вместо этого потерял руку.

Лора выпустила собак, потискала их, насыпала им корм в миски. Голод взял верх над страхом, и они жадно принялись есть. Лора выдавила витамины из пластиковой бутылки в корм и ушла. Потом она вернулась к машине, достала свою «беретту» и коробку с разрывными пулями. Трясущимися, холодными руками она зарядила пистолет и пошла к двери дома.

Зачем они пришли? Она думала, что они оставят дом в покое, если там никого не будет. Этого она никак не могла понять. Дотронувшись до ручки двери, она в то же мгновение поняла, что дверь не заперта. Осторожно, опасаясь любого, кто мог ждать ее внутри, она включила свой фонарь и шагнула.

Холодная тишина окутала ее, холодный воздух гулял по дому. Он просачивался сквозь фанеру в кухонном окне, в том самом окне, которое убило Диану. Сквозняк гулял по коридору. Лора щелкнула выключателем, но свет не зажегся. Она посмотрела вверх и увидела, что светильники в коридоре сломаны, а все лампочки разбиты.

Но даже в темноте она видела, что в доме все перерыто. Смятые простыни валялись по всему коридору, словно их содрали с кровати и намеренно разбросали. Тарелки, миски и сковородки перемешаны вместе и брошены в угол. Некоторые были разбиты, но в этом кавардаке не было последовательности. Кто бы ни сделал это, он действовал второпях, а может, и в помешательстве. Картины были сорваны со стен и брошены на пол. Луч фонаря упал на одну из них и ослепил ее, отразившись от осколков стекла. Лора присмотрелась внимательнее. Это была фотография Дианы и Лоры на выставке-конкурсе собак, обе стояли у бревна, подзывая ступающего по нему Уилбура. Боже, это был такой удивительный день! Стекло раскололось, и рама сломалась. Лора достала фотографию и сунула ее в карман, пытаясь спасти хоть что-то.

В спальне был полный разгром. Матрас был изорван на мелкие клочки то ли острыми когтями, то ли ножами, и обрывки поролона были разбросаны повсюду. Шкаф был разнесен, большая часть ее одежды свалена в кучу. Чтобы все привести в порядок, уйдет масса времени. Лора повернулась и ахнула, увидев, что злоумышленник оставил ей сообщение.

Оно занимало половину стены спальни и, судя по всему, было написано кровью.

ЖИЗНИ НЕТ = СНА НЕТ БУДЬ СО МНОЙ

Подписи не требовалось, чтобы понять, кто оставил сообщение. Скейпгрэйс, последний из выводка Малверн. Он хотел, чтобы она закончила трансформацию, которую начал Райс. Он хотел, чтобы она совершила самоубийство и стала вместе с ним восстанавливать Малверн. Наверное, он был убежден, что уничтожение ее дома незамедлительно приведет ее к этому. Может, он решил, что она впадет в депрессию.

Часть Райса, которая все еще жила, свернувшись у нее в голове, забилась, отрицая эту мысль, и Лора осознала, как мало понимал Скейпгрэйс. Вампиризм, по мнению подростка, был темным даром. Как кто-то мог отказаться от этой силы и власти? Он говорил Лоре, мол, сон ей больше не понадобится, она может вырваться из узилища ее смертного тела и эмоций и стать чем-то большим.

— Тогда почему он каждый вечер отрезает себе уши? — спросила она, но Райс промолчал.

Мысль о мертвом мальчишке не разозлила, а скорее опечалила ее. Мелочное уничтожение чужой собственности было единственным способом выпустить ярость теперь, после того как он убил себя.

Лора осмотрела оставшуюся часть дома, но там никого не было. Скейпгрэйс и его помощники давно ушли. Она снова взглянула на кровать и поняла, что больше никогда не сможет провести в ней ночь. Она решила позвонить Кларе и выяснить, в силе еще ее приглашение или нет. Она пошла назад, к мастерской Дианы, чтобы сигнал сотового телефона ловился лучше. Дверь, конечно, была закрыта, но не заперта. Скейпгрэйс пытался навредить ее собакам. Он ненавидел все связанное с жизнью. Наверное, он и работы Дианы тоже уничтожил.

Он зашла внутрь, но захлопнула телефон прежде, чем нашла номер Клары. Она щелкнула выключателем, и свет все-таки зажегся, возвращая к жизни голые, без плафонов, стоваттные лампочки под потолком. Сарай выглядел практически нетронутым. Три простыни свисали с потолка, свет, проходя сквозь них, казался желтым и красным. Наверное, Скейпгрэйс нашел что-то для себя в творениях Дианы. Может быть, он одобрил использование крови в качестве средства изображения — хотя, конечно же, он не догадался, что за кровь это была. Она повернулась, чтобы выйти, но остановилась. Она слышала звук шагов, но это были не ее шаги.

— Лора, — сказал кто-то, и ей показалось, что это был призрак ее отца, вселившийся в простыни точно так же, как он вселился в телеплазму в амбаре Ури Полдера.

Но это был Аркли, вышедший из-за Дианиных шедевров.

— Специальный представитель, — выдохнула она.

В первый момент сердце забилось сильнее, но постепенно успокоилось. Она смотрела, как он подходит к ней.

— Не думала встретить вас тут.

Его лицо было печальным.

— Лора, — сказал он снова, — мне очень жаль. Я не собирался втягивать тебя в это так далеко.

Неужели он и правда извиняется за гибель Дианы? Горе было чем-то вроде толстой шкуры, которую она натянула на себя. Что бы он ни говорил, это все равно не доходило до нее.

— Все в порядке, — ответила она.

Это было не так, но слова вырвались у нее, как зевок, совершенно произвольно.

— Мне нужна была приманка. Ты была мне нужна, ибо ты была нужна им. Единственный способ избежать ловушки, это выскочить из нее прежде, чем они будут

готовы. Помнишь?

— Вы так многому научили меня.

Это ответили ее губы, не сердце. Телу хотелось спать. Клара. Нужно позвонить Кларе. Клара приедет и заберет ее. Пройдет еще как минимум час, прежде чем ей удастся заснуть. Лора начала писать Кларе сообщение, потому что это было легче, чем говорить с ней по телефону. Хватит с нее разговоров на сегодня.

— Ты не понимаешь, — упорствовал Аркли, но она покачала головой. — Лора, соберись сейчас же.

Он рванулся к ней, и она была уверена, что он ударит ее. Она замерла, затаив дыхание и распахнув глаза.

— Что за необходимость? — спросила она наконец, обретя способность говорить. — Что такого важного вы можете мне сказать именно сейчас, именно этой ночью?

Аркли вытащил пистолет. Она тихо ахнула — у нее не было ни малейшего представления, что он собирается делать.

— Они снаружи, — сказал он ей. — Ждут, когда мы выйдем отсюда. Десятки мертвых и как минимум два вампира.

49

— Что значит — два вампира? — потребовала объяснений Кэкстон. — Мы же убили всех, кроме Скейпгрэйса. Вы же не имеете в виду Малверн? Так нельзя.

— Нет, не ее, — сказал Аркли.

Он показал на свой «глок-23», кивнул на «беретту», которая безвольно лежала в ее руке. Она проверила, есть ли патроны в обойме, потом подняла пистолет к плечу, стволом в потолок.

— Малверн все еще на Домне «Арабелла». Я попросил Такера проверить ее пятнадцать минут назад, никаких перемен в ее состоянии нет. Поэтому мы решили, что допустили как минимум одну ошибку.

— В охотничьем домике мы видели три гроба, — упорствовала Кэкстон.

Ей не хотелось слышать, что он скажет дальше, даже несмотря на то, что мысль уже зрела в самом темном углу ее мозга.

— Это не значит, что где-то не могло быть еще одного.

Аркли двинулся к выключателю, стараясь не появляться в широком дверном проеме мастерской.

— Давай вспомним то, что я знаю наверняка. Я приехал сюда вечером, чтобы официально освободить тебя от твоих обязанностей. Я собирался отправить тебя обратно в дорожный патруль. Потом увидел кое-что неладное. На дороге было припарковано как минимум десять легковушек и грузовиков. Я огляделся, но ни у кого из твоих соседей не было вечеринки. Я вышел из своего автомобиля и дошел сюда пешком, через лес.

К этому времени они уже устроили засаду. Шестеро мертвых спрятались у подъездной дорожки, пятеро — во дворе по соседству, еще трое — на крыше вольера. Наверняка есть еще, это только те, которых я заметил. Я видел, как один вампир отдавал им приказы. У него были обрезанные уши, поэтому можно предположить, что это был Скейпгрэйс. Потом другой вылез из окна твоей спальни.

— Вы уверены, что тот, кто вылез из окна, был вампиром? Вы хорошо видели?

Он покачал головой.

— Я ни в чем не могу быть уверен. Но я видел кого-то с бледной кожей и длинными ушами. И руками, испачканными красным.

Кэкстон шагнула к другой стороне проема, как ее и учили. Когда они выйдут из сарая, развернувшись в разные стороны, они будут прикрывать спину друг другу.

Она послала Кларе сообщение, прося вызвать подкрепление. Позвонила в штаб-квартиру, сказав, что офицер находится под обстрелом. Она знала: вовремя сюда никто не

успеет, ближайšie казармы были в нескольких милях отсюда. Им придется отстреливаться самим, только вдвоем. Она посмотрела на Аркли.

— У нас есть план? — спросила она.

— Да, — ответил он. — Стреляй во все, что движется.

Они вместе шагнули из проема. Аркли вскинул пистолет и выстрелил прежде, чем ее глаза успели привыкнуть к темноте. Она увидела, как перед ней всплывает чья-то тень, тень с изорванным лицом, и выстрелила в середину ее. Немертвого разорвало, и он беззвучно упал.

И тут началось. Они оказались повсюду.

Тени отделились от деревьев, бледные фигуры носились между ними, словно волки, направляющие атаку. Никаких предупреждений на этот раз не было, даже загадочных посланий, чтобы выманить их. Из темноты вынырнул немертвый с шестидюймовым ножом в руке, и Кэкстон треснула его по лицу пистолетом. Он осел, но тут же еще трое накинудись на нее.

— Их слишком много, — закричала она. — Нужно выбираться отсюда.

— Уходи! — завопил федерал, хоть и был в трех шагах от нее. — Пошла, давай!

Кэкстон оторвалась от Аркли и бросилась вдоль вольеров, намереваясь, по крайней мере, чем-то прикрыть спину. Иначе они смогут накинуться на нее. Она думала, что Аркли тоже бросится к укрытию, чтобы защититься.

Но он этого не сделал.

Федерал выбежал на открытое пространство между вольерами и домом. Вытянутая рука с пистолетом металась из стороны в сторону, словно флюгер, держа на прицеле кого-то из нападавших, кого она не видела. Он нажал на курок, и яркая вспышка вырвалась из ствола. Сбоку от Кэкстон, в нескольких дюймах от левого плеча, немертвый рухнул на землю и забился в агонии.

Аркли развернулся и выстрелил снова — в третий раз. Тени взвыли и разбежались в темноте, но большая их часть появилась снова, будто выросла из самой ночи, будто они высыпались из облаков лунного цвета. Один из них прыгнул Аркли на спину и вонзил острые зубы ему в шею. Маршал врезал ему по носу кулаком свободной руки, и тот свалился вниз. Другая немертвая покатилась под ноги, и он упал на одно колено. Он выстрелил ей в грудь, и та завалилась назад.

Один из немертвых вцепился в руку с пистолетом и заломил ее. И Аркли — сам Аркли — закричал от боли. Должно быть, немертвый застал его врасплох.

Но у Кэкстон были свои соображения. Немертвые шли и за ней, хотя их было намного меньше. Очевидно, по сравнению с Аркли, она не представляла для них угрозы. Она почувствовала себя едва ли не разочарованной.

Она выстрелила в темную фигуру, которая прикинула к крыше вольера, и та свалилась на землю со свистящим выдохом. Она пнула его по ногам и почувствовала, как подалась его плоть. Другой немертвый потянулся, чтобы схватить ее за плечи. Она подняла ствол и выстрелила, даже не глядя.

— Уходи! — снова гаркнул Аркли.

Она оглянулась в его сторону, но едва смогла разглядеть его. Слуги Скейпгрэйса окружили его со всех сторон. Отбежав от вольера, она снова и снова стреляла, пытаясь проредить толпу. Еще немного — и его схватят, понимала она, но сделать могла очень немного. Она не могла помочь ему — у нее было мало пуль. Единственная надежда — спастись самой и привести подмогу.

Проблема в том, что она не знала, что делать дальше. Подъездная дорожка вела прямо к дороге, откуда могла появиться помощь. Любой наряд полиции приедет оттуда — при условии, что ей удастся продержаться достаточно долго, чтобы дожидаться их. Но Аркли говорил, что там засели немертвые.

Конечно же, они лежат в засаде.

Вместо этого она повернула к задней части дома, туда, где десятифутовый забор проходил вдоль деревьев. Она поставила ногу на перекладину между двумя досками,

подтянулась и схватилась за ветки, нависавшие над забором. Адреналин помог подтянуться и перелезть через ограду, она спустилась по дереву на той стороне, ветки хлестали ее по лицу, оставляя длинные царапины на руках и плечах. Наконец она скатилась по крутому склону прямо на парковку начальной школы, находившуюся по соседству. Черный асфальт сверкнул в свете луны.

С той стороны забора она слышала пистолетные выстрелы. Один... еще два. Потом все стихло. Она попробовала выровнять дыхание, не дать себе удариться в панику. Аркли, вероятно, был мертв, но ее положение от этого не менялось.

Ветки деревьев зашевелились, и сухие листья посыпались с них. Двое мертвых лезли через забор позади нее. Еще секунда — и они нападут.

Лора проверила пистолет. Оставалась только одна пуля. Лучше приберечь ее, решила она. Кэкстон поднялась на ноги и бросилась бежать.

Здание школы было низким и прямоугольным, ночью оно казалось черной глыбой. К нему она и направилась. Лора не знала, хорошо ли мертвые видят в полной темноте или нет. Вампиры совершенно точно видят кровь, светящуюся в темноте, но как насчет их слуг? Это была одна из многих вещей, о которых ей следовало расспросить Аркли, когда у нее была эта возможность.

Тогда, когда он был жив.

Чувство вины свело позвоночник, когда она обогнула угол и стала подниматься по короткой лесенке. Она бежала и одновременно чувствовала вину. Перед ней находился бортик и огражденная цепью бледная поверхность бейсбольной площадки. Она проскочила сквозь небольшую щель в заборе и поскользнулась на грязном пятне. Впереди были деревья. Неудивительно, ведь в Пенсильвании деревья были повсюду. Она решила, что они смогут хоть немного прикрыть ее, спрятать от глаз мертвых. Она скользнула между ними и почти мгновенно поняла свою ошибку. Бежать ночью по лесу было невозможно, по крайней мере, бежать быстро. Какой бы темной ни была ночь, но под покровом леса она темнее в сто раз. Не видя ничего, она могла налететь на ствол дерева или споткнуться о корни. В кармане у нее лежал фонарик, но если бы она включила его, то мгновенно выдала бы этим свое местоположение.

Без света она могла свернуть себе шею или, что еще хуже, сломать ногу. Она могла неподвижно застыть на месте и ждать, когда ее найдут мертвые. Нужно было выбираться из леса — но о том, чтобы идти назад, и речи быть не могло.

Впереди Лора увидела смутное свечение, и она двинулась к нему, вытянув руки, на ощупь отыскивая путь. Ноги судорожно ступали вперед, стараясь не запутаться в густом подлеске или увязнуть в луже грязи.

Перед ней открылась поляна, на которой росло несколько тонких молодых деревьев, но в основном она была покрыта густой травой, пожелтевшей и пожухлой, как и положено поздней осенью. Лора шагнула из леса на относительно светлое пространство, облегченно вздохнула и внезапно споткнулась о камень. Она ударилась подбородком о твердую, смерзшуюся землю, и зубы стукнулись друг о друга с ужасным клацающим звуком.

Она перевернулась на бок, потом села и обернулась. Камень, о который она споткнулась, был светлым, почти призрачно-белым в свете луны. Сверху он был шершавым, но ровным по сторонам, выщербленным за столетия ветром и дождем, но когда-то давно он был гладким и ровным. Каменная плита, торцом врытая в землю. Как могильный камень.

Лора прибежала прямо на заброшенное кладбище.

Когда она поняла, куда ее занесло, все стало ясно. Низкие могильные камни были сильно разрушены, с течением времени занесены землей, и теперь о них было легко споткнуться. Впрочем, Лора смогла понять, где находились ровные ряды могил, а на дальнем конце кладбища она разглядела пару искореженных металлических штырей — остатки литых

железных ворот.

Такие маленькие кладбища были разбросаны по всей территории Пенсильвании, и Кэкстон знала это. Застройщики ненавидели их, ибо по закону, если они собирались использовать землю, нужно было переносить эти могилки на новое место. Поэтому чаще всего их просто оставляли в покое. То, что одно из таких кладбищ находилось позади ее дома, было не такой уж большой неожиданностью. Наверное, несколько десятков лет назад тут была церковь, которая потом сгорела или была снесена. Могил бояться нечего, сказала она себе: вампиры, конечно, спали в гробах, но вряд ли они закапывались на старинных церковных дворах исключительно ради антуража.

Что-то хрустнуло ярдах в десяти от ее головы. Наверное, сломалась ветка или же земля треснула от мороза. А может, это просто была кошка или олень...

Как бы то ни было, Кэкстон застыла на месте. Всем телом обратившись в слух, она сосредоточила свое внимание на ожидании следующего звука.

И потом раздалась целая очередь крошечных хлопков, будто взорвалась связка петард, но намного, намного тише. Наверное, кто-то шел по ковру из еловых шишек. Кэкстон дюйм за дюймом пригибалась к земле, пока не легла плашмя, стараясь сделаться совсем маленькой, совсем незаметной.

— Ты это видел? — протянул кто-то.

Это был скрипучий голос немертвого. Спустя мгновение она услышала ответное бормотание.

Она обругала себя за то, что легла, за то, что вообще шевелилась. В темноте, если бы она осталась абсолютно неподвижной, они могли бы пройти мимо нее.

В «беретте» оставалась только одна пуля. Плоть немертвого была мягкой и прогнившей, и, наверное, она могла бы разнести на куски и второго. Но если их было трое или же они были шустрее, чем она рассчитывала, то все будет кончено.

Она напряглась всем телом, готовая ударить всякого, кто подойдет к ней. Она изо всех сил постарается уничтожить их, если их двое. Если трое, то она выстрелит себе в сердце. Это не даст ей превратиться в вампира.

— Вон, что это? — спросил немертвый.

Их было двое. Их должно быть двое. Она взмолилась, чтобы их было только двое.

И услышала третий голос.

— Вы, двое, оставьте нас одних, — сказал кто-то, тот, кто стоял прямо позади нее.

Она перевернулась и увидела бледную округлую фигуру. На нем были узкие джинсы и черная футболка. Уши были темными и рваными на вид.

Скейпгрэйс.

Кэкстон вскинула пистолет и выпустила свою последнюю пулю прямо в грудь вампира. Пуля прорвала футболку, а потом ушла рикошетом в деревья. Она не оставила даже царапины на его белом теле.

На самом деле она не думала, что сможет убить его: даже в темноте она могла различить розоватый оттенок крови, струившейся под его кожей. Она лишь хотела заставить его повернуться и огрызнуться. Он даже не рассмеялся. Он просто присел на корточки возле нее и дотронулся до каменного валуна, о который запнулась Лора. Он не взглянул на нее и даже не прикоснулся к ней.

Она попыталась задать ему вопрос, но рот не желал раскрываться.

— Что... что ты собираешься...

— Замолчи, — бросил он. — Ни слова, пока я первый не заговорю с тобой. Я могу тебя убить, — добавил он. — Я могу убить тебя мгновенно. Если попытаешься сбежать, я тебя поймаю. Я намного быстрее, чем кажусь. Но я хочу привести тебя живой. То есть мне так приказано. Думаю, ты знаешь, этого хочет она. Мне также сказали, если я немного тебя потреплю, то это ничего. Это даже может помочь.

Тут он наконец взглянул на нее, и она пришла в ужас оттого, каким юным он выглядел. Скейпгрэйс был ребенком, когда совершил самоубийство. Подросток лет, может, пятнадцати,

максимум шестнадцати. Его тело так и осталось болезненно тощим и сутулым. Смерть не сделала его взрослым в одночасье. Он по-прежнему выглядел маленьким мальчиком.

— Пожалуйста, не надо на меня так смотреть. Я это ненавижу.

Кэкстон торопливо отвернулась. Она знала: ее собственное лицо было искажено страхом. Соленая капля сбежала из носа по верхней губе, а на лбу выступил холодный пот.

— Я кое-что вижу в темноте, но вот это прочитать не могу, — сказал он, проводя пальцами по плите.

Большая часть букв стерлась, но кое-где еще виднелся уголок или изогнутый фрагмент надписи.

— Может, ты лучше сможешь разобрать. Прочти мне.

Ее губы дрожали, ее тошнило. Она пересилила себя. Прочитать буквы она не могла, но, может, подумала она, удастся разобрать их на ощупь, проведя по ним кончиками пальцев.

От ужаса ее рука дрожала, пока она водила пальцами по камню. Разобрать получилось не многое:

СТИВ... Н Д... ЛАНС... ИЮ... 854... — ИЮЛЬ 1854

Она сказала ему, что обнаружила.

— Я думаю... Я думаю, тут говорится «Стивен Деланси, умер в июле тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года». Дату рождения т-т-тр-трудно р-р-азобрать, — выдавила она.

Кэкстон чувствовала, будто кто-то льет ей на спину холодную воду. Это было то странное чувство, которое она испытывала в присутствии других вампиров, ощущение холода, охватывающее ее всякий раз, когда Райс дотрагивался до нее или когда она стояла у гроба Малверн. Но в основном озноб тряс ее от страха, что в любой момент Скейпгрэйс мог убить ее. Разорвать на куски, прежде чем она успеет поднять руки, защищаясь.

— Как думаешь, он родился в июне или июле? Он прожил месяц или всего несколько дней? — Скейпгрэйс встал на колени рядом с ней и провел рукой по могильной плите, словно глядя в лицо похороненного под ней младенца.

— Думаю, есть только один способ выяснить это.

— Нет! — закричала Лора, когда он вонзил в почву свои бледные пальцы и принялся отбрасывать комья земли.

Она отпрянула назад и ударила его по шее своим незаряженным пистолетом. И наконец добилась от него реакции.

Развернувшись на коленях, он обхватил ее за талию и отшвырнул от себя. «Беретта» выпала из руки. Куда она делась, Лора не видела, ибо, пролетев по воздуху, с силой приземлилась на соседнюю плиту. Это была всего лишь глыба камня, торчащая из земли, словно гнилой зуб. Локоть ударился о камень, и дикая боль пронзила ее руку снизу доверху. Она не знала, сломала ли она что-нибудь или просто ушибла локтевой сустав.

К тому времени, как она смогла встать, Скейпгрэйс уже вырыл яму около трех футов в глубину. Ее рука все еще мучительно болела, но сама она была цела. Увидев, как он вынимает деревянный ящичек из земли, она заплакала. Она не могла вынести этого: ее терзал страх и ужас от того, что он делал. Она подумала, что сейчас закричит и бросится бежать, хотя прекрасно знала: он все равно поймает ее.

Ящик был сделан из светлого дерева, наверное, из сосны, источенной червями. Он сгнил так сильно, что Лора не смогла бы сказать, был ли он украшен чем-нибудь или нет. Детский гробик разломался в руках Скейпгрэйса, хотя он явно старался не повредить его. Он смахнул остатки трухлявой древесины, земли и осадков, которые скопились вокруг тельца внутри.

— Моя семья устроила мне пышные похороны, — сказал он. — Я видел все, что там происходило, паря под сводом церкви. Там была вся моя школа, ребята шли мимо, смотрели мне в лицо, кто-то плакал, а кто-то что-то говорил. Иногда говорили даже те, кого я не знал.

Девчонки, которые ни разу со мной не заговорили в коридоре, даже если им нужна была ручка, а у меня была запасная. Некоторые из них и впрямь были расстроены, будто они поняли наконец, кем я был и что они со мной сделали. Это было немного странно. Впрочем, никто до меня не дотрагивался.

Мягко, одним большим пальцем он стер мусор с крошечного тельца.

— Пожалуйста, — взмолилась Кэкстон, с трудом выдавливая слова. — Пожалуйста. Пожалуйста.

Он не ударил ее, но и не прекратил свое занятие. Он слегка встряхнул гробик, и из него посыпались грязь, земля и все прочее. Кэкстон затошнило, и она отвернулась в сторону, стыдясь того, что выказывает подобное неуважение, но не в состоянии удержаться от рвоты прямо здесь и прямо сейчас.

— Когда ты по одну сторону со смертью, она перестает тебя пугать. На самом деле она становится в некотором роде развлечением. В этом смысл существования вампира. Она полностью меняет твои взгляды.

Он взял в левую руку что-то круглое, размером с яблоко. Слегка крутнув, он извлек это из гроба. Прочие останки младенца вернулись в яму, и он забросал ее землей. Потом обернулся и показал находку.

Это был череп. Череп Стивена Деланси, которого похоронили сто пятьдесят лет тому назад.

— Смотри, — сказал он, — ему было всего несколько дней, когда он умер.

Он показал ей череп. Он был полностью забит землей и испачкан грязью и высохшей кровью. Это было омерзительное, тошнотворное зрелище.

— Наверное, на самом деле он так и не родился. — Он стал разглядывать череп ребенка на вытянутой руке. — Это должно сработать, — сказал он.

Он протер череп большими пальцами, потом уставился в пустые глазницы и тихо запел. Она не разобрала слов — и вообще не была уверена, что там были какие-то слова.

Когда Скейпгрэйс закончил петь, он закрыл глаза и вытянул руку, держа череп на своей белой ладони. Через секунду череп завибрировал. Лора видела какое-то неясное движение. Вдруг послышался звук, похожий на жалобный стон, который череп не мог издать: у него не было даже нижней челюсти. Это был плач ребенка, он становился громче и не прекращался, и Лоре захотелось заткнуть уши руками.

— Возьми его, — приказал ей вампир, и она прекрасно услышала его сквозь этот крик. — Давай, мои уши более чувствительны, чем твои. Бери!

Она взяла череп в руки, и плач мгновенно прекратился.

— Я собираюсь забрать тебя с собой, туда, к ее одру. Мне нужно, чтобы ты подчинялась. Поэтому мы сыграем в небольшую игру. Ты будешь держать Стивена обеими руками, ибо это единственный способ успокоить его. Кивни, чтоб я знал, что ты меня поняла.

Она пожала плечами. От этого ее голова дернулась на шее, будто не была до конца к ней прикреплена. Она обхватила череп обеими руками. Что-то двигалось и скреблось внутри, какое-то насекомое, прятавшееся в земле, которая заполняла черепную коробку ребенка. Она застонала, но череп не выронила.

— А теперь позаботься о нем хорошенько. Если уберешь от него руки, если уронишь или сломаешь, потому что будешь сжимать слишком сильно, я услышу его плач. И тогда я сделаю тебе больно. Очень-очень больно.

Он прищурил свои красные глаза и внимательно посмотрел ей в лицо.

— Я сломаю тебе спину. Ты же знаешь, я могу это сделать. Правда?

Она опять кивнула. Ее всю трясло.

— Ладно, Лора, — сказал он. — А теперь пошли.

взглядом окрестности, отчаянно надеясь, что там будет кто-нибудь, кто заметит их и вызовет полицию. Увы, не повезло. Они с Дианой выбрали это место именно потому, что оно находилось в лесу. Много места для мастерской и вольеров. Кругом никого, кто мог бы пожаловаться на причудливый скулеж, который иногда издавали борзые. И по ночам ни души.

На парковке их ждала машина, белый седан последней модели, двигатель заглушён, фары включены. За рулем сидел доктор Хазлитт. Похоже, он нервничал.

— Она обещала, что Хазлитт станет одним из нас, — объяснил Скейпгрэйс.

Он стоял рядом с ней, так близко, что она могла почувствовать его холодное дыхание на своей шее.

— Она очень много обещала ему.

Вампир открыл ей дверцу и усадил на сиденье, соседнее с водительским. Она вряд ли справилась бы сама, пока держала в руках этот проклятый черепок. Она влезла внутрь и поняла, что ремень безопасности ей тоже не пристегнуть. Впрочем, решила она, это не имеет значения.

— Здравствуйте, офицер, — поздоровался Хазлитт.

Она на него даже не взглянула. Он вздохнул и попробовал снова.

— Я понимаю, сейчас у вас нет причин симпатизировать мне, — продолжал он. — Однако через несколько часов мы станем союзниками. Так оно и будет. Почему бы нам не быть вежливыми друг с другом?

Она не ответила, Хазлитт завел машину и повернул на шоссе, ведущее на юго-восток. В сторону туберкулезного санатория, где терпеливо ждала Жюстина Малверн.

Они намеревались заставить ее совершить самоубийство. Лора и раньше это понимала, но не представляла себе, как это может произойти. Райс хотел, чтобы это был ее собственный выбор, и он практически убедил ее выстрелить в себя. Он потратил на это много времени, но, прежде чем он успел закончить, взошло солнце. Скейпгрэйс, судя по всему, такую ошибку делать не собирался. Он силой направит ее руку. Судя по методам убеждения, которые он уже использовал, Лора решила, что он станет пытаться до тех пор, пока она не начнет молить о смерти. И тогда он даст ей возможность совершить самоубийство.

Аркли на этот раз не мог остановить их. Аркли был мертв.

«Сегодня ночью меня не станет», — подумала Лора, — а следующей ночью я восстану уже как вампир».

Ей захотелось схватиться с ними врукопашную. Ей захотелось этого так сильно, что все тело ломило от желания атаковать, убить и вампира, и доктора. Волны адреналина захлестнули ее. Но как? Оружия у нее не было. Никакими боевыми искусствами Лора не владела.

На грани паники, она принялась дышать быстро и неглубоко. Гипервентиляция. Она знала, что произойдет, но не знала, как это остановить. Хазлитт взглянул на нее, беспокойно сморщив лицо.

Скейпгрэйс на заднем сиденье казался больше, чем был на самом деле. Он был похож на огромную раковую опухоль, белую и дряблую, заполнившую собой полмашины.

— Она просто испугана. Пульс учащен. Она может потерять сознание.

— Благодарю покорно, — съязвил Хазлитт. — Мне известны симптомы паники. Как думаешь, следует ли нам ее успокоить? Она может ранить себя или кого-нибудь еще.

— Это тебя она может ранить, — ответил Скейпгрэйс, слегка посмеиваясь. — Не беспокойся. Я перехвачу ее, если она попытается сделать захват или что-то вроде этого.

Крошечные искорки света вспыхнули у Кэкстон в глазах. Они проплыли и исчезли так же быстро, как и появились. В горле пересохло, оно сжалось, и воздух со свистом выходил из легких. Лора чувствовала, как бешено колотится ее сердце. Потом перед глазами слева и справа появились темные полосы, как в старых фильмах, которые показывали по телевизору. Полосы расширились, и в голове раздался звон. Все вокруг стало мягким, расплывчатым, нечетким.

Она слышала Хазлитта и Скейпгрэйса, но так, будто они кричали сквозь толстый слой шерсти. Их голоса тонули в звоне, раздававшемся в ее ушах. Она чувствовала свое тело, но оно было совершенно онемевшим, тягучим и мертвым. Если бы она очень захотела, она могла бы пошевелиться, но такого желания у нее не было.

Страх исчез.

Это было прекрасно. Лора знала, что дела ее плохи и все будет еще хуже, но страх исчез, и она могла снова мыслить ясно. Она взглянула вперед через ветровое стекло и попыталась понять, где они едут. Там снаружи было что-то, но не шоссе. Это что-то было бледным, большим, с длинными треугольными ушами. Это был вампир, наверное Малверн. Вампир протягивал к ней свои руки, покрытые кровью, словно поднося дар.

Скейпгрэйс треснул ее по затылку, и она пришла в себя, звон в ушах пропал.

— Я спрашиваю, ты в порядке? — орал на нее Хазлитт.

Одну руку он держал у нее на шее, вероятно проверяя пульс. Ей захотелось отбросить ее, но она опустила глаза и увидела, что все еще держит в руках детский череп. Что бы там ни произошло, ей удалось не выронить его. Она вспомнила, что ей нельзя выпускать его. Она отстранилась от Хазлитта так далеко, как могла.

— Я в порядке, — удалось ей выдать из себя.

Голос прозвучал слабее, чем она ожидала.

— Что случилось?

— В обморок упала, — сказал доктор злорадно.

Лора нахмурилась. Она была не из тех женщин, кто падает в обморок. Так, по крайней мере, она думала раньше. Только однажды, когда они с Эшли (предшественницей Дианы) были на каникулах в Херши, она перебрала шоколадного мартини до такой степени, что в буквальном смысле рухнула без чувств. Очнувшись она на полу в женской уборной, где на нее смотрела сверху вниз толпа перепуганных разносчиц коктейля. Сейчас она чувствовала нечто похожее, но тогда ей было не так стыдно.

Ничего себе, подумала она. Если бы Аркли увидел ее сейчас, у него появилось бы доказательство всех тех ужасных вещей, которые он вечно говорил о ней. Благодарение Богу, его не было в машине. Потому что он был мертв.

Она пошевелила мышцами лица, открывая рот, надувая щеки: пыталась немного прийти в себя. К тому времени, как они добрались до санатория, она чувствовала себя почти хорошо. Хазлитт въехал на главную лужайку, остановился рядом со статуей Гигиены, и они вышли из машины. Кэкстон очень старалась не уронить череп, несмотря на то что пальцы были липкими от пота.

Двенадцать или тринадцать других автомобилей были уже припаркованы на газоне. Все они были пусты. Недалеко от главного входа больницы горел костер. Кэкстон была более чем уверена, что его развели не офицеры исправительной службы, охранявшие санаторий, чтобы поджарить сосиски. Она оказалась права. Когда они подошли к входу, она увидела офицеров, рядком лежащих на земле у костра, с руками, связанными за спиной, лицом в траву.

Она решила, что они мертвы. Она почти с облегчением подумала об этом. И когда один из них пошевелился, у нее по телу прошла новая волна ужаса.

Такер, охранник, который помогал Аркли найти личные данные Райса, вытянул шею, пытаясь увидеть, кто приехал. Кэкстон постаралась отвернуться, чтобы он не заметил ее, но не вышло. Его глаза встретились с ее глазами, и между ними произошел бессловесный разговор, будто они владели какой-то магией и могли переговариваться при помощи света огня, который отражался в их глазах.

«Мне так жаль, — попыталась она сказать ему своим взглядом, — но я ничего не могу сделать».

И его взгляд легко можно было понять даже с расстояния в двадцать футов.

«Помогите, — говорили его глаза. — Пожалуйста. Пожалуйста, помогите».

Конечно, это была ее работа. Помогать людям. Как бы то ни было, в данный момент она была бессильна. Такеру суждено было погибнуть, ибо она была недостаточно сильной. И

всем другим тоже. На ее руках была кровь — во всяком случае, выражаясь метафорически.

— Этот парень что-то значит для тебя? — спросил Скейпгрэйс.

Он не дал ей шанса ответить отрицательно. Он подбежал к тому месту, где на траве лежал Такер, и поднял его с земли за одну руку. Такер был тяжелее его, наверное, на сотню фунтов, но для вампира это не имело значения. Скейпгрэйс пристроил свои острые зубы на шее Такера и вонзил их почти с нежностью. Словно он кусал яблоко и не хотел разбрызгивать сок. Потом он начал сосать кровь.

Кэкстон не имела возможности помочь Такеру, ей не оставалось ничего другого, как закричать, чтобы он прекратил это. С таким же успехом она могла попытаться остановить лавину... Она только подстегнула его.

52

Крошечный череп в руках Лоры задрожал, и она едва не выронила его. Она издала тихий скулящий звук. Скейпгрэйс и Хазлитт остановились, глядя на нее. Вампир издевательски ухмыльнулся, видя ее затруднение.

Офицер посерел лицом, потом побелел. Но с белизной вампира ему было не сравниться. Глаза охранника закатились, а по телу пробежала дрожь, но он так и не вскрикнул. Наверное, Скейпгрэйс перекусил ему гортань. Когда все было кончено, вампир просто отшвырнул тело на землю. Оно ему больше было не нужно. Кровь струилась из его рта, ярко-красная кровь.

— Они все умрут, — сказал он.

Один из офицеров заскулил, другой начал молиться, рыдая и подвывая. Скейпгрэйс схватил его следующим.

После того как он осушил третью жертву, Хазлитт прочистил горло.

— Оставь пока остальных, — сказал он. — Жюстина хочет поговорить с нашей гостьей.

Скейпгрэйс вскочил и провел рукой по мокрому рту. Он шел по газону так быстро, что в воздухе только мелькали его ступни. Внезапно он обхватил руками шею Хазлитта. Он начал пригибать доктора вниз, к земле, пока тот не встал коленями на мокрую траву, с ужасом глядя в глаза вампиру, и тягучий пот выступил у него на лбу.

— Ты еще не один из нас, — прошипел Скейпгрэйс, — можешь ты это запомнить?

Доктор решительно закивал. Вампир отпустил его, и все трое вошли в здание.

Многоножка с длинными волосатыми усиками выползла из левой глазницы черепа и побежала по тыльной стороне ее руки. Ее тело на вид было мокрым и скользким. Кожа начинала зудеть от быстрого движения ее ножек. Лора крепилась изо всех сил, чтобы не отдернуть руку. Если бы она сделала это, Скейпгрэйс немедленно накинчился бы на нее. Вампир-подросток наверняка запустил бы многоножку ей в волосы, просто чтобы помучить ее.

Колени подогнулись, и зубы застучали, но Лора попыталась взять себя в руки. Это просто насекомое, говорила она себе. Хорошо бы только оно оказалось неядовитым.

Кэкстон осторожно поднесла череп ко рту. Она глубоко вздохнула и дунула на многоножку, пытаясь сбросить ее с руки. Головка насекомого закачалась под струей воздуха, но потом задние ножки зацепились за костяшки пальцев девушки. Лора дунула сильнее, еще сильнее, она дула до тех пор, пока не подумала, что сейчас снова упадет в обморок.

Скейпгрэйс фыркал в приступе издевательского смеха. Лора вздохнула и плюнула в многоножку так, что та наконец упала с руки. Повеселившись, вампир покачал головой, а потом жестом приказал ей следовать за ним.

— Сюда, — сказал он, — если ты уже в порядке.

Хазлитт бросился вперед в темноту и включил свет в коридоре. Все лампы дневного света, кроме одной, были разбиты. Они висели над ней, как обломки стеклянных зубов, вспыхивая то тут, то там. Того мизерного света, который остался, едва хватало, чтобы дойти до дальнего конца коридора. Они направлялись прямо в личную палату Малверн — Лора

узнала дорогу, которой они шли в предыдущий раз.

Скейпгрэйс взглянул на Хазлитта, потом отодвинул в сторону пластиковый занавес и вошел внутрь. Кэкстон двинулась за ним, но доктор дотронулся до ее руки и покачал головой. Вместе они ждали долгие минуты, слушая, как Скейпгрэйс выхаркивал свой «груз» похищенной крови. Он, разумеется, кормил Малверн точно так же, как это делал Лэрс в ту ночь, когда Аркли убил его. Когда Скейпгрэйс закончил и звуки стихли, Хазлитт кивнул ей. Лора прошла за пластиковую занавеску и остановилась в комнате, освещенной синим светом. Ее глаза на мгновение ослепли, привыкая к новому освещению, а голова закружилась. Ей показалось, что ее кто-то зовет, и она поспешила вернуться в реальность. Она была страшно напугана, думая, что сходит с ума.

«Лора», — снова слышала она женский голос.

Неужели говорила Малверн? Нет, это невозможно. Голосовые связки Малверн высохли сотни лет назад.

— Лора.

Это прозвучало так отчетливо и громко, будто кто-то стоял у нее за спиной и звал ее. Она повернулась, зная, что никого там нет. Это было все равно что разговаривать с призраком в амбаре Ури Полдера.

— Офицер? — спросил встревоженно Хазлитт.

Глаза медленно привыкали к синему свету. Она увидела комнату, в которой кое-что изменилось. Медицинское оборудование было распахнуто по углам, микрофоны и зонды, которые когда-то свисали с потолка, постоянно фиксируя состояние Малверн, были убраны прочь. Остался ноутбук, он одиноко лежал на металлическом столе. Кэкстон заглянула в гроб, который по-прежнему стоял на козлах. Кровь практически до краев заполняла его. Она была уверена, что Малверн была там, погруженная в темную жидкость, но не могла разглядеть даже тени под неподвижной поверхностью. И потом, словно в ответ на ее взгляд, по крови пробежала рябь, и пять крошечных выступов появились над поверхностью. Они прижались к гробу, и Лора разглядела, что это были ногти.

Рука Малверн поднялась из крови, загустевшая жидкость стекала с пальцев. Теперь было совершенно очевидно, что на костях стало больше тканей, чем прежде, — купаясь в человеческой крови, Малверн получала желаемый эффект. Она восстанавливалась, возрождалась. Ее рука потянулась к клавиатуре ноутбука и стала печатать. Знак за знаком, она набрала послание к своей гостье.

привет тебе, Лора

Потом вампирша закончила печатать, и ее рука скользнула обратно в гроб. Все было так тихо, чинно и благопристойно, что Лора почувствовала абсурдное желание ответить на вежливость и поблагодарить хозяйку за радушие и гостеприимство. Тогда Скейпгрэйс похлопал Лору по плечу, и она обернулась, задохнувшись от зрелища, которое предстало перед ней. С потолка свисала петля, раскачиваясь над простым деревянным стулом.

— Это... для меня? — пробормотала, заикаясь, она. — Чтобы... чтобы я... могла... покончить с собой и завершить обряд?

— Да, — подтвердил Хазлитт. — Я хочу, чтобы ты знала я высказывался за смертельную инъекцию. Я уже сделал одну себе. Но они и слышать не захотели.

— Твоя мать сделала именно так? — поинтересовался Скейпгрэйс. Это прозвучало почти заботливо, будто он и впрямь хотел убедиться, что все сделал правильно. — Она ведь повесилась? Эта симметрия нам бы очень понравилась.

— Да, это так. — Лора кивнула, пытаясь говорить еще более небрежно, чем он.

Ее желудок переполняла кислота, но она не хотела выдать себя. Симметрия. То, к чему каким-то образом было равнодушно догматичное, извращенное, обсессивно-компульсивное сознание вампиров.

— Она повесилась. Когда я была совсем маленькой. Что, уже пора? — спросила она,

чувствуя, как ком встает в горле. — Пора мне...

Она не смогла закончить фразу.

— Сам знаешь что.

— Мы еще не совсем закончили, — сказал Скейпгрэйс.

В комнату вошел немертвый и взобрался по стремянке, чтобы прикрепить к потолку пару толстых железных цепей. Когда он закончил, он убрал стремянку и расчистил пространство еще для двоих немертвых, которые втащили в палату большой холщовый мешок. На конце мешка были мерзкие пятна. Пока они тащили свою ношу, они ворчали и ругались, но открыто не жаловались. Время от времени они смотрели на Скейпгрэйса, будто ждали, что он схватит их и разорвет в клочья просто потехи ради.

Наконец они открыли мешок. Внутри лежало человеческое тело, большое тело, одетое в темный костюм. На руках и лице было столько крови, что Кэкстон не могла определить ни расовую принадлежность, ни пол покойника.

Нет, постойте, подумала она. Он не мертв. Тело пошевелилось, пусть и рефлекторно, это, видимо, последняя дрожь, прежде чем человек в конце концов погибнет от смертельных ранений. Немертвые приковали тело цепями за лодыжки и принялись поднимать его в воздух. Скейпгрэйс подошел к ним, чтобы помочь поднять его над гробом. Наконец тело повисло над погруженными в кровь останками Малверн, почти дотрагиваясь вытянутыми кончиками пальцев до поверхности крови.

Тело качнулось из стороны в сторону, сначала направо, потом налево. Оба, и Скейпгрэйс, и Хазлитт, не отрываясь смотрели ей в лицо, словно ждали от нее какой-то реакции. Она видала виды и похуже, хотелось сказать им. Она соскребала с асфальта королев школьных балов. Но потом она поняла, почему они хотели, чтобы она увидела именно это тело.

На лацкане у него был маленький значок, звезда в круге. Значок специального представителя Службы судебных исполнителей США.

53

— Аркли, — простонала она. — О господи, это Аркли. Вы убили его.

Она знала, что он мертв, уже смирилась с этим, и вот оно — доказательство. Слезы брызнули у нее из глаз, закапали на рубашку.

— О, в нем еще полно жизни, — заявил Скейпгрэйс. — Хорошо, если бы это было так.

Немертвые отпрянули от гроба, и Лора все поняла. Когда они напали на ее дом, Скейпгрэйс приказал им захватить обоих копов живыми. Кэкстон — чтобы сделать ее вампиром, а Аркли — для того, чтобы Скейпгрэйс мог пытать его до смерти за то, что он сделал с Райсом, Конгрейвом, Лэрсом и Малверн и всеми вампирами, до которых он смог добраться. Хазлитт дотронулся до горла федерала.

— У него есть пульс. Прерывистый, но достаточно сильный. И он точно дышит. Впрочем, он без сознания.

Скейпгрэйс улыбнулся.

— Так давайте разбудим его.

Он шагнул под висящее тело и взялся за левую руку Аркли, потом поднес ее к своему рту и одним быстрым движением откусил четыре пальца.

Свежая кровь хлынула из ран, смешиваясь с кровью в гробу. Глаза Аркли распахнулись, и звук, похожий на кошачье мяуканье, вырвался из его груди. Он вздохнул с ужасным хрипом. Ясно, что-то было сломано у него внутри. Он приоткрыл рот, пытаясь что-то сказать.

Скейпгрэйс выплюнул откушенные пальцы в гроб Малверн. Они бесследно канули в крови.

— Что такое, маршал? Скажите нам.

— Соп, — прохрипел Аркли.

Это прозвучало так, словно два листка бумаги потеряли друг о друга.

— Осоп.

— Особый представитель, — повторила за него Кэкстон.

Подобие мрачной улыбки, да, улыбки, появилось на лице федерала.

— Кэкс... — хрипел Аркли. — Кэкс... ты... Колени...

Он сделал еще один хриплый вздох.

— Надо...

Казалось, он не может закончить свою мысль.

Скейпгрэйсу это совсем не понравилось. Он потянулся ко второй руке Аркли.

— Есть еще что-нибудь сказать? — спросил он. — Какое-нибудь последнее слово для твоей подружки? Ты подставил ее, старик. Она умрет, ты умрешь. Все умрут. Ты всех подставил. Может, ты хочешь сказать, что виноват? Давай. Прошепчи ей это на ушко. Мы все терпеливо подождем, пока ты обдумаешь свои предсмертные слова.

Кэкстон нагнулась ближе над краем гроба. Ее рубашка запачкалась в крови.

— Джеймсон, — прошептала она.

Она никогда прежде не называла его по имени, и оно странно прозвучало в ее «исполнении».

— Прошу, не извиняйтесь.

— Колени, — сказал ей федерал.

Это было не то, что она от него ожидала.

— Встань перед ней на колени.

Она ужаснулась его словам, самой его идее. Она смотрела в его глаза, желая, чтобы он узнал, как она зла, что он подчинился вот так просто, что он хотел, чтобы она покорно приняла свою судьбу. Но его глаза говорили другое. В морщинках у его глаз читался намек на вызов.

Он никогда не ошибался прежде. Лора упала на колени и нагнула голову, словно молясь в церкви. Впрочем, она прекрасно знала, что молитва ее не спасет.

Внизу, возле своих коленей, она заметила что-то... спрятанное практически в полной темноте под гробом. Она увидела угловатые тени козел, а между ними нечто, прикрепленное к дну гроба крест-накрест серебристым скотчем. Она глянула снова и наконец поняла. Это был пистолет. 23-й «глок».

Должно быть, Аркли подложил его сюда раньше. Наверное, той самой ночью, когда Райс со Скейпгрэйсом пришли за Малверн и он пригрозил вырвать ей сердце. Должно быть, он планировал это точно так же, как планировал всевозможные случайности. Вот как надо бороться с вампирами — никогда нельзя позволить им наваливаться на тебя.

Она посмотрела Аркли в лицо. Оно ничего не выражало. Она снова взглянула на пистолет, зная: в нем тринадцать пуль. Лора подняла голову и осмотрела комнату.

— Скейпгрэйс, — позвала она вампира.

Тот шагнул ближе. Он был не далее чем в пяти футах.

— Хмм?

— Лови! — сказала она и швырнула в воздух череп.

В тот же самый миг тишина раскололась высоким неземным воплем. Скейпгрэйс схватил его, белые руки взмыли вверх и вытянулись.

Лора рванула «глок» из-под днища гроба. Она загнала патрон в ствол и увидела, как расширяются красные глаза вампира. Умом он уже понял, что происходит, но руки все еще тянулись за черепом. Он поймал его и, не думая, раздавил бледными пальцами. Фрагменты желтой кости и комья земли, пронизанной червями, посыпались на его рубашку. Крик прекратился.

Кэкстон прижала ствол пистолета к его груди и выстрелила. Он упал на спину, треснувшись головой о бетонный под. Его глаза забегали, стараясь сфокусироваться на ней.

— Прелестно, — процедил он, пытаясь подвернуть колено, чтобы встать.

Его конечности, казалось, не хотели его слушаться.

— Дерьмо, — выругался он и повалился назад.

— Вперед! Помогите ему! — заорал немертвым Хазлитт.

Один из них бросился к дальнему выходу, в темноту. Кэкстон развернулась на каблуках и послала выстрел немертвому в спину, разлетевшуюся облаком сгнившей плоти и рваного тряпья. Она повернулась, чтобы выстрелить в другого, но того уже и след простыл, он сбежал из комнаты. Третий немертвый скорчился на полу и обхватил колени.

Тогда Лора повернулась к Хазлитту. Она не наставляла на него пистолет — никогда не наставляй пистолет на человека без намерения застрелить его. Доктор шагнул к тележке с медицинскими инструментами и поднял руки. Он слишком умен, решила она, чтобы что-то реально предпринять.

Когда она снова взглянула на Скейпгрэйса, тот уже перекатился на бок и пытался принять сидячее положение. Он не смотрел ей в глаза.

— Ты его задела, — сказал он.

— Что?

— Ты задела мне сердце, — закончил он.

Он оттолкнулся одним коленом, но руки у него тряслись.

— Это было чертовски хитро.

Он встал на оба колена.

— Ты дождалась, пока я отдам ей всю кровь. Ты ждала момента, когда я стану совсем слабым. Очень хитро. Слушай, — сказал он, поднимаясь на ноги.

Он поднял руки на свет.

— Я тихонечко пойду, ладно? Не убивай меня.

Он слегка присвистывал во время разговора. Наверное, она прострелила одно из его легких. Что бы только она не отдала в тот момент за его рентгеновский снимок.

— Пожалуйста, — продолжал канючить он. — Можешь запереть меня на веки вечные, как хочешь. Только, пожалуйста, не убивай меня. Мне еще восемнадцати нет.

— Нет, — выдохнул Аркли.

«Не слушай», — пытался он сказать.

Он все еще был жив? Долго он не протянет, если только она не снимет его и не перевяжет раны. Она повернулась вполборота, чтобы взглянуть на него.

Это была брешь, которой ждал Скейпгрэйс. Он метнулся через комнату белой молнией. Красная кровь хлестнула из горла Хазлитта, когда вампир вырвал доктору половину шеи. Хазлитт подавился криком. Кэкстон выстрелила дважды в голову Скейпгрэйсу, просто автоматически. Это его даже не задержало. Она снова выстрелила, в спину, но он только удвоил усилия, прижимаясь рядами треугольных зубов к дыре, которую он сделал в шее Хазлитта.

Каждая капля крови, которую он глотал, делала его сильнее. Через несколько секунд он станет пуленепробиваем. Ей нужно было убить его немедленно. Осторожно, затаив дыхание, она прицелилась и выстрелила в спину, сквозь футболку. Пуля прошла сквозь тело вампира, и он согнулся пополам, воя от боли. Он, спотыкаясь, поплелся от Хазлитта и упал на стойку со штативами для капельниц. Они посыпались на пол, а его руки все хватались и хватались за пустоту, за воздух. Ноги тряслись, словно резиновые шланги, и наконец он рухнул на пол, забился в судорогах и умер.

Хазлитт в последний раз окинул взглядом комнату, его лицо и грудь, вся передняя часть тела были сплошным кровавым потоком. Потом он тоже рухнул на пол, мертвый, как и вампир.

Немертвый в углу вскочил и бросился к двери. Кэкстон рефлекторно выстрелила, но промахнулась. Она выстрелила снова и оторвала ему руку. Немертвый взвыл от боли, но не остановился. Она выстрелила в третий раз, и его тело разнесло на куски.

Малверн

*Вот кол, в черном жирном сердце твоём —
не любили селяне тебя никогда.
И танцуют они, и пинают тебя,
Ибо знают, что ты в их беде виноват.*
Сильвия Плат. Папа

54

— Пять, — простонал Аркли.

Лора сунула пистолет в пустую кобуру на поясе. Пистолет вошел в нее почти как родной. Взобравшись на стремянку, трясущимися руками она с трудом опустила Аркли на пол. На тележке она нашла рулоны марли и хирургического пластыря.

— Пять, — сказал он снова, будто опять вспомнил о чем-то.

Его раны были ужасны. Немертвые действительно обработали его по полной — кожа была в сплошных порезах, большинство из них воспалились, а те места, которые не были изрезаны или порваны, были синими от ушибов, а местами и от укусов. Глаза заплыли, а губы почернели и распухли от ударов. Ну и конечно же, пальцы, которые откусил Скейпгрэйс. Кэкстон перевязала ему левую руку бинтом, который немедленно покраснел от яркой артериальной крови. Она снова и снова накладывала повязки на его раны, туго, но не пережимая. Хорошо хоть это левая рука. Он по-прежнему сможет действовать правой. Даже стрелять.

Вот только сейчас ему было не до стрельбы. По крайней мере ни сегодня ночью, ни в последующие месяцы. Он даже сидеть не мог.

Кэкстон обдало холодом при мысли о том, что все это время она ждала, когда он встанет и попросит свой пистолет. Она правда думала, что ее роль сыграна и она может дать ему закончить дело.

— Пять, — пробормотал он.

— Шшш, — прошептала она.

Этого не будет. Он не будет сражаться с немертвыми. Он не выйдет с Домны «Арабелла». Это ей предстояло встать, побежать и позвать помощь. И может быть... может быть... ей удастся спасти ему жизнь, но все это предстояло сделать именно ей.

— Пять.

— Ладно уж, — сказала она. — Пять чего? Пять немертвых? Я думаю, их было больше, когда я сюда попала. А если вы скажете, что тут еще пять вампиров, я обделаюсь себе прямо на форму. — Она улыбнулась и погладила его по здоровой руке.

Он вздохнул и через силу торопливо произнес:

— Здесь только один действующий вампир.

Потом подождал секунду и закончил:

— А в обойме у тебя осталось пять патронов.

Она медленно вытащила «глок» из-за пояса. Выдвинула обойму и пересчитала оставшиеся патроны. Осталось только пять, как он и сказал. Это невозможно. Она же не могла выстрелить восемь раз? Но, прокрутив в голове недавнюю схватку, поняла, что могла.

Она загнала обойму обратно в пистолет и снова сунула его в кобуру.

— Будь осторожнее, — сказал Аркли, повернув голову влево и вправо. — Отсюда и далее.

Она согласно кивнула. Впрочем, он, наверное, этого не увидел, потому что в этот миг свет погас.

Это произошло так быстро, что Кэкстон решила наверное, она ослепла. Она моргнула, но синий свет так и не вспыхнул. Ровная темнота заполнила все пространство вокруг нее, такая густая, что Лоре показалось, будто она трется о ее сухие глаза.

— О боже, — ахнула она. — Они знают. Они что-то знают. Что нам дальше делать?

Аркли не ответил. Она потянулась и схватила его за окровавленное запястье. У него все еще был пульс, но он, наверное, потерял сознание.

Кэкстон обыскала свои карманы в надежде найти хоть какой-нибудь источник света. Что-нибудь, что угодно. Скейпгрэйс отнял у нее большинство ее вещей — сотовый телефон, КПК, наручники.

— О, спасибо, — прошептала она, не зная наверняка, к кому обращается.

Вампир проигнорировал ее мини-«мэглайт». Наверное, решил, что им она никого не убьет. Лора включила его и посветила им на Аркли. Миниатюрный фонарик выбросил мутный конус бледно-голубого света, на мгновение ослепившего ее. Он давал ровно столько света, чтобы разглядеть, что Аркли еще дышит.

Телефон был прикреплен к стене. Она схватилась за трубку и прижала ее к уху. Зуммера не было слышно. Она дюжину раз нажала на крючок, пытаясь заставить аппарат работать, но все было бесполезно. Кто бы ни вырубил его, он, должно быть, перерезал все телефонные линии в санатории.

Это означало, что им все известно. Они знали, кто она и каким будет ее первый шаг.

Если мертвые и оставшийся вампир знали, что она находится в палате Малверн, значит, первой ее задачей будет убраться отсюда. Она не могла забрать Аркли — он был намного тяжелее ее, а тащить его ей было не под силу. Значит, ей придется оставить его здесь, на полу. Если негодяи убьют его из злости, она всю жизнь будет ненавидеть себя за это. Лора понадеялась, что они будут слишком заняты, пытаясь прикончить ее.

Посветив фонариком вокруг, она нашла выход из палаты и заскользила вдоль стены по коридору. «Глок» оставался в кобуре, чтобы она зря не расходовала пули, испугавшись собственной тени. Аркли бы сделал так, и она очень гордилась, что додумалась до такого. Конечно, Аркли бы уж придумал план к этому моменту. И уже привел бы его в исполнение.

— Думай, — сказала она себе, пытаясь побороть страх, сковавший ее мозг. — Думай.

На что она реально могла рассчитывать? Она не была достаточно крута, чтобы в одиночку справиться с одним вампиром и неизвестным количеством мертвых. Ей удалось победить Райса благодаря амулету Весты Полдер, а Скейпгрэйс погиб от удивления, а не благодаря каким-то особым качествам, которыми она обладала. Если она не могла сражаться, что ей оставалось делать?

Она могла бежать. Она могла сбежать из санатория и вызвать подмогу. Это был единственный реальный план. Мертвые могут попробовать остановить ее, она знала. Она попыталась рассуждать, как эти безликие уроды.

Они тем не менее не станут атаковать ее напрямую — нет, не будут. Они трусливы. Аркли много раз говорил ей это. Они нападут со спины, отняв возможность видеть и способность быть на связи.

Они попытаются убить ее, заставят идти напрямик в их ловушки. Выбираться наружу через тот же выход, которым она пришла сюда, это самоубийство. Она нырнула в первый же коридор справа от нее, который попался ей на пути.

Она вспомнила первый визит в санаторий. Она подумала тогда, что он больше похож на большой дом с привидениями. С выключенным светом он был еще более пугающим, и сориентироваться было намного сложнее. В принципе она знала, в каком направлении двигалась: на юго-восток, в сторону оранжереи. Да, это будет хорошо. Если она сможет просто выбраться наружу, она почувствует себя в большей безопасности. А при свете луны можно будет заметить что-нибудь важное.

Свет фонарика ложился перед ней, освещая меньше, чем ей бы хотелось. Коридор, по которому она шла, был галереей смутных отражений и длинных теней. Впереди ее могло ждать что угодно. Что угодно. Она прижалась спиной к стене и шаг за шагом двигалась вперед. Ничего другого ей не оставалось.

Она прошла уже до половины коридора, осматривая каждую дверь, когда ей послышался звук какого-то движения за стеной, которая была у нее за спиной. Она отшатнулась от нее и почувствовала, что кто-то тоже дернулся с той стороны, будто они испугались друг друга. Звук был ритмичный, легкий или, скорее, целая совокупность звуков — дробь по дереву крошечных коготков, глухое шуршание мягкого тела, волочащегося по

битой штукатурке. Впереди нее, в конце коридора, что-то отлепилось от стены и припало к полу.

Лора повернула фонарь, и луч выхватил крысу. Крошечные глазки сверкнули, когда та обернулась на нее. Грызун поводил носом, а потом бросился прочь.

— Ничего, — сказала она себе, пытаясь взбодриться.

Это прозвучало немного громче, чем она рассчитывала.

Впереди, в конце коридора, зашипел немертвый.

— Что это?

Она застыла на месте. Затаила дыхание. Выключила фонарик.

В конце коридора через квадратные, с выбитыми стеклами окошки на двустворчатых дверях просачивалось немного света. Лора разглядела тень, похожую на человеческую голову.

— Ты это видел? — спросил еще кто-то все тем же скрипучим, похожим на крысиный писк голосом. Еще один немертвый.

— Там кто-то с фонарем, и он его уже выключил.

— Зови остальных, — сказал первый.

Потом двойные двери распахнулись, и нечто, что выглядело как бесконечный поток человеческих силуэтов, хлынуло в коридор.

55

Кэкстон потянулась к оружию, но остановилась. Она слышала, как десятки ног топали по коридору в ее направлении. У нее осталось только пять пуль. И ей будет никак не отстреляться от всех немертвых.

Она включила фонарик и направила его на них. Рваные лица и остекленевшие глаза превосходно отражали свет. Все были одеты в лохмотья. На одном были очки. У двоих-троих отсутствовали руки или ладони. Их было по меньшей мере двенадцать, и все они были хорошо вооружены: кухонными ножами, заточенными отвертками, топорами или колунами. У одного из них были вилы. Когда свет упал на них, они широко разинули рты и только ускорили бег.

Если она останется на месте, они просто прирежут ее. Лора выключила свет и кинулась в сторону, в пустой проем. Дверь от него лежала плашмя на полу в комнате, видимо, ее петли проржавели.

В дальнем конце комнаты было окно, но Лора увидела, что оно зарешечено. Сама комната выглядела как тюремная камера. Неужели это была палата для умалишенных?

Она услышала, как они приближаются. Она бросилась в эту комнату инстинктивно, просто пытаясь где-нибудь спрятаться. Они заметили ее? Лора не знала, насколько хорошо немертвые видят в темноте по сравнению с людьми. Они заметили ее? Лора прижалась к стене по одну сторону проема, дыша через рот. Она слышала их там, в коридоре, их ноги топтали по линолеуму, руки бились об оштукатуренные стены. Они видели, куда она делась? Должно быть, они приближаются. Они должны уже приблизиться.

Ей показалось, что она слышит, как они проходят мимо двери. Ей нужно было убедиться. Она немного высунулась в проем, чтобы взглянуть украдкой, и обнаружила, что один из них смотрит прямо на нее. Его лицо было в рваных полосах, оно огрубело там, где он сдирал с себя кожу. Но в его глазах была не ненависть, а скорее тоска, они были полны усталой грусти, более глубокой, чем она могла себе представить.

Даже не успев подумать, она потянулась обеими руками, схватила его за голову, повернула ее, рванула на себя. Он закричал, но плоть порвалась. Кости шеи затрещали, когда позвоночник не выдержал, и внезапно у нее в руках оказалась человеческая голова. Глаза смотрели прямо на нее, печаль превратилась в неприкрытый ужас. Рот продолжал двигаться, но у него больше не было ни глотки, ни гортани, чтобы закричать.

— Тьфу! — плюнула Лора и кинула голову в темный угол комнаты. Из коридора вошло

тело мертвого, напрочь потерявшее координацию. Это были просто мускулы, дергавшиеся без всякой цели. Вина и отвращение переполняли ее, и она подумала, что ее сейчас вырвет. Она посмотрела в темный угол, задаваясь вопросом, не шевелится ли еще голова. И насколько это больно: лишиться головы, но не умереть при этом?

Потом она вспомнила мертвых, которые издевались над ней на крыше домика Фаррела Мортон. Она вспомнила того, который напал на нее с лопатой, и того, который стоял у нее под окном и заставил Диану порезать себя в хлам. И тогда чувство вины мгновенно улетучилось.

Безголовое тело все еще жило. Довольно скоро оно натолкнулось на стену и принялось биться о нее, разрушаясь по кускам, долбя плечом стену, будто желая пройти сквозь нее.

Остальные мертвые повернулись, чтобы посмотреть. Они неорганизованно столпились в коридоре с оружием наготове, но оно не было направлено на нее. Они пошагали дальше, даже не подозревая, что она была в комнате, — если бы она не высунулась, они все прошли бы мимо нее. В темноте коридора нельзя было сказать наверняка, но ей показалось, что они были удивлены.

Вилы, которые держало безголовое тело, со звоном грохнулись на пол. Лора подхватила их обеими руками и прикинула их вес. Они были тяжелыми и несбалансированными, металлические зубья низко качнулись у самого пола, когда она попыталась поднять их. Это было смехотворное оружие, да еще такое, которым ее никогда не учили пользоваться.

Она выбросила их. Они звякнули, ударившись об пол. И тогда она вытащила «глок».

Толпа мертвых отступила назад. Прочь от нее. Это было хорошо. Некоторые из них подняли руки, но оружия не бросили.

Она направила пистолет на одного, потом на другого. Она заставила их задрожать. Они не могли знать, сколько выстрелов у нее осталось. Она шагнула наружу, в коридор, не выпуская их из прицела. Она застрелит первого, кто шевельнется. Может, это напугает их настолько, что они разбегутся, словно испуганные крысы. Она в самом деле надеялась на это.

У одного из них была пара кухонных ножниц. Он нервно клацал ими, лезвия блеснули в редких лунных лучах. Другой был одет в темно-синюю толстовку «Штат Пенсильвания», с капюшоном, накинута на изуродованную голову. У него был плотничный молоток. Если он подберется близко, он сломает ей плечо быстрее, чем за секунду.

Она сделала шаг назад. Мертвые сделали шаг вперед. Так не выйдет. Они без причины не испугаются и бросятся на нее. Ей не удастся выжить, если они кинутся на нее всем скопом. Если она вскоре не застрелит одного из них, они решат, будто она блефует, и тогда конец всему.

Она выбрала одного. Того самого, с молотком. Он выглядел не таким испуганным, как все остальные. Не торопясь, она примерилась, целясь прямо в сердце, и выстрелила, мысленно сказав, нажимая курок: «Четыре».

Грудь мертвого развзлась, и вонь от сгнившей плоти долетела до нее. Остальные отпрянули назад.

Потом они снова стали надвигаться на нее. Их оружие раскачивалось в их бледных руках, они шли на нее так, будто знали наверняка, о чем она думает. Словно вместе с ней они тоже считали выстрелы и знали, что у нее нет шансов.

Она выстрелила снова, в бешенстве кляня себя за то, что выпустила пулю не целясь. Она даже не знала, попала ли в кого-нибудь, но не обернулась, чтобы посмотреть. Она бросилась по коридору, назад, той же дорогой, откуда пришла. Она чувствовала их позади себя, они преследовали ее. Она слышала, как их ноги шлепают в темноте по линолеуму. Неужели они видели в темноте лучше, чем она? Она не знала. Она вообще ничего не знала. Она включила фонарик, более интересуясь тем, куда она бежит, чем тем, скрывать ли свое местоположение.

Она толкнула дверь и скользнула за угол, едва не налетев на картотечный шкаф, который кто-то оставил посреди коридора. Она опрокинула его, адреналин придавал ей сил, и грохот его падения разнесся эхом вокруг. Может быть, пара мертвых споткнутся о него.

Дыхание холодило ей горло на вдохе и выдохе, и она бросилась бежать, свет от фонарика скакал вверх-вниз по стенам и полу впереди нее.

56

Кэкстон забежала за угол, оказавшись в узком коридоре без окон. Она присела на корточки и постаралась выровнять сердцебиение и дыхание. Кровь с шумом билась у нее в ушах, и она боялась, что кто-нибудь услышит.

Кровь. Вот в чем все дело! Она была полна крови. Немертвые хотели выпустить ее, наверное, из мести за то, что Лора сделала с ними и с их хозяевами. Видимо, если ты неупокоенный, в твоём сердце не остается ничего, кроме ревности, направленной на все живое. Они хотели ее крови. И потом, был еще неизвестный вампир, бродящий по санаторию, так же ищущий ее, так же жаждущий ее крови, но уже по другим причинам.

Она услышала, как поблизости зашевелился немертвый. Он ступал по линолеуму тише кошки, крадущейся по саду, но она услышала его. Ничто так не обостряет чувства, как страх.

У нее оставалось три пули. Она уже перестала думать, что они могут хоть чем-то помочь ей. Одну из них она могла пустить себе в сердце — таким образом, по крайней мере, она не вернется обратно в мир в качестве вампира.

Как вариант, она могла выстрелить себе в голову. Но тогда она вернется.

Так ли это ужасно? Верно, это будет предательством по отношению к Аркли. Но она ему никогда не нравилась. Если она станет вампиром, то, по крайней мере, ее жизнь не закончится. Она сильно изменится. Но не закончится.

«Да», — сказал Райс внутри ее головы.

Он молчал всю ночь. То ли потеряв свою хватку, то ли просто выжидал момент.

«Да, — согласился кто-то еще. — В голову».

Кто-то еще.

Ее била дрожь с головы до ног. Она услышала, как немертвый бродит не далее чем в десяти футах. Она затаилась и не дышала, пока он не прошел мимо ее укрытия. Когда его шаги стихли, она облегченно вздохнула.

Кто-то еще говорил у нее в голове. Это было совсем не похоже на Райса. Кто-то еще был там.

— А ну, заткнулись все, черт вас дерит, — сказала она им.

Отрывистый смешок заклокотал у нее в горле, словно она смеялась над собой. Некрасиво, подумала она, но ей не хотелось дать им шанс ответить.

Она встала и прошла в конец темного коридора, изредка подсвечивая мини-«мэглайтом», чтоб не сбиться с пути. Этот коридор переходил в другой, пошире, забитый штабелями со стройматериалами — блоками кровельной плитки и аккуратными свертками запасной напольной плитки, стеллажами с досками, с рядами запаянных белых пластмассовых ведер, полных строительной смеси. Сквозь дыру в потолке струился лунный свет, окрашивая все призрачным серебром, но даже в этом жутком свете Кэкстон смогла разглядеть материалы, которые лежали тут годами, закупленные для какого-то проекта, который так никогда и не был начат. Наверное, они планировали заделать дыру в потолке. Дерево было проедено червями, отчего казалось скользким на ощупь, а некоторые ведра проржавели, и из них на пол длинными извилистыми дорожками высыпался белый порошок. Лора осторожно приблизилась, зная, что в тени, сразу за лунным пятном, мог прятаться кто угодно. Она взглянула на порошок, рассыпанный на полу. Ветер, дувший в дыру на потолке, равнодушно разносил его по сторонам. Он медленно заметал цепочку следов. Следопыт из Лоры был никакой, но понять, что следы ног были не больше ее собственных, она смогла. Кроме того, следы были свежими, четкими по форме. Совсем недавно тут прошла босая женщина.

«Лора», — сказал кто-то в комнате рядом с ней. Или их было несколько? Мозг Кэкстон не просто подшучивал над ней, он показывал масштабное лас-вегасовское волшебное шоу.

Она ни в чем не могла быть уверена. А то, что она услышала, было скорее похоже на кашель, чем на слово. Пожалуй, даже больше на скрип при усадке дома, чем на кашель. Если бы она не знала точно, она могла бы убедить себя, что это всего лишь ее воображение.

Она проследила взглядом за отпечатками ног до широких двойных дверей, перегораживающих коридор.

Черная надпись на дверях гласила: КЛИНИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ. Кто-то оставил ей сообщение — ей нужно было пройти через эти двери. Это была ловушка. Аркли предупреждал ее об этих ловушках. Дрожа сильнее, чем ей бы этого хотелось, Кэкстон шагнула к дверцам и толкнула одну из них, открывая. Она легко качнулась, петли чуть скрипнули.

Комната за ними была похожа на пещеру, и в ней было совершенно темно. Свет фонаря показал, что из нее вынесли все, что можно было вынести. Остались только литые железные каркасы кроватей, выкрашенные отслаивающейся белой эмалью. Их были десятки, может, около сотни. Некоторые были сдвинуты в угол и поставлены одна на другую. Большинство осталось именно там, где они и были, когда санаторий забросили. Они стояли ровными рядами, которые убегали от Лоры в непроницаемую темноту.

Сколько людей, сколько поколений людей умерло в этой комнате? Сколько человек лежало на этих кроватях, выкашливая свои жизни до тех пор, пока кто-нибудь не приходил и не увозил прочь их бездыханные тела? Сколько призраков осталось тут? Отец Кэкстон умер именно так, отрывисто кашляя каждую секунду. Он умер в постели, как...

Что-то легкое и мягкое, как перышко, ударило ее по плечу.

И тогда страх охватил ее. Это ей не показалось, живое, дышащее существо заползло ей на плечи и шею, словно пытаясь найти место, чтобы спрятаться. Кэкстон захотелось сбежать. Ей захотелось кричать. Она попыталась обернуться, но тело ее было полностью парализовано страхом.

Кэкстон застыла на месте и выключила фонарик. Она начала вновь медленно, но сосредоточенно дышать.

«Лора».

Наверное, это ветер шелестел ветвями деревьев. Да, конечно же. Деревья. И она впервые поверила этому. Но когда это повторилось снова и снова, она знала, что это такое. Это был вампир, и вампир этот играл с ней, словно кот с раненым скворцом. Кожа у нее на руках покрылась мурашками.

Вероятно, это была Малверн. Очевидно, купание в крови придало высохшей вампирше достаточно сил, чтобы звать ее, находясь на другом конце санатория. Или же это был другой вампир, неизвестный.

Холодное дыхание коснулось лица Кэкстон, шевельнув ее волосы. До сих пор в коридоре сквозняка не было. Значит, или кто-то где-то открыл дверь, или... или...

Она больше не могла это выносить. Она должна была знать. Лора включила фонарь и в это время заметила белую руку, с которой капало что-то красное. Рука резко отдернулась. Кэкстон ахнула от ужаса и развернулась, пытаясь понять, куда делся обладатель руки. Она ничего не видела. Она снова мигнула светом и выхватила пистолет, приведя его в состояние боевой готовности.

«Три».

Прошла секунда, другая, но ничего не произошло.

Кэкстон хотелось снова включить фонарик. Она говорила себе, что без него только хуже. Вампиры видели живых людей в темноте. Они видели их кровь. Она представила вампира, глядящего на нее в этот самый момент. Видит ли вампир ее напуганное лицо или же только кровь, струящуюся по ее венам? Она подумала, как, должно быть, это выглядело: разветвленная система кровеносных сосудов, которая осторожно удалена хирургическим скальпелем и подвешена к потолку на проволоке. Пустая форма, напоминающая человека: пульсирующий узор, извилистые ярко-красные линии, дрожащие в холодном воздухе.

Наверное, вампир был на расстоянии удара. В любой момент он или она мог

накинуться и разорвать Кэкстон на куски. К чему тогда это промедление? Стоять в ожидании собственной смерти, представляя предстоящую боль, было еще хуже, чем просто умереть.

Она включила фонарь и направила его вперед, отважившись показать вампиру себя. Вампир сделал одолжение и шагнул прямо в луч света.

В тридцати футах от нее, а может быть, дальше свет выхватил чуть больше, чем бледный человеческий силуэт. На вампире было надето белое кружевное платье, которое показалось Кэкстон странно знакомым, словно она уже видела его в журнале. Бесцветные руки были покрыты кровью.

Кэкстон уже видела эту картину раньше. В машине, когда она потеряла сознание от страха. Она видела вампира с окровавленными руками, обращенными к ней в мольбе. Теперь он поднял руки, выставив ладони, как будто ловя свет Кэкстон. «Краснота» упала с пальцев. Это была вовсе не кровь, поняла Кэкстон. Это были волосы, клочья коротких рыжих волос.

— Они выпали все разом, Тыковочка, — сказала вампирша, подвигаясь ближе.

Она двигалась так легко, будто скользила по полу.

— Я подумала, может, ты захочешь посмотреть на них, прежде чем они пропадут навсегда.

Кэкстон застыла. Ей казалось, она превратилась в камень. Звук, который она издала, не был именем, это был звук, с которым камни замерзают и трескаются на морозе. Впрочем, он прозвучал так ужасно, потому что был похож на имя Диана.

57

Диана дотронулась до ее рта, подбородка. Ее пальцы прошли по горлу Лоры и сплелись у нее на поясе. В голубом, неверном свете крошечного фонаря Диана выглядела вовсе не плохо. Даже при том, что она стала неуспокоенной.

— Рада видеть тебя, — сказала она очень тихо.

— Ди, — вздохнула Кэкстон. — Ди. Этого не может быть. Ты же не... Ты же не...

— Не убила себя? — спросила Диана.

В ее голосе был тот же рычащий призыв, что и у них. Кожа была цвета снятого молока. Она, наверное, голыми руками могла завязать узлом стальной прут.

Но это была Диана, снова живая. Ну, или почти живая.

— Я сама разбила то окно. Я порезалась сама. — Взгляд Дианы ощупывал лицо Кэкстон. — Думаю, это считается, — сказала она.

Помимо рычания в ее голосе слышалось придыхание. Сексуальная хрипотца. От этого кожа Кэкстон начала зудеть.

Было бы неправильным сказать, что Кэкстон решила, будто Диана жива. Она прекрасно понимала, что это не так. Или, скорее, умом она это понимала. Но у тела было свое мнение и собственные воспоминания. Оно помнило тело Дианы, когда та была жива. Оно помнило ее запах.

— Как ты могла так поступить с нами? Ты же знаешь, кто я. Над чем я работаю, — возмутилась Кэкстон.

Она шагнула ближе и дотронулась до странно отяжелевшего подбородка Дианы.

— Ты такая холодная, — сказала Лора.

Она наклонилась вперед и коснулась лбом лба вампирши. Они обычно так делали, когда оставались наедине и когда все было хорошо. Они привыкли прижиматься друг к другу. И на этот раз все было почти как прежде.

— У меня не было выбора. То есть кроме того, который я сделала. Конгрейв.

Вампирша закрыла глаза и зажала руками зубастый рот. Она затряслась от плача.

Кэкстон не могла смотреть на это.

— Тихо, — стала она успокаивать ее. — Тихо.

Она обняла тонкую фигурку Дианы. Ей хотелось прижать ее сильнее, пока она не согреется снова. Пока опять не превратится в человека. Где-то внутри ее горла умер всхлип.

Он не вырвался наружу.

— Откуда ты узнала про Конгрейва?

Диана оттолкнула Кэкстон. Она использовала ровно столько силы, чтобы разорвать объятие, но Кэкстон подспудно ощутила, насколько сильна Диана, и если бы она захотела этим воспользоваться... Это было все равно как если бы ее нежно оттолкнул грузовой трейлер.

Впрочем, Диана не причинила бы Кэкстон вреда. Она ни за что не навредила бы своей любимой. Кэкстон чувствовала это по тому, как Диана прикоснулась к ней, по тому, как они двигались друг возле друга.

— Они могут позволить нам остаться вместе навсегда. Иным путем этого не достичь.

Кэкстон покачала головой.

— Навсегда. Конечно. Навсегда, как одни из них. Ты видела Малверн?

Диана рассмеялась, и ее смех звучал почти по-старому.

— Конечно видела. Они позвали меня сюда.

Потом она отстранилась от нее, и по ощущениям это было неправильно. Диана присела на одну из кроватей, обхватив себя руками. Кэкстон встала на колени рядом, чтобы их лица сблизились.

— Жюстина единственная, кто может сделать это возможным. Я должна была умереть, Тыквочка. Я должна была умереть, и я не знала, как еще мне спасти себя.

— Шшш, — сказала Кэкстон и принялась утирать большими пальцами слезы на лице Дианы. Впрочем, то, что струилось из глаз вампирши, было не водой, а темной кровью. Кэкстон вытерла пальцы о брюки.

— Может, ты мне расскажешь, как все это произошло? — попросила Лора.

Да. Это было правильно. Ей нужно было снова начать мыслить как полицейскому. Но это было так трудно, при том что Диана была тут, Диана, которая снова двигалась, говорила и плакала.

— Конгрейв собирался убить меня. Ничего личного тут не было. Он был просто по соседству, охотился и наткнулся на меня. Он пришел в дом однажды ночью, когда ты была на работе. Собаки начали скулить, а свет в сарае выключился. Я вышла посмотреть, что происходит. Схватила из инструментов длинную отвертку, и когда вышла оттуда, то сказала:

«Кто бы там ни был, тебе лучше сваливать оттуда. Моя подружка — полицейский».

Но ничего не произошло. Тогда я вернулась в сарай, и тут он схватил меня.

— Конгрейв? — переспросила Лора.

Но как это было возможно? Они с Аркли убили Конгрейва задолго до несчастного случая, который произошел с Дианой.

— Да. Его руки были ужасно грубыми от мозолей, а он держал меня так крепко. Он сказал, что я сейчас умру, и я стала кричать и молить о спасении. Он велел мне заткнуться, я попыталась. Я правда попыталась. Он спросил меня, не художник ли я и не мои ли полотна были в мастерской. Я сказала «нет», потому что подумала, вдруг он какой-нибудь свихнувшийся святоша или что-нибудь в этом роде и хочет убить меня за мое искусство. Тогда он заглянул мне в глаза, и тут я увидела, что он вообще не человек. И я не смогла соврать ему, даже если бы захотела. Я сказала «да».

— О боже, — простонала Кэкстон. — Он загипнотизировал тебя. Он возложил на тебя проклятие, а ты даже не знала, что происходит.

Диана пожала плечами.

— Мне не нравится думать об этом в таком свете. Он сказал, что он тоже был человеком искусства. Музыкантом. Он действительно понял мои работы, Лора. С этим нельзя было не считаться, правда? Он сказал, что такой талант, как у меня, нельзя тратить впустую. Он спросил меня, хочу ли я жить или умереть. Вот именно так. Знаешь, мне действительно пришлось над этим задуматься.

Диана посмотрела на свои руки. Она теребила полу ее платья. Кэкстон внезапно поняла, где она его уже видела. Это было платье подружки, которое она надевала на свадьбу своего

брата. Неужели Перфлиты похоронили ее в нем?

— Он смог понравиться тебе. Ты должна была сказать, что хочешь жить. — Кэкстон попыталась вернуться к разговору.

Диана кивнула.

— А потом он ушел. И мне начали сниться эти сны. Сны о тебе, истекающей кровью и умирающей.

Кэкстон попятилась назад, как краб, и села на кровать, так, чтобы видеть лицо Дианы. Вот две женщины, две живые женщины, сидящие на кровати, почти соприкасаясь коленями. Две женщины, которые просто разговаривали. Больше ничего тут не было, говорила она себе.

Диана опустила голову, и стала говорить непонятно, куда-то в скрещенные руки.

— Я боролась с проклятием так сильно, как только могла. Я пыталась не спать. В этих снах они заставляли причинять себе боль. Но это даже милосердно, правда? Ты ничего не чувствуешь, разве что когда спишь. Жаль только, я не знала, каково это будет, тогда бы не было так страшно. Мне правда очень жаль, Лора. Я правда испугалась. Иначе бы я не сказала им про тебя.

— О чем ты говоришь? — спросила Кэкстон, стараясь, чтобы ее голос звучал нежно.

— Я сказала, что не выдержу в одиночестве. Я не могла оставаться с ними, если это означало, что ты останешься в прошлом. Мистер Райс сказал, что у него есть вариант. Он решил, что можно будет взять нас обеих. Кажется, ему в самом деле понравилась эта идея.

Нет, это просто не могло быть правдой. Не могло. Кэкстон чувствовала себя так, словно она сложила мозаику до конца и обнаружила, что она не совпадает с рисунком на коробке. Она покачала головой.

— В этом нет смысла, Диана. Твоя история — это ерунда.

— Что ты хочешь сказать? — спросила вампирша.

— Это... это дело... все было из-за меня, по крайней мере, сначала. Потому что я остановила их во время проверки на трезвость. Тогда Райс узнал обо мне.

Это было единственное, что она знала наверняка, единственный ключ, который она держала крепко и уверенно в голове все это время. Вот отчего Аркли втянул ее в этот крестовый поход с самого начала. Из-за этого немертвый шел за ней до самого дома. Потому что тот вампир хотел сделать ее своей.

— Тыквочка, — сказала Диана, поднимаясь на ноги.

Кэкстон тоже встала.

— Ну какая разница, что из-за кого началось?

— Конечно, есть разница.

Это объясняло все. Вампиры пришли за ней. Они были одержимы ею.

— Все началось той ночью, когда я проводила проверку на трезвость. Тогда немертвый пришел за мной к дому.

Но Диана еле заметно качнула лысой головой.

— Нет, Лора, нет. Это началось намного раньше.

— Чушь собачья, — раздраженно отрезала Кэкстон.

Она обхватила себя руками.

— Вообще, откуда ты это знаешь?

— Господи, ну прекрати уже! Ты же не настолько глупа!

Диана встала, и Кэкстон встала следом, но чувство было такое, что она первая вскочила на ноги. Диана все еще поднималась. Неужели она выросла с тех пор, как стала вампиром? Или же просто она стояла на возвышении.

— Тот немертвый не случайно проехал мимо твоего поста. Он ехал за тобой.

— Нет.

«Нет, нет, нет, — мысленно повторяла она. — Нет».

— Да.

Диана потянулась и схватила Кэкстон за плечи. Достаточно сильно, чтобы сжать. Даже немного больно. Она действительно хотела убедить Кэкстон, что говорит правду.

— Конгрейв послал его найти тебя и привести тебя к нему, так чтобы мы с тобой могли сделать это вместе.

— Нет, — снова повторила Кэкстон.

— Да. Потому что мне было страшно сделать это одной. И потому что Райс хотел, чтобы мы стали парой. Я так смутилась, когда ты разбудила меня той ночью, словно ничего не произошло. Потом ты спугнула немертвого. Того, который предназначался тебе.

«Нет», — думала Кэкстон, но не могла произнести это вслух. Ей казалось, если бы она сказала, это могло прозвучать как «да». Она понимала: все могло быть именно так, как говорила Диана. Могло быть, но не было. Будь это правдой, значит, Диана была проклята все это время, а Кэкстон даже не заметила, что так промахнулась...

— Вся эта история, вся боль и все страдания были из-за меня. И если бы ты просто попробовала поговорить со мной, если хотя бы осталась со мной той ночью, когда я поранилась... мы бы стали... мы смогли бы сделать это вместе...

— Нет! — выкрикнула Кэкстон.

Ей просто хотелось прекратить все это. Она выхватила «глок» и выпустила последние три пули в грудь Диане: одну, другую, третью.

Грохот перекрыл все слова. Но только на миг.

Потом Кэкстон взглянула на то, что сделала. Белое шелковое платье было опалено и порвано, но на коже под ним не было ни царапинки. Диана была абсолютно невредима.

— О боже... Ты уже кормилась этой ночью! — взывала Лора.

— Ты моя девушка. Ты должна всегда быть со мной, остальное не важно! Мы должны стремиться к одному. Ну почему с тобой так сложно?

Пальцы на плече Кэкстон сжались, словно механические тиски. Кэкстон почувствовала, как кости в ее плече заломило от боли и они начали трещать.

— Ты что, больше не любишь меня? — требовательно спросила Диана.

58

Пальцы Дианы железными ножами врезались в тело Лоры. Ногти у нее были такими же короткими, как в жизни, но тем не менее они прорвали куртку Кэкстон и рубашку, словно стали острыми, как лезвия бритвы. Через секунду они вонзятся в кожу.

А что будет потом? Диана уже была в ярости. Если она увидит свежую человеческую кровь, остановится ли она, чтобы подумать о том, что им с Кэкстон нужно быть вместе? Кэкстон была более чем уверена, что нет.

Она попыталась вырваться, выкручивая плечи вправо-влево. Лицо Дианы застыло в муке, глаза расширились, челюсть отвисла. Ее зубы сверкнули в мизерном освещении клинического отделения. Голова запрокинулась назад, приготовившись вонзить зубы в шею Лоры. Движение было до боли медленным, вероятно, неосознанным. Когда оно завершится, Кэкстон погибнет. Она видела, как точно так же погиб Хазлитт. Она видела множество жертв вампиров.

Руки и плечи задрожали. Смертельная хватка лишала ее возможности двигаться. Пустой «глок» выпал из руки и резко гроыхнул о железный остов кровати.

Кэкстон заскрипела зубами и направила все силы до последней капли на то, чтобы оттолкнуть Диану, вырваться из хватки. Куртка с треском расползлась длинными полосами, а сама Лора перекувырнулась назад, споткнувшись об остов кровати, широко раскинув руки в попытке защититься при приземлении. Диана, казалось, надвинулась, словно она еще больше выросла и могла перелететь через голову Кэкстон. Она собиралась напасть сверху. Лора перекатилась на бок.

Вампирша всем весом упала на кровать, при этом раздался скрипучий звук деформируемого металла. Кэкстон успела сесть, потом вскочила на ноги. От адреналина ей казалось, что она совершенно ничего не весит, словно ее опустошили и наполнили воздухом.

Она не обернулась, чтобы посмотреть на Диану. Она просто бросилась бежать.

Она бежала, даже не позаботившись включить фонарь. Ногой она задела другую кровать и могла бы упасть, но от страха спина выпрямилась. Она больно врезалась в двойные двери на дальнем конце клинического отделения, ударив бедро о поручень. Двери скрипнули, распахиваясь, и она выбежала наружу.

Диана была у нее за спиной. Одной рукой она потянулась, чтобы схватить дверь, пока Лора еще не успела выбежать в коридор. Кэкстон свернула в сторону и бросилась по коридору, глубоко дыша. Мощные вдохи буквально разрывали ее грудь. Но не успела она найти новую дверь, как Диана ударила в спину, размазывая Лору по полу. Кэкстон поднялась только благодаря силе воли и снова бросилась бежать.

Еще одна дверь. Комната была вымощена заплесневевшей плиткой. Лора видела не дальше трех футов перед собой. Она чувствовала, что с комнатой что-то не так, словно в ней не хватает стен или же будто пол провалился вниз... что-то не то... да, это был пол. Что-то происходило с полом. Она сделала шаг и отпрянула назад, хватаясь за стену.

В дверь ворвалась Диана, словно бледная комета, сверкающая в безграничном космосе. Лицо ее было приподнято, а рот широко раскрыт, как будто она собиралась проглотить Кэкстон целиком. В темноте казалось, будто она летит, в самом деле летит — и тут она внезапно исчезла из виду.

Кэкстон попыталась немного отдышаться, но казалось, во всем мире недостаточно кислорода, чтобы помочь ей. Головная боль возникла в районе затылка, словно ее мозг просил больше кислорода, больше адреналина, больше эндорфинов, больше всего остального. Лора сильнее и сильнее прижималась к стене, будто та могла впитать ее, будто кафель мог раздвинуться и пропустить ее внутрь, в укрытие.

Диана взревела, придя в ярость оттого, что ей помешали. Рев прокатился по комнате, странно резонируя.

Кэкстон подняла свой «Меглайт» и включила его. Посветила им на грязные плитки, пытаясь понять, что произошло. В пяти футах перед ней пол обрывался. Если бы она, очутившись в этой комнате, побежала вперед, то провалилась бы в эту дыру. Она посмотрела на дверь, через которую попала сюда, и свет выхватил выцветшие черные буквы, выведенные на ней: БАССЕЙН.

Бассейн... Она слышала, как Такер однажды упоминал о нем. Она аккуратно отстранилась от болезненного укола вины, которую она ощутила, вспомнив о смерти Такера, и осмотрела комнату. Она пыталась понять, куда делась Диана. Принюхалась к воздуху. Запах хлорки исчез давным-давно, и Лора была более чем уверена, что бассейн высох. Впрочем, она чувствовала какой-то запах, мерзкий и неестественный, от которого в носу засвербило. Это был запах вампира. Куда бы ни делась Диана, она была поблизости. Достаточно близко, чтобы напасть в любой миг. Неужто она играла в какую-то игру? Кэкстон так не думала.

Ей нужно было знать больше. Но ей не хотелось отрываться от стены. Она чувствовала, как тело прилипло к кафелю. Она сделала один осторожный шаг ближе к краю бассейна и посветила вниз, на бетонный пол.

Там был резкий обрыв до самого дна. Внизу она увидела плитки кафеля, еще и еще, бесконечные их ряды. Когда-то они были белыми и гладкими, но черная плесень, которая заполняла канавки между ними, распространилась по всей растрескавшейся поверхности плиток. Время и вода разрушили некоторые из них, и теперь дно бассейна было усыпано мелкими острыми осколками. Один угол был покрыт темным налетом от пены. Чуть левее Лора заметила массивный бронзовый слив, почерневший от патины. Кэкстон медленно повела лучом по дну бассейна. Она должна была выяснить, она не могла просто...

Диана прыгнула наверх, едва не выбив фонарик из ее руки. Челюсти клацнули в воздухе, и она отскочила, приземлившись на все четыре конечности, словно хищная кошка. Она уставилась на Кэкстон; ее глаза были полны тупой, примитивной ненависти. Ее белое платье было испачкано: спереди красовалось грязное пятно. Она бросилась через дверь, намереваясь схватить Кэкстон и выпить ее кровь. Она бежала не разбирая дороги, поэтому и свалилась в бассейн.

Кэкстон шагнула назад, прочь от края.

Самое время вновь броситься бежать.

Она толкнула двери и вернулась в коридор. По ее расчетам, у нее было десять, может, пятнадцать секунд до того, как Диана найдет лестницу или выберется по мелкому краю бассейна. На большее время она не могла рассчитывать. С включенным светом, она бросилась обратно по своим следам. Впрочем, в клиническое отделение Кэкстон возвращаться не собиралась.

Чтобы найти желаемую дверь, на которой значилось «оранжерея», ушло три или четыре секунды. Она распахнула ее и вырвалась под лунный свет, такой яркий, что он ослепил ее.

Позади она услышала Диану, снова закричавшую от ярости и разочарования. Ну, теперь ждать недолго, сказала себе Лора. Лучше бы ей подготовиться.

59

Сначала ей нужно было определиться с выбором. Ей надо было решиться убить Диану. Не важно, кем они были друг другу. Не важно, кто кого подвел. Она спросила себя, что бы сказал ей Аркли, и поняла: Аркли бы сказал, что Диана стала противна самой природе. Превратилась в чудовище.

Это не помогло так, как ей бы хотелось. Она знала: она все еще могла любить это чудовище, если бы позволила себе. Она бы смогла снова научиться любить Диану, она бы простила ее за то, что та наделала, и это было бы вовсе не так трудно. Но похоже, шансов на это у нее не было. Диана убьет ее, если только она не убьет Диану первой. Решение было принято. Она убьет Диану, если сможет.

Второе, что предстояло решить, это как она будет ее убивать.

Оранжерея, которую она наконец нашла, была когда-то длинным, двухэтажным зданием, где кирпичные дорожки вились между столами, шпалерами и огромными цветочными горшками. Стены и покатая крыша были сделаны из широких зеркальных стекол, удерживавшихся рамами из стальных балок. Должно быть, тут когда-то было красиво, подумала она, убежище умирающих пациентов. Во всяком случае, место, куда они могли выбраться из своих кроватей. Но время и погода изменили оранжерею. Растения либо умерли, либо разрослись намного сильнее, чем на это когда-либо рассчитывали обитатели. Лозы вились по стенам, оплетая грязные стекла, усыпав кирпичный пол коричневым скрученным сором. Дальний конец оранжереи был полностью разрушен, наверное, одной из сильных бурь, которые время от времени обрушиваются на окраины Пенсильвании. От одной балки до другой была натянута желтая лента ограждения, предупреждавшая служащих, чтобы они туда не совались. И Лора могла сказать почему: длинные острые куски битого стекла были поставлены там вертикально в ряд, наверное, теми же рабочими, которые за клиническим отделением бросили стройматериалы и доски.

Кэкстон нужно было оружие. Она поводила фонариком и нашла кусок стальной подпорки, которая когда-то поддерживала шпалеру. Она была почти совсем ржавая и могла сломаться после пары ударов. Со всей яростью, которую рождали страх и отчаяние, она сломала ее пинком ноги. Схватила, и ей сразу стало лучше, хотя чувство безопасности было иллюзорным. В руках у нее оказалась железная палка размером с резиновую дубинку, жутковато заостренная с одного конца.

Потом ей нужно было подпереть дверь. Она увидела терракотовый горшок размером с холодильник, который, решила она, можно использовать в качестве баррикады. И только она пошла к нему, чтобы его подвинуть, что потребовало бы от нее всех ее сил до капли, как дверь со стуком распахнулась и в оранжерею с ревом влетела Диана.

Она была в двадцати футах от нее — и вот она уже рядом с Кэкстон. Ее бледная рука сверкнула, словно фотовспышка. Лицо Кэкстон обожгла боль, а в ушах зазвенело, словно ее голова была колоколом, в который ударили. Она почувствовала, что падает. Нос заболел практически сразу, и она подумала, что он, наверное, сломан. Она попыталась удержаться на

ногах, но, когда поняла, что это безнадежно, выставила вперед руки, чтобы упасть на них.

Диана потянулась вниз. Еще не успев упасть на землю, Кэкстон взлетела вверх. Диана ударила ее в живот, и Лора задохнулась от боли. Спазм тошноты заставил ее согнуться, и Лора поняла, что ее сейчас вырвет. Рука Дианы опустилась ей на плечо. Она почувствовала, как треснули кости и стали тереться друг о друга. Она перестала владеть рукой, и ее жалкий прут полетел с грохотом на грубый кирпичный пол.

Если бы Диана не держала Кэкстон, она бы, наверное, разбилась. Она упала на колени, больно ударившись ими, и обхватила себя за живот, чувствуя, будто ее выпотрошили. Впрочем, Диана вовсе не порезала ее. На ней не было ни капли крови, даже из носа, который был горячим и онемевшим и как минимум вывихнутым, кровь не шла. Ей было ужасно больно, она чувствовала, что, наверное, никогда больше не поднимется. Но кровотечения у нее не было.

Диана продумала свое нападение. Она позаботилась о том, чтобы не ранить Кэкстон.

— Ну что ты хочешь от меня? — пробормотала Лора.

— Ты знаешь, чего мы хотим. Ты знаешь, чего хочет она. — Диана опустилась на корточки перед Кэкстон и скрестила руки на острых коленках. — Мы хотим, чтобы ты убила себя и покончила со всем этим.

— Это то, чего хочет она, — ответила Кэкстон. — Но чего хочешь ты, Ди?

Диана положила голову на руки и отвела взгляд.

— Это просто небольшая ссора между нами. Мы можем справиться с ней и помириться. Я все еще люблю тебя. Я все еще хочу быть с тобой. Но этого не может быть, пока ты человек. Поэтому я тоже хочу, чтобы ты убила себя.

Учитывая то, как она чувствовала себя сейчас, это прозвучало не так страшно. Это будет концом боли и страха.

— Я буду в обиде на тебя вечно, — сказала Лора. — Я буду ненавидеть тебя за то, во что ты меня превратила.

Диана печально улыбнулась.

— Нет, это неправда. Может, сначала ты и будешь расстроена. Но потом ты проголодаешься. Ты захочешь крови больше, чем будешь ненавидеть меня. И тогда ты попробуешь ее... Когда я ее попробовала, я поняла, что никакое это не проклятие. Плевать мне, Тыквочка, если я состарюсь и высохну. Мне плевать на то, как противна кровь на вкус. Когда я почувствовала силу, которую она дала мне, мне стало плевать на все. И с тобой будет то же самое, я обещаю.

Кэкстон была уверена, что Диана говорит правду.

— Но мне так страшно, Ди, — призналась она. — Ты же знаешь про мою маму.

Слеза показалась в уголке ее глаза, но она стерла ее. Это чересчур.

Диана потянулась вперед и погладила Кэкстон по волосам.

— Я знаю. Я знаю, что тебе страшно. Но это всего лишь миг.

Она схватила Кэкстон за руки и поставила ее на ноги.

— Пошли. Я помогу тебе.

— Нет, — ответила Кэкстон. — Давай я сделаю это сама.

Ее все еще трясло, но она пришла в себя достаточно, чтобы идти. Она шагнула туда, где на кирпичах лежал ее железный прут.

— Давай сделаем это тут, под луной, — я не могу сделать это в темноте.

Улыбка Дианы была абсолютно чистой и невинной.

Кэкстон подошла к заградительной ленте и подняла свой прут. Диана здорово изувечила ее, но постаралась не пролить ни капли ее крови. Кэкстон не была уверена почему, но знала, что это, должно быть, важно.

— Может, мне нужно сделать это так?

И Кэкстон полоснула себя острым концом прута по левому запястью.

— Тыквочка, нет! — ахнула Диана, скидывая руку, чтобы остановить Лору.

Потом опустила руку и просто стала смотреть.

Острая боль наполнила руку. Лезвие бритвы сделало бы более аккуратный разрез, но тогда бы рана не так кровоточила. Кэкстон смотрела, как темная кровь вытекает из раны, заполняя узкую канавку на руке. Она заполнила порез, вышла за его края и потекла по запястью. На кирпичи упала капля, черная в лунном свете.

— О Тыквочка, — простонала Диана.

Она уставилась на кровь на руке Кэкстон.

— Что? Я что-то сделала не так? — спросила Лора.

Конгрейв, вспомнила она, который был без сознания, раненый, лежал на земле без чувств, пришел в себя от одной только капли ее крови. Как будто его сердце получило инъекцию адреналина. Райс пытал и избивал ее, но ни разу не нарушил целостность ее кожи.

Может, они боялись крови так же сильно, как хотели ее. Может, они сходили с ума от нее. Может, она заставляла их терять контроль над собой.

Рот Дианы широко раскрылся. Ее ноги зацарапали по кирпичу, и спустя мгновение она уже бежала, вытянув руки, закрыв глаза, щелкая пастью в разреженном воздухе. Казалось, она парит в невесомости. Ее ноги почти не касались земли, и она неслась со скоростью галопирующей лошади, ведомая этой кровью.

Кэкстон рассчитала превосходно. Она упала на пол, перекатилась налево, и Диана пронеслась мимо нее, двигаясь слишком быстро, чтобы затормозить.

Вампирша с хрустом врезалась в стоящие плотными рядами острые стекла, руки разлетелись в стороны в попытке найти что-нибудь, за что можно схватиться, чтобы смягчить удар. Мельчайшие осколки взлетели в воздух, словно кружащийся, падающий снег.

Звук... звук был неземной. Дробящийся крик. Миллион крошечных звенящих колокольчиков.

Живого человека, несомненно, разорвало бы на куски. Диана же медленно встала, платье свисало с нее лохмотьями. Кожа была сплошь покрыта кровью, темной, мертвой кровью, то капавшей, то льющейся с ее рук и ног. Она попыталась удержать ее. Она лизала себя, словно кошка, пытаясь снова впитать всю эту вытекающую из нее кровь.

Это не работало.

— Она должна быть свежей, — сказала Кэкстон. — Она должна быть теплой.

Диана подняла красные смятенные глаза. Она не понимала, что с ней произошло. Потом она увидела кровь, капающую с запястья Кэкстон, и ее рот непроизвольно распахнулся. Она сделала шаг вперед, но острый осколок стекла пронзил ее ногу. Диана взвыла.

Кэкстон сняла форменный галстук и намотала его поверх запястья, затянув до боли и завязав его, словно жгут. Теперь нет смысла умирать от кровопотери, решила она.

Она дала Диане возможность сделать еще несколько шагов к ней. Она ждала, пока вся кровь не вытечет из безупречного тела уже исцелившейся, но бледной, намного более бледной Дианы. Она выглядела так, будто была вырезана из мрамора. Румянец полностью пропал с ее щек. Кровь больше не защищала ее. Хорошо было бы иметь сейчас «глок» с полной обоймой, но теперь сгодится даже острый железный прут. Кэкстон размахнулась по широкой дуге и вонзила острый конец прута в грудь Дианы. Чуть левее позвоночника.

Диана завизжала, завывала, попыталась что-то сказать, прося, умоляя. О чем? Может, о прощении. Кэкстон выдернула прут и ударила еще и еще раз. Трех раз будет достаточно, решила она. Должно было хватить. Ударить подругу в четвертый раз у нее уже не было сил. Руки были словно ватные.

Наконец Диана перестала двигаться. Ее красные глаза уставились на луну, белое лицо было абсолютно неподвижно, лишненное ужаса, боли и смерти.

Выползти из разрушенной оранжереи было нелегко, хотя больше не было преследовавших ее вампиров. Она наконец была свободна и направлялась в переднюю часть санатория, двигаясь медленно, тихо, избегая немертвых. Она должна была привести помощь

для Аркли. Как только он будет в безопасности, по дороге в больницу (при условии, что он еще не умер), дело можно будет официально закрыть.

Снаружи на лужайке ее ждал сюрприз — разноцветный свет, который отражался от деревьев и мигал на мокрой траве.

Свет окатил ее, освещая руки и поврежденное плечо. Он блеснул в ее глазах, красным, синим и желтым — или белым. Как минимум двенадцать патрульных машин стояло под странными углами на лугу перед санаторием. Две машины «скорой» и «Мясорубка» вместе с ними. Капитан Сьюзи стояла, высунувшись из люка на бронированной крыше, с MP5 на плече. Свободной рукой она махала Кэкстон.

Лицо Кэкстон побагровело от злости. Где все они были раньше? Почему никто другой вместо нее не мог убить Диану? Пока они стояли тут на лужайке, она боролась там не на жизнь, а на смерть.

Тут задняя дверь «Мясорубки» распахнулась и наружу выпрыгнула Клара с защитными щитками на коленях и локтях, пристегнутыми поверх формы помощника шерифа. Кто-то велел ей остановиться, но она продолжала бежать, пока ее руки не обхватили Кэкстон.

— Ты жива, — всхлипнула Клара. — Когда я получила твое сообщение, я была у тебя дома.

— Сообщение? — спросила Кэкстон.

Ах да, она отправляла одно, как раз перед тем, как нашла в мастерской Аркли. Несколько часов назад.

— Ты сказала, тебе нужна моя помощь, но не сказала, в чем именно. Я приехала к тебе домой, он выглядел как поле битвы. Все было разгромлено, и повсюду были трупы. Собаки скулили как безумные.

— Собаки?

Клара кивнула.

— Они в порядке. Их не задело, просто они напуганы. Я подумала, что ты захочешь узнать.

Собаки были в порядке. Это было хоть что-то, хоть какая-то хорошая новость, за которую можно было уцепиться. Но Кэкстон этого было мало. Ей нужно было больше хорошего, больше жизни. Что-то большее, чтобы не удариться в истерику.

— Когда я поняла, что тебя там нет, я позвонила в свой отдел, и в ваш отряд, и в Бюро тюрем, и всем остальным, кому только могла.

Тут Клара переменилась в лице, выражение тревоги сменилось профессиональным интересом:

— Эй, — сказала она. — Ты как, нормально?

И как прикажете отвечать? После всего того, что произошло. После всего того, что она сделала. Была ли она все еще нормальной, все еще человеком?

Лора не была уверена.

— Я... нет. Я не в порядке.

Клара кивнула.

— Все будет нормально, — сказала она.

Она нагнулась и прижалась губами к губам Кэкстон. После секундного замешательства Кэкстон уступила ей. Она чувствовала, как она словно тает в объятиях другой женщины. Оттуда, где были припаркованы полицейские машины, раздались крики и улюлюканье, но Кэкстон было плевать. Это была слишком долгая ночь.

— Спасибо. Спасибо, что пришла мне на помощь, — сказала она.

В глазах Клары светилось понимание, абсолютное понимание. Наверное, она действительно понимала ее, пусть немного. Это помогло, тем более что Кэкстон так и не могла разобраться в себе. Мигающий переменчивый свет озарял лицо Клары то красным, то желтым, то синим.

Кэкстон побрела к «Мясорубке» и кивнула капитану Сьюзи. Оглянулась и обнаружила еще и шерифа Клары. Это была не его юрисдикция, но, наверное, полиция штата временно

мобилизовала его. О бумажной работе она будет беспокоиться потом.

— Кто-нибудь, дайте мне винтовку, — сказала она.

Оружие выудили откуда-то из кузова патрульной машины и передали ей.

— В этом здании находится неопределенное количество мертвых, — сказала Лора. — Мы должны найти их всех. Но сначала мы вытащим оттуда специального представителя Аркли. Он не в лучшем состоянии.

Она слишком поздно поняла, что у нее нет никаких прав командовать тут — она была всего лишь дорожным патрульным, в конце концов.

— Ничего, что я так?

Капитан Сьюзи ухмыльнулась ей сверху.

— Показывайте дорогу, патрульный.

Кэкстон повела шестерых вооруженных до зубов ребят за собой, все были с мощными фонарями. Она отлично помнила дорогу в палату Малверн, но ей все еще претила мысль о возвращении в темноту санатория «Арабелла». Она чувствовала, словно эти тени могли что-то скрывать. Когда она наконец добралась до пластикового занавеса в палате, она с облегчением вздохнула. Никто на них не выпрыгнул. Ни одна бледная тень не выскочила из темноты, чтобы разорвать их на куски.

— Ладно, приготовьте носилки, — сказала она, откидывая занавес.

Она удивилась, обнаружив Аркли сидящим внутри. Еще более она была удивлена, увидев стоящую на своих ногах Малверн.

Старая-престарая вампирша ни в коей мере не выглядела полностью исцелившейся. Ее мышцы были тонкими и сухими, словно виноградная лоза зимой, и они обвивали кости, легко различимые под ее пергаментной кожей. Окровавленная сорочка висела на ней мешком. Лицо было растянутое и пятнистое, а единственный уцелевший глаз округлился только наполовину. Но крови, которую Скейпгрэйс и Диана приносили ей, должно быть, хватило как раз настолько, чтобы она впервые за сотню лет встала из гроба. Она стояла прямо и даже шла, направляясь с разинутым ртом к Аркли. Зубы ее, судя по виду, полностью восстановились — острые и смертоносные.

— Молодец. Иди сюда, — сказал Аркли.

Он оперлся на одну руку. Другой махал, подзывая Малверн ближе.

— Давай, старая ведьма. Ты же хочешь этого. Ты можешь это получить.

Он где-то порезал руку. На ладони была свежая кровь. Может, она так и кровоточила не останавливаясь — это была та самая рука, пальцы на которой откусил Скейпгрэйс. Когда лучи фонарей упали на руку, она блеснула, как мокрая.

Кэкстон чувствовала желание, которое излучало тело Малверн. Каждой клеточкой своего вновь восстановленного тела она жаждала этой крови. Это было все, что она видела, все, о чем она могла думать.

Лора знала точно, что делал Аркли. Давным-давно судья решил, будто Малверн — это человеческое существо и закон должен защищать ее от физического нападения со стороны полиции. Если же Малверн сделала бы хоть малейшую попытку нанести ущерб или ранить человека, это меняло все дело. Ни один суд ни в одном штате не обвинил бы патрульного за то, что он застрелил вампира во время атаки на Аркли. Стоило ей только прикоснуться к нему, как Малверн становилась законным объектом нападения.

Лоре хотелось наорать на Аркли, приказать сопровождению вытащить его оттуда. Ей хотелось спасти его жизнь. Впрочем, она знала, что бы он ответил ей на это. Вся его жизнь или по крайней мере двадцать лет ее были положены на то, чтобы получить этот шанс. И он не хотел, чтобы кто-нибудь лишил его этого шанса.

Кэкстон застыла на месте. Она чувствовала, как напряглись полицейские у нее за спиной. Они хотели атаковать. Лора подняла руку, удерживая их.

— Давай. Давай бери ее, — проскрипел Аркли.

Малверн заскользила к нему по полу. Руки, висевшие вдоль тела, сжались. Кулаки напряглись, а потом расслабились снова. Она должна была понимать. Она слишком долго

лежала в гробу, представляя, каково это будет — вонзить зубы в федерала, который держал ее в плену; какие мстительные планы строила она? И все же она понимала, чем ей это грозило. Чего будет стоить ей рот, полный крови.

— Ты не сможешь отказаться, — искушал ее Аркли. — Будь ты человеком, тогда, быть может, ты бы смогла справиться. Но ты — вампир, и, значит, ты не сможешь устоять перед запахом крови, правда?

Он шагнул к ней, рука все время была вытянута вперед, качаясь у ее лица. Он был на грани уголовного преступления, провоцируя нападение, но Кэкстон решила: если ее спросят в суде, то она солжет в его пользу. Все, что угодно, лишь бы он победил.

Тонкое, полупрозрачное веко опустилось на единственный глаз Малверн. Оно слегка дрогнуло, словно она собиралась упасть в обморок.

— Давай! — закричал Аркли.

Его тело тоже сотрясала дрожь. Он тоже выходил из себя.

— Давай!

Ее рот медленно закрылся. Через силу. Потом снова открылся, и раздался шуршащий звук, словно из него вылез свернутый бумажный мешок.

— Будь ты проклят, — сказала она.

Потом она повернулась, крадучись вернулась к своему гробу и перегнулась через край. Она легла, опустив свою морщинистую голову на шелковую обивку.

— Нет, — завопил Аркли и хлопнул раненой рукой по полу. — Я слишком долго тянул с этим! Я все потерял!

Нерешительно, слабыми костлявыми руками Малверн схватилась за крышку гроба. И закрыла ее.

Благодарности

Написать и подготовить эту книгу мне помогало множество людей. Я бы хотел поблагодарить всех моих онлайн-редакторов. Каждый раз я стараюсь перечислить их и каждый раз забываю имена людей, которые заслуживают упоминания, так что на этот раз даже не буду пробовать. Вы же и сами знаете, кто вы. Благодаря вашим комментариям и вашей поддержке эта книга состоялась.

Я бы хотел, разумеется, поблагодарить Алекса Ленчицки, замечательного друга и великолепного делового партнера. Алекс первый дал приют этой книге и верил в нее с самого начала.

Джейсон Пинтер, мой издатель, конечно, заслуживает благодарности за помощь в обработке рукописи и в том, что книга стала сильнее. Кэрри Торнтон вдохновляла процесс написания книги с тех пор, как что-то стало получаться и рукопись уже можно было показывать, и ни разу не колебалась в своей поддержке, за что я ей и благодарен.

И наконец, я бы хотел поблагодарить свою жену, Элизабет. Когда я мучился над тем, как закончить историю, она предложила единственно возможный вариант:

«И тогда гоблин съел вампира. Конец».